

✓
А. П. Родивин

Изданіе Кассы Взаимопомощи Студентовъ С.П.Б. Политехническаго Института.

ОБЩЕЕ УЧЕНІЕ О ГОСУДАРСТВѢ.

3580 к. Гое. 147.

Лекціи проф. М. М. Ковалевскаго,
читанныя на 3 и 4-омъ семестрѣ Экономическаго отд.
СПБ. Политехнич. Инст. въ 1908-9 г.

С.-Петербургъ

Типо-Литографія И. Трофимова, Можайская ул., д. № 3.

1909.

Опредѣленіе государства.

1.

Вопросъ съ котораго обыкновенно начинають изученіе государственнаго права есть вопросъ о томъ, что такое государство. Такъ какъ общественный союзъ, называющійся государствомъ, существуетъ давно, то и вопросъ этотъ ставился уже въ глубокой древности; хотя нужно сознаться, что и въ настоящее время вопросъ объ опредѣленіи государства принадлежитъ къ числу наиболее спорныхъ въ наукѣ государственнаго права. Последнее представляется въ значительной стѣпени печальнымъ, и только нѣкоторымъ утѣшеніемъ можетъ служить мысль о томъ, что и въ другихъ, болѣе точныхъ наукахъ, чѣмъ науки общественныя, въ естествознаніи существуютъ вопросы не менѣе спорные, чѣмъ и вопросъ о томъ что такое государство.

Является ли государство союзомъ большаго или меньшаго множества людей, объединенныхъ общностью власти и права, или оно представляетъ ни что иное, какъ форму владычества правящаго класса съ единоличнымъ или многоголовымъ руководствомъ, класса, признающаго свои себялюбивыя велѣнія за законы или общеобязательныя нормы для подвластныхъ, вопросъ этотъ доселѣ раздѣляющій писателей по государственному праву и политикѣ, быть можетъ впервые былъ поставленъ въ литературѣ въ сочиненіи Платона „О республикѣ“*) Пререкаясь съ Сократомъ софистъ Тразимахъ даетъ справедливости слѣдующее опредѣленіе: „Справедливость, говоритъ онъ, польза сильнѣйшаго.“ Поясняя свою мысль, Тразимахъ заявляетъ далѣе: „При единоличномъ правленіи, какъ при народномъ или дворянскомъ, иначе говоря, равно въ монархіи, демократіи и аристократіи, правящему элементу принадлежитъ сила. Онъ пользуется ею для того чтобы издавать законы, отвѣчающіе его выгодѣ. Вотъ почему, когда править народъ, мы имѣемъ демократическіе законы, а единоличный правитель даетъ народу законы монархическіе. То, что отвѣчаетъ ихъ выгодѣ, властители называютъ правомъ, которому подчиненные должны повиноваться. Нарушители этихъ обязательныхъ

*) См. П л а т о н ъ. О республикѣ или справедливости, кн. 1.

норіи, они подвергаютъ наказаніямъ. Изъ всего снанаго, пріятель, говоритъ Тразимахъ въ своемъ обращеніи къ Сократу, ты можешь заключить, что всѣ государства связываютъ со справедливостью одинаковаго понятія - пользу или выгоду тѣхъ, въ чьихъ рукахъ находится государственная власть.

Это ученіе Сократъ и пытается разбить, пользуясь при этомъ характернымъ для него діалектическимъ приѣмомъ. Платонъ заставляетъ Тразимаха, скрѣпя сердце согласиться съ выводами Сократа, признать, что правитель имѣетъ въ виду при изданіи приказа не свою пользу, а пользу управляемыхъ. Къ этой пользѣ направлено все, что онъ говоритъ и дѣлаетъ. Такимъ образомъ, если по Тразимаху государство есть организація властвованія, организація власти, пользуясь которой государство издаетъ законы, выгодные для правящихъ и обязательные, какъ бы они не расходились съ интересами подданныхъ, для этихъ послѣднихъ, то у Сократа государственная власть осуществляется правительствомъ именно въ интересахъ подданныхъ.

Обращаясь къ аналогіямъ съ медициной и архитектурой, Сократъ старается доказать, что правители подобно медикамъ или строителямъ имѣютъ въ виду пользу своихъ кліентовъ. Никакое правительство, полагаетъ Сократъ, не можетъ обойтись безъ заботы объ управляемыхъ. Въ своихъ мѣропріятіяхъ оно имѣетъ въ виду пользу не сильныхъ, а слабыхъ. Такъ какъ правяшіе не служатъ своей выгодѣ, то не мудро, если дворяне, какъ утверждаетъ устами Сократа Платонъ, не прочь устранить себя отъ власти, такъ что приходится принуждать ихъ страхомъ наказанія къ занятію связанныхъ съ властью должностей. Они соглашаются принять на себя функціи правителей не потому, что ждуть отъ этого себѣ выгоды или удовольствія, а только потому, что не видятъ людей, равныхъ имъ, а тѣмъ болѣе лучшихъ, способныхъ осуществить эту власть къ общей пользѣ.

Такимъ образомъ, еще въ IV столѣтіи до Р.Хр. (Платонъ жилъ между 427 - 347 годомъ до Р.Хр.) были сформулированы основныя положенія двухъ взаимно исключающихъ и все еще не восторжествовавшихъ другъ надъ другомъ доктринъ, тѣсно связанныхъ съ вопросомъ о природѣ государства и права и ихъ взаимоотношеніяхъ.

Если отъ этого древнѣйшаго, можно сказать, выраженія по природѣ своей непримиримыхъ ученій, мы обратимся къ новѣйшимъ ихъ формулировкамъ, то мы найдемъ у такихъ писателей, какъ на примѣръ, Гумпловичъ или Дюги, точку зрѣнія, во многихъ близкую къ той, за высказываніе которой такъ сильно достается Тразимаху

отъ Сократа.

Для Гумпловича не возникает сомнѣнія въ томъ, что государство для своего зарожденія нуждается въ побѣдѣ и подчиненіи одной расой или національностью другой. Историческимъ экскурсомъ не трудно доказать, что не только англійское государство, возникшее путемъ завоеванія сперва саксами бриттовъ, а затѣмъ нормандцами саксовъ, возникаетъ благодаря покоренію одной общественной группы другой. Но изъ новѣйшей исторіи можно привести одинъ примѣръ, опровергающій взглядъ Гумпловича на происхожденіе государства. Наши предки, по свидѣтельству древняго лѣтописца, тысячу лѣтъ тому назадъ рѣшились призвать иноземцевъ и вручить имъ бразды правленія, руководствуясь тѣмъ, что „земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ“. Но это свидѣтельство оспаривалось, и вообще въ исторіи это единственный примѣръ столкновенія двухъ расъ безъ всякаго насилія и организаціи государственной власти въ интересахъ подчиненныхъ. Людей, положившихъ начало англійскому государству, были незначительныя кучки въ нѣсколько тысячъ человекъ, а завоеванныхъ окло сотни тысячъ; завоеватели устанавливають вполне опредѣленный порядокъ въ странѣ подтверждая такимъ образомъ мысль Тразимаха. Они оставили земли у туземнаго населенія объявивъ себя лордами, заставили работать его на себя и издали закона, по которымъ за убійство англосаксомъ нормандца полагалось значительно большее наказаніе, чѣмъ за убійство нормандцемъ англосакса. Если сопоставить мнѣніе Гумпловича о возникновеніи государства съ образованіемъ такихъ государствъ, какъ Вавилонія, Ассирія, Іудея, Англія и т.д. и т. д., то есть основаніе считать, что мнѣніе Гумпловича правильно и что, слѣдовательно, государства возникаютъ путемъ подчиненія одной расой или національностью другой, причемъ покорители заводять въ завоеванной странѣ порядки обезпечивающіе ихъ интересы.

Этотъ свой взглядъ Гумпловичъ развилъ въ известномъ сочиненіи „Rassenkampf“ (борьба расъ), переведенномъ на большинство европейскихъ языковъ, а также въ „Соціологіи и политикѣ“ и курсахъ австрійскаго и общаго государственнаго права. Гумпловичъ — полякъ и житель Австріи, населеніе которой распадается на значительное число національностей, между которыми издавна вѣдетъ ожесточенная и упорная борьба. Вотъ почему во всѣхъ сочиненіяхъ Гумпловича красной нитью

проходить вышеуказанная идея.

Гумпловичу можно возразить - и это возражение является по существу чрезвычайно серьезным -, что въ современной государственной и общественной жизни имѣет мѣсто главнымъ образомъ и по преимуществу классовая борьба рабочихъ и капиталистовъ, и эту борьбу ни въ коемъ случаѣ нельзя считать расовой. Независимо отъ національнаго состава даннаго государства, въ немъ происходитъ экономическая борьба, борьба экономическихъ классовъ съ рѣзко враждебными интересами, которая накладываетъ яркую печать на весь политическій строй. Профессоръ Гумпловичъ, однако, не считаетъ послѣдняго обстоятельства опровергающимъ его теорію. Онъ думаетъ, что и классовая борьба возникаетъ на почвѣ борьбы расъ, такъ какъ побѣдители образуютъ въ покоренномъ государствѣ аристократію, а коренное население страны - низшіе классы.

Другіе ученые, какъ напримѣръ баденскій статистикъ Аммонъ *) идетъ въ этомъ отношеніи еще дальше и доказываетъ, что расовыя различія отдѣльныхъ общественныхъ классовъ проявляются въ строеніи черепа: представители высшихъ классовъ обладаютъ черепомъ, продольный діаметръ котораго длиннѣе, чѣмъ поперечный, это - длинноголовые или долихоцефалы, а низшіе классы относятся къ категоріи брахоцефаловъ или круглоголовыхъ. Такъ англійскіе аристократы это - долихоцефалы, а низшіе классы Англійи - брахоцефалы: нѣмецкая нація это - долихоцефалы, а менѣе развитые славяне брахоцефалы. Долихоцефалы по мнѣнію Аммона имѣютъ право на руководящую роль въ государственной жизни, но брахоцефалы, къ великому сожалѣнію Аммона, хотя и отличаются меньшимъ воображеніемъ, склонны къ большому упорству.

Современные антропологи считаютъ, что мнѣніе Гумпловича и тѣмъ болѣе теорія Аммона не имѣютъ никакого научнаго основанія. Можно ли говорить въ настоящее время о чистыхъ расахъ? Несомнѣнно нѣтъ. Тѣ три вѣтви, о которыхъ упоминается въ библии, потомки Сима, Хама и Іафета перемѣшались между собой, такъ что съ большой долей вѣроятности можно утверждать, что, наприимѣръ въ населеніи Аппенинскаго полуострова имѣется значительная примѣсь племени Хама **). Одинъ извѣстный антропологъ

*) А м м о н ъ. Die gesellschaftliche Ordnung und ihre natürlichen Grundlagen 1900.

***) См. изслѣд. изв. римскаго антрополога Серджи объ африканскомъ элементѣ въ составѣ итальянскаго населенія.

Серджи доказываетъ, что у итальянцевъ наблюдается много чертъ черной расы. А если такъ, если нельзя говорить о чистыхъ расахъ, то вполне понятно, что это понятие нельзя класть въ основу изученія государственнаго права.

Буквальное опредѣленіе государства, даваемое грацкимъ проф. Гумпловичемъ таково: государство - естественно развивающаяся организація господства, съ помощью или при посредствѣ поддержанія господствующими извѣстнаго правового порядка, очевидно ствѣчающаго цѣли сохраненія этого господства. Но въ этомъ опредѣленіи особенно не ясно понятие, "естественное развитіе". Что такое это естественное развитіе? Что было естественнаго въ томъ, что Наполеонъ былъ разбитъ при Ватерлоо? Что было бы, если бы армія Наполеона не попала въ о в р а г ъ ? Гумпловичъ указываетъ, что государство позволяетъ господствующимъ организовать правовой порядокъ, отвѣчающій ихъ цѣлямъ. Такія же положенія высказываетъ и софистъ. Тразимахъ, полагающій, что государство есть организація господства, а право средство поддержанія этого господства. Между Гумпловичемъ и Тразимахомъ замѣчается полное сходство.

Если теперь мы перейдемъ отъ австрійскаго публициста къ автору послѣдняго трактата объ общемъ государственномъ и конституціонномъ правѣ, къ бордовскому профессору Дюги, то увидимъ, что сходныя положенія высказываются и имъ. Свой взглядъ на государство Дюги излагаетъ въ "Государство и Общество" (1900 г. и въ первой главѣ "Конституціоннаго права" (1907г.). Кроме того Дюги популяризовалъ его въ школѣ государственныхъ наукъ въ Парижѣ въ присутствіи ученыхъ, литераторовъ и политиковъ.

Что же онъ намъ говоритъ о природѣ государства? "Мы доказали, пишетъ въ предисловіи къ русскому изданію своей новой книги самъ Дюги, что въ дѣйствительности государство - ничто иное, какъ результатъ дифференціаціи слабыхъ и сильныхъ". Опредѣленіе, которое бордовскій профессоръ даетъ, поэтому, государству, гласитъ: "Для насъ государство-это человѣкъ или группа людей, которые въ обществѣ матеріально сильнѣе другихъ". Въ самомъ текстѣ книги на стр. 25 Дюги говоритъ: государство- это всякое человѣческое общество, въ которомъ существуетъ политическая дифференціація между правящими и

управляемыми, однимъ словомъ, политическая власть. Лица, давшія приказъ, продолжаетъ онъ, являются управителями. Лицамъ, которымъ они приказываютъ, являются управляемыми. Такимъ образомъ и для Дюги государство - союзъ правящихъ и подвластныхъ. Его точка зрѣнія тѣмъ отличается отъ точки зрѣнія Гумпловича, что онъ не считаетъ права продуктомъ государства, а явленіемъ, развившимся изъ факта человѣческой солидарности и проводимымъ въ жизнь политической властью, которая настолько правомѣрна, насколько признаетъ обязательнымъ для себя это независимо отъ нея возникшее право. Въ предисловіи къ русскому изданію Дюги формулируетъ свою точку зрѣнія, говоря: " Мысль основная, руководящая нами при всѣхъ нашихъ изслѣдованіяхъ по публичному праву это та, что всякій, кто обладаетъ политической властью будетъ ли то отдѣльный человѣкъ, классъ или численное большинство жителей страны, обладаетъ ею фактически, а не по праву, и дѣйствія, которыя онъ производитъ, приказъ, которые онъ отдаетъ, законны и обязательны для подвластныхъ только въ томъ случаѣ, если они соотвѣтствуютъ верховной нормѣ права, равно обязательной для правящихъ и управляемыхъ. Каково основаніе самой этой нормы права? Мы попытались найти его въ общественной солидарности. Для насъ норма права, обязательная для всѣхъ и въ частности для правителей заключается въ томъ, чтобы отдавать силу, которой онъ располагаетъ, на служеніе общественной солидарности, т.е. не только не дѣлать ничего, что противорѣчитъ этой солидарности, но и еще дѣлать все, что находится въ ихъ власти, для ея увеличенія и развитія." При такомъ отношеніи государства къ нормѣ права Дюги считаетъ возможнымъ признать его силой, отданной на служеніе праву.

Какъ ни отлична отъ только что изложенныхъ мною ученій социалистическая доктрина о государствѣ какъ о политическомъ владѣнствѣ господствующаго экономическаго класса, но эта доктрина, очевидно, сходится съ предыдущими въ томъ, что приурочиваетъ государство къ понятію союза правящихъ и подвластныхъ. Она даже въ большей степени, чѣмъ точка зрѣнія Дюги, приближается къ той, какую Платонъ приписываетъ софисту Тразимасу, такъ какъ признаетъ закона или послѣдательное право приказамъ экономически господствующаго и потому правящаго класса. Для социалиста законъ - приказъ болѣе сильнаго менѣе сильному, положеніе которое можно встрѣтить и въ практикѣ далеко

не сочувствующаго социализму англійскаго судьи Стивена. Если мы зададимся вопросомъ, въ какой мѣрѣ нова эта доктрина, то упомина- ніе о ней въ трактатѣ Платона способно породить сомнѣніе въ томъ, чтобы въ ней мы имѣли дѣло съ послѣднимъ продуктомъ политическаго мышленія.

И у сторонниковъ неограниченнаго образа правленія какимъ, напр., является Гоббсъ, мы въ сущности находимъ то же ученіе. Государство возникающее путемъ добровольнаго отказа входящихъ въ составъ его лицъ отъ всякой свободы самоопредѣленія и перенесенія всѣхъ своихъ правъ на одного человѣка, на властителя - монарха, отъ котораго по ученію Гоббса, одного зависитъ опредѣлить отнынѣ, что - право, и что неправо, развѣ это не сведеніе государства къ тому же союзу правящаго и управляемыхъ, или иначе, къ организаціи властвованія, ка- кимъ оно является въ одинаковой мѣрѣ въ глазахъ всѣхъ рассмотрѣн- ныхъ нами школъ и писателей? А если прибавить, что современникъ Гоббс Гарингтонъ въ своей "Океанѣ" считалъ источникомъ политической власти государства, гдѣ единоличнаго правителя, гдѣ дворянство, а гдѣ и весь народъ, также самый порядокъ распределенія собственности и, въ частности порядокъ распределенія важнѣйшаго въ то время орудія производства - земли, то намъ не мудрено будетъ прийти къ тому зак- люченію, что то обоснованіе, какое ученіе о государствѣ, какъ о союзѣ правящихъ и подвластныхъ находитъ въ доктринѣ экономическаго материализма, далеко не было чуждо ему и въ половинѣ XVII столѣ- тія, когда впервые появился трактатъ Гарингтона.

Приступивъ къ отдѣлу на вопросъ: что такое государство - я выше уже показаль Вамъ, что на этотъ счетъ имѣются отвѣты самаго противоположнаго характера, что споръ, начавшійся за нѣ- сколько вѣковъ до Рождества Христова, продолжается и по на- стоящее время; я указаль Вамъ, что уже въ сочиненіи Платона "Государство" выступаетъ этотъ споръ и что во взглядахъ Тразимаха можно видѣть первое выраженіе того возрѣнія, которое смотритъ на государство, какъ на организацію властвованія; показаль далѣе, проходя черезъ разные періоды средней и новой исторіи, что нѣкоторые мыслители этихъ эпохъ вы- сказываютъ ту же мысль, что и Тразимахъ; что и социалисти- ческая доктрина не прочь видѣть въ государствѣ организацію властвованія, но властвованія экономически господ-

ствующаго класса. Любопытно поэтому, видѣть, что и современные консерваторы высказываются въ этомъ же смыслѣ. Ихъ нападки на то, что социалисты не признають въ государствѣ ничего, кромѣ организаціи власти, т.е. принужденія, — потому и не обоснованы, что точно такое же ученіе высказываютъ и такіе консерваторы, какъ Зейдель, — авторъ хорошаго трактата по государственному праву Заваріи и трактата по общему государственному праву, какъ Борнгахъ и др. Зейдель на стр. 13-ой своего „Общаго государственнаго права“ говоритъ: у государства не существуетъ отличной отъ властителя личности. Тотъ, кто по собственному, а не производному праву осуществляетъ государственную власть и есть само государство“. Слѣдовательно для Зейделя Германское государство это — германскій императоръ, Австрійская монархія тождественна съ австрійскимъ императоромъ. Воззрѣніе на государство, какъ на организацію властвованія, принимаетъ у Зейделя форму отождествленія государства съ личностью властителя. Всего далѣе, въ этомъ направленіи пошелъ въ 20-хъ годахъ прошлаго столѣтія нѣмецкій публицистъ Людвигъ Галлеръ, главнымъ образомъ, въ своемъ сочиненіи „Возрожденіе государственныхъ наукъ“ (Restauration der Staatswissenschaften). Нѣмцы полагали, что государственный науки первой части XIX вѣка пришли въ упадокъ благодаря французскому вліянію, въ частности благодаря французской революціи и Наполеоновскому режиму, явившемуся во многихъ отношеніяхъ продолженіемъ великой революціи. Согласно съ этимъ, когда наступила реакція, они стали утверждать, что политическая реставрація принесла съ собой и возрожденіе государственныхъ наукъ. И нѣмцы во главѣ съ Л. Галлеромъ признали то положеніе, что государь даже во времени, предшествуетъ государству, и самъ народъ есть, какъ выражается Галлеръ, созданіе государя. Въ наши дни вышеупомянутый Зейдель не менѣе рѣзко отождествляетъ государство съ властвованіемъ. „Государство не имѣетъ своей воли, говоритъ онъ, а надъ государствомъ царитъ воля властителя и подчиненіе ей даетъ и землѣ и людямъ природу государства“. „Ихъ территорію и людей называютъ государствомъ тогда, когда они находятся подъ чьимъ либо властвованіемъ“. Точно такъ же какъ вещь признается собственностию, когда у нея есть господинъ“. Эта теорія въ сущности не рѣзко отличается отъ взглядовъ Тризиаха. Зейдель признаетъ

свое опредѣленіе научнымъ, очень враждуетъ противъ тѣхъ писателей, которые держатся другихъ точекъ зрѣнія и называютъ ихъ точки зрѣнія не научными. „Не научно рассуждаютъ тѣ, которые думаютъ, что у государства есть своя воля помимо воли властителя. Государство и властитель — это тождество". Далѣе итти некуда.

Итакъ, не смотря на чрезвычайное различіе политическихъ точекъ зрѣнія и общественныхъ ученій отдѣльныхъ мыслителей разныхъ народовъ и времени, теорія или опредѣленіе государства, какъ союза властвующихъ и подвластныхъ, какъ организація властвованія, имѣетъ мѣсто и значеніе на протяженіи многихъ столѣтій начиная съ 4-го вѣка до Рождества Христова вплоть до нашихъ дней. Такъ что прогресса въ томъ смыслѣ, чтобы всѣ сошлись въ пониманіи природы государства нѣтъ. По основному вопросу всѣхъ политическихъ наукъ: что такое государство, — господствуетъ полное разногласіе.

Переходимъ теперь къ другимъ способамъ пониманія государства.

Если отрѣшиться отъ точки зрѣнія тѣхъ писателей, которые видятъ въ государствѣ только организацію властвованія, то можно будетъ сказать, что всѣ прочія доктрины, какъ бы онѣ не были различны между собой, сходятся въ томъ, что не считаютъ возможнымъ сводить государство къ одной организаціи политической власти. При опредѣленіи государства они принимаютъ въ равной мѣрѣ во вниманіе и властвующихъ и подвластныхъ, при чемъ одни объявляютъ, что „государство есть социальный организмъ", а нѣкоторые изъ приверженцевъ органической теоріи государства называютъ государство не просто организмомъ, а „суперъ-организмомъ"; другіе писатели видятъ въ государствѣ „осуществленіе нравственнаго закона", третьи, — болѣе скромные, опредѣляютъ государство какъ „форму общежительнаго союза" и, наконецъ, четвертую категорію составляютъ писатели, изъ которыхъ одни видятъ въ государствѣ субъектъ властвованія, другіе — его объектъ, а третьи — просто юридическое отношеніе.

Къ этимъ главнѣйшимъ группамъ сводится классификація опредѣленія государства, даваемая въ частности Теллинекомъ въ его трактѣ „Общее ученіе о государствѣ". Теллинекъ, повидимому, не прочь думать, что къ одному, изъ только что указанныхъ 4-хъ пониманій природы государства могутъ быть сведены всѣ разнообразныя опредѣленія государства, какія только давались на всемъ протяженіи исторіи политическихъ ученій и государ-

ственныхъ наукъ. Кромѣ того Теллинекъ думаетъ, что каждое изъ этихъ пониманій природы государства имѣетъ свой *raison d'etre*, свое достаточное основаніе. Слѣдовательно, государство можетъ быть одновременно и социальнымъ организмъ, и осуществленіемъ нравственного закона, и формой общежительнаго союза и т.д.

Критикуя этотъ взглядъ, я, вслѣдъ за французскимъ писателемъ, профессоромъ Бордосскаго университета Дюги, думаю, что государство прежде всего есть фактъ, реальность. „Мы не можемъ понять, справедливо пишетъ Дюги, чтобы одинъ и тотъ же предметъ имѣлъ различную природу въ зависимости отъ той или иной точки зрѣнія, съ которой мы стали бы его разсматривать. Государство есть социальный фактъ, всегда оставшійся тождественнымъ съ самимъ собой, со своей природой. Всякая юридическая теорія, не вполне отвѣчающая этому признанію его фактомъ, уже поэтому самому не имѣетъ научнаго значенія. „Что такая точка зрѣнія не присуга исключительно французскимъ критикамъ господствующей доктрины, но что она раздѣляется и нѣкоторыми нѣмецкими государствовѣдами, доказательствомъ можетъ служить то обстоятельство, что въ книгѣ Бирлинга (Bierling) „Юридическіе принципы“ (*Juristische Principienlehre*) находятся слѣдующія слова: „Возможно, говоритъ Бирлингъ, многіе несовершенные и невѣрные отвѣты на одинъ и тотъ же вопросъ (разумѣется вопросъ, что такое государство). Но на этотъ вопросъ можно дать только одинъ совершенный и вѣрный отвѣтъ, становясь на на точку зрѣнія признанія государства реальностью. Государство является прежде всего реальностью, существующимъ общежительнымъ союзомъ и притомъ союзомъ постояннымъ, а не временнымъ.“

Такое опредѣленіе государства далъ еще такой маститый писатель какъ Цицеронъ, который говоритъ о государствѣ, что это есть „*coetus hominum*“, т.е. союзъ людей, союзъ постоянный, имѣющій тотъ существенный признакъ, что онъ объединенъ единствомъ власти и единствомъ права. Это значитъ, что люди, входящіе въ составъ такого союза, признаютъ надъ собою общую власть и регулируютъ свои отношенія на основаніи общаго права. Последнее, впрочемъ, не всегда является существеннымъ и необходимымъ элементомъ государства. Россійская Имперія не перестаетъ быть единымъ государствомъ отъ того, что въ Гарствѣ Польскомъ дѣйствуетъ Кодексъ Наполеона, и въ Остзейскомъ краѣ

свое мѣстное право. Единство русскаго государства не рушится отъ того, что инородцы и крестьяне призваны руководствоваться въ своей жизни, въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ своимъ племеннымъ или мѣстнымъ обычнымъ правомъ. Осетинъ судится по своему обычному праву, житель Дагестана по своему и т.д. Но изъ этого не слѣдуетъ, что Дагестанъ не входитъ въ составъ Россіи. Точно также не мѣшало существованію Германскаго государства то обстоятельство, что прирейнскія провинція въ 1806 году начали придерживаться Кодекса Наполеона, который они предпочли своему прежнему праву. То же самое нужно сказать и о Франціи стараго порядка. Въ ней каждая провинція имѣла свой кодексъ кутумнаго права, причемъ въ обычномъ правѣ одной части провинціи преобладали нормы римскаго права, въ обычномъ же правѣ другихъ провинцій — нормы германскаго права. И эти различія въ обычномъ правѣ отдѣльныхъ частей Франціи не мѣшали Людовику XIV оставаться монархомъ единаго государства.

Значитъ элементъ единства права можетъ и отсутствовать въ опредѣленіи понятія государства.

Давая свое опредѣленіе государства, Пидеронъ думалъ, что если Римъ обвинитъ всѣхъ римскихъ гражданъ и подданныхъ, что здѣсь значительную роль играетъ сознаніе принадлежности къ единому союзу. Этотъ признакъ тоже отпадаетъ, такъ какъ ясно, что Дагестанъ входитъ въ составъ Россійской Имперіи вовсе не потому, что жители этой области сознаютъ свою принадлежность къ единому союзу именуемому Россіей, а по цѣлому ряду другихъ причинъ совершенно иного характера.

Итакъ, отъ опредѣленія, даннаго Пидерономъ остается только одинъ признакъ и именно тотъ, что государство есть общежительный союзъ. Впослѣдствіи мы увидимъ, что, прибавивъ къ этому существенному признаку еще нѣсколько другихъ, получимъ наиболѣе правильное съ научной точки зрѣнія опредѣленіе понятія государства.

Въ новѣйшее время, по утвержденію нѣмецкихъ писателей въ томъ числѣ Теллинека, профессоромъ Гирке много сдѣлано для выясненія союзнаго характера государства. Теллинекъ говоритъ: коллективнаго единства; но названіе безразлично. По существу же рѣчь идетъ о государствахъ, какъ общежительномъ союзѣ. По опредѣленію Гирке государство является союзомъ, объединеннымъ прочной организаціей и дѣлающей цѣлью. Да, вѣрно. Но это говорилъ также еще

Цицеронъ, который называлъ государство союзомъ постояннымъ.

Государство, говоритъ Гирке, отличается отъ индивида своимъ характеромъ коллективной единицы. Но эта коллективность фактически проявляется въ существованіи въ немъ множества индивидовъ. Это же самое разумѣлъ Цицеронъ, когда говорилъ, что государствомъ является не всякое соединеніе людей, а только то, которое вѣчно или рассчитано на вѣчное существованіе и объединено единствомъ власти.

Нѣкоторые писатели полагаютъ, что въ опредѣленіи государства надо выдѣлить на первый планъ его психическую природу. Такъ дѣлаетъ, на примѣръ Гегель, который видитъ въ государствѣ осуществленіе нравственнаго закона: "Der Staat ist die Wirklichkeit der sittlichen Idee". Но это скорѣе пожеланіе, чѣмъ опредѣленіе дѣйствительнаго существа государства. Во всякомъ случаѣ такое опредѣленіе является по меньшей мѣрѣ страннымъ, такъ какъ оно ничѣмъ не оправдывается въ дѣйствительности.

Есть писатели, которые признаютъ въ государствѣ біологическое явленіе, организмъ. Органическая теорія государства въ своей основѣ имѣетъ несомнѣнно вѣрную мысль Огюста Конта, что государство не есть искусственное механическое явленіе, а такое же естественное, нѣмцы сказали бы *naturwüchsig*, какъ всякое живое существо. Эта вѣрная мысль о. Конта подверглась въ последнее время такимъ преувеличеніямъ и искаженіямъ, что совершенно основательнымъ является довольно строго критическое отношеніе къ ней, какое существуетъ одинаково и въ лагерѣ социологовъ и въ лагерѣ юристовъ. На одномъ изъ послѣднихъ конгрессовъ Международнаго Соціологическаго Института большинство засѣданій было посвящено критикѣ этой теоріи. Въ настоящее время органическая доктрина въ значительной степени, благодаря трудамъ Летурно, Тарда, Штейнмеца и другихъ социологовъ, считается совершенно не выдерживающей строгой научной критики. Хотя нужно сказать, что и сейчасъ находится еще изрядное число сторонниковъ этого ученія.

Эта органическая теорія отождествляла государственное общество или государство съ организмомъ, называла все общественное и органическимъ; она считала организмами не только цѣля государства, но даже его отдѣльныя провинціи и губерніи. Критикуя органическую теорію нельзя пройти мимо цѣлаго ряда писателей, критиковавшихъ это ученіе. Такъ необходимо принять во вниманіе

мнѣніе Зейдлера по этому вопросу. Возражая противъ органической теоріи, Зейдлеръ справедливо пишетъ. *) „при развитіи того положенія, что государственное общество - организмъ, Спенсеръ, а за нимъ Лиліенфельдъ, Шеффле, Вормсъ поставлены въ необходимость сойти съ реальсѣй, естественно-научной точки зрѣнія. Чтобы получить совершенное подобіе живому организму они вводятъ въ понятіе его, когда рѣчь заходитъ объ обществѣ, не только людей его составляющихъ, но и созданные ими вещественные продукты, „междуклѣточную субстанцію" по выраженію Лиліенфельда. Съ естественно-научной точки зрѣнія кажется страннымъ отождествлять съ физіологическимъ актомъ кровообращенія, происходящимъ внутри человѣка, денежное обращеніе, совершающееся между людьми, облигать нервную систему съ телеграфами, артеріи и вены со средствами сообщенія, сердце съ биржей, волосы и ногти съ крѣпостными стѣнами и. т. д. Такъ какъ безъ включенія этихъ вещественныхъ продуктовъ человѣческой дѣятельности въ число составныхъ частей общественнаго организма нельзя получить и самаго представленія о немъ, то приходится прийти къ заключенію, что его на самомъ дѣлѣ и нѣтъ на лицо."

Рядъ основательныхъ возраженій противъ этой теоріи приводитъ Іеллинектъ. Органическая или органологическая гипотеза, говоритъ въ свою очередь Іеллинектъ, переноситъ опредѣленные отношенія и признаки естественныхъ организмовъ на государство и народъ, полагая, что она дѣлаетъ ихъ этимъ болѣе понятными и въ то же время создаетъ высшую форму синтеза естественныхъ и политическихъ явленій. Такими признаками являются единство во многообразіи, въ силу котораго государство и его народъ остаются неизмѣнными; не смотря на смѣну ихъ членовъ; далѣе, медленное преобразование того и другого на историческомъ пути; затѣмъ такого рода взаимодействіе членовъ цѣлаго и отдѣльныхъ его функцій другъ на друга и всѣхъ вмѣстѣ на цѣлое, что цѣлое всегда кажется существующимъ для отдѣльныхъ членовъ, а послѣднее въ свою очередь въ интересахъ цѣлаго; наконецъ, бессознательный, такъ называемый естественный ростъ и развитіе государственныхъ учреждений, которые какъ бы не дають возможности выводить ихъ изъ сознательной разумной воли индивидовъ, а превращаютъ ихъ напротивъ, въ непресодолимая силы, въ которыя человѣческое усмотрѣніе можетъ внести

*)Gustav Seidler; Das juristische Kriterium der Staates; Lübingen стр. 33 - 34.

лишь самыя незначительныя измѣненія, поскольку эти измѣненія являются устойчивыми.*)

Опредѣливъ такимъ образомъ то, что можетъ считаться существенными признаками государственнаго организма, Теллинекъ приступаетъ къ проверкѣ правильности подчеркиваемыхъ имъ аналогій. Онъ справедливо указываетъ на то, что рядомъ съ безсознательнымъ образованіемъ государственныхъ учреждений, мы постоянно имѣемъ дѣло и съ сознательнымъ ихъ установленіемъ.

Его подтвержденіе этого положенія можно привести цѣлый рядъ историческихъ фактовъ. Такъ, нѣмцы въ эпоху Возрожденія переходятъ отъ своего мѣстнаго права къ рецепированному римскому праву. Здѣсь мы имѣемъ дѣло съ сознательнымъ выборомъ. Нѣмецкое общественное развитіе этого времени оказалось въ переходѣ отъ натурального хозяйства къ мѣновому или денежному. Римское право являлось правомъ, отвѣчающимъ условіямъ мѣноваго хозяйства. Поэтому-то, вмѣсто того, чтобы вырабатывать новое право на мѣну праву, болѣе пріороченному къ условіямъ самодовлѣющаго хозяйства, существовавшаго въ Германіи въ средніе вѣка, нѣмцы предпочли заимствовать чужое право и произвели рецепцію римскаго права, соответствующаго новымъ условіямъ хозяйственной жизни. Въ всякомъ случаѣ свободный выборъ здѣсь былъ. Свободный выборъ имѣли мѣсто и тогда, когда грузинскіе цари включали нормы римскаго права въ свои постановленія и обнародовали подъ именемъ "Законовъ царя Лафтавга" кодексъ, гдѣ двѣ трети нормъ было заимствовано изъ римскаго права.

Приверженцы органической теоріи говорятъ, что государство растетъ, какъ ребенокъ. Подобно тому, какъ ростъ ребенка не обусловливается его доброй волей, точно также и развитіе государства происходитъ совершенно независимо отъ воли лицъ, въ составъ его входящихъ. Между тѣмъ въ дѣйствительности государства развиваются и совершенствуются не естественнымъ путемъ, а при самомъ дѣятельномъ участіи людей. Нѣмцы рецѣпируютъ римское право, тогда какъ они могли и ^{не}перенимать его. Персея переходитъ къ конституціонному образу правленія, но она могла и не переходить къ нему. Мысль ясна и не требуетъ большихъ доказательствъ.

Строй цѣлыхъ государствъ можетъ испытывать коренныя преобра-

*) Теллинекъ. Общее ученіе о государствѣ. Изд. 1903 г. стр. 27 и дальнѣйшія.

зованія подь вліяніемъ дѣятельности людей. Хотя, разумѣется Петровская реформа и является результатомъ военной и финансовой необходимости; но если бы, благодаря случайному развитію, царскій престолъ занималъ не Петръ Великій, а, скажемъ, царь Феодоръ, то, по всей вѣроятности, великой реформы не послѣдовало бы. Слѣдовательно, нельзя говорить исключительно объ естественномъ ростѣ и самопроизвольномъ развитіи государственныхъ учреждений, устраняя тѣмъ самымъ всякую возможность сознательнаго измѣненія.

Нужно сказать, что подь вліяніемъ органической теоріи государства у историковъ учреждений сложились нѣкоторые предрасудки. Такъ одни утверждаютъ, что все государства пройдутъ стадію конституціоннаго устройства, и что, слѣдовательно, рано или поздно и въ Тибетѣ водворится конституціонный режимъ, а китайскій богдыханъ станетъ конституціоннымъ монархомъ. Такъ будетъ, потому что конституціонные порядки утвердились въ Англіи, Франціи и въ другихъ европейскихкихъ государствахъ. Эта точка зрѣнія несомнѣнно складывается подь вліяніемъ неправильнаго положенія, что учреждения складываются сами собой, что человѣческая дѣятельность тутъ совершенно не причеъ, что необходимы жертвы и что хотя бы того люди или не хотятъ, а учреждения всетаки разовьются. Боясь очень сражался съ такой точкой зрѣнія, полагая, что ничто въ государствѣ и въ государственной жизни само собой не происходитъ, что для всякаго измѣненія нуженъ ^и волевой актъ.

Мысль эта настолько ясна, что нѣтъ надобности долго останавливаться на ней. Французское общество въ 1789 году несомнѣнно созрѣло для политическаго переворота. Но если бы не было такихъ людей, какъ Мирабо, Сійесъ и очень многихъ замѣчательныхъ дѣятелей великой революціи, если бы не было сознательныхъ актовъ съ ихъ стороны, то завоеванія революціи не были бы такъ обширны и успѣхъ ея былъ бы несомнѣнно не столь быстръ, вѣренъ и значителенъ. Исторія народовъ не представляетъ всегда удачныхъ переворотовъ, къ которымъ общество было подготовлено своимъ развитіемъ, и неудачи имѣютъ мѣсто именно тогда, когда оказывается недостаточно элементовъ для проведенія въ жизнь необходимыхъ рѣшеній. Сравните англійское общество эпохи двухъ революцій 17-го вѣка и французское въ эпоху

Общее ученіе о государствѣ.

Изд. Студ. Кассы Взаимопом.

Литографія Трофимова.

Лекціи проф. М. М. КОВАЛЕВСКАГО.

СПБ. Политехн. Институтъ.

СПБ. Можайская 3.

Л. 2.

Сочиненіе проф. А. Ю. Юлишова

фронды. Въ Англіи происходитъ великая англійская революція (1640), сопровождаемая созданіемъ кратковременной республики и протектората Кромвеля, а затѣмъ наступаетъ реставрація, которая вводитъ рѣшенія, намѣченныя революціей. Когда же новое правительство отказывается отъ этого, происходитъ новая революція, послѣ которой всѣ рѣшенія 1688 г. проводятся въ жизнь. Одновременно во Франціи также происходитъ революція, но эта революція слыветъ подъ названіемъ фронды (fronde - дѣтская игрушка) и послѣдствіемъ ея является усиленіе абсолютизма и возможность правительства Людовика XIV короля-солнца.

Когда бы имѣете въ виду конкретные факты, то вы необходимо придете къ заключенію, что одного естественнаго роста не достаточно для развитія государственной жизни, нужны еще люди, нужна человѣческая воля. И вотъ эту мысль высказываютъ, когда говорятъ, что органическая теорія съ ея самопроизвольнымъ развитіемъ не выдерживаетъ научной критики.

Опять таки совершенно правильно Теллинекъ говоритъ, что органическая теорія заблуждается, когда думаетъ, что человѣчество въ своемъ развитіи неизбѣжно подчинено законамъ прогресса и законамъ регресса. Очевидно, что если сопоставлять въ этомъ отношеніи государство съ индивидомъ, то пришлось бы признать, что жизнь государства распадается на нѣсколько періодовъ: періодъ дѣтства, періодъ отрочества, зрѣлости и наконецъ, старости. О старикахъ говорятъ, что они впадаютъ въ дѣтство. Очень возможно, что нѣкоторыя государства возвращаются къ уже пройденнымъ стадіямъ развитія; но сказать, что всѣ государства должны перейти къ возрасту старости, нельзя. Еще недавно французы говорили намъ, что у насъ удивительно дѣтскія понятія и учрежденія. Теперь у насъ развились и понятія и учрежденія, у насъ существуетъ одновременно и конституція и самодержавіе. Лѣтъ пять тому назадъ мы не могли бы сказать, къ чему намъ предстоитъ перейти отъ возраста дѣтства: къ возрасту юности или возрасту зрѣлости, точно также какъ не можемъ опредѣлить: переживаемъ ли мы въ данный моментъ состояніе старческой дряхлости или какое нибудь иное состояніе. Что представляетъ собою Персія въ настоящее время? Залогъ роста или начало одряхленія? Сказать трудно, да и нѣтъ необходимости, чтобы насталъ этотъ послѣдній періодъ.

Изобразить возникновение новых государств, как результат воспроизведения себя подобных невозможно. А между тем, когда мы говорим, что государство есть живой организм, то мы должны признать и такой путь возникновения государства. Представители органической теории хотѣли найти аналогію между организмом и государством и въ этомъ отношеніи и они говорили, что подобно тому, какъ человекъ является отцомъ, точно также и государство является отцомъ, — но чего? Есть государства, которыя являются государствами — метрополиями, тогда какъ другія государства представляютъ собой колоніи. Вотъ эти послѣднія яко-бы и возникаютъ путемъ воспроизведения первыми себя подобныхъ. Но подобное рассужденіе не можетъ быть признано правильнымъ: во первыхъ, не всѣ государства имѣютъ колоніи, и во вторыхъ, современнымъ когда весь земной шаръ будетъ заселенъ, должна будетъ прекратиться, очевидно, и колонизаціонная дѣятельность. А для прошлаго времени возникаетъ вопросъ: занимались ли воспроизведеніемъ себя подобныхъ Римъ, постепенно обнявшій собою весь міръ, и Россія, населившая Сибирь и завоевавшая Туркестанъ и его реформировавшая, или-же они только расширяли свое собственное тѣло? Думаю, что послѣднее ближе отвѣчаетъ реальной дѣйствительности.

Разумѣется, еще менѣе научно проведеніе аналогіи между различными функциями государства съ соответствующими имъ учреждениями и жизненными функциями, приуроченными къ различнымъ органамъ тѣла. Говорить о путяхъ сообщенія, какъ о нервахъ, о биржѣ какъ о сердцѣ, и т.д., и т.д., очевидно, — приемъ, который не можетъ быть оправданъ и не заслуживаетъ термина "научный".

Меньшей критикѣ подлежитъ, очевидно опредѣленіе государства, къ которому прибѣгаетъ Спенсеръ: государство есть суперъ-организмъ. Но такъ какъ другого суперъ-организма мы не знаемъ, то государство можетъ быть и оуперъ — организмъ, а что такое оно изъ себя представляетъ, этого мы сказать не можемъ. При такомъ положеніи дѣлъ, въ понятіи государства — суперъ-организма можетъ быть введено много отличій отъ обыкновеннаго организма.

Какъ вы видите, критиковать органическую теорію государства дѣйствительно легко. Критикуютъ ее социологи, а за ними и кристы и въ настоящее время можно сказать, что отъ органической теоріи отказываются даже тѣ, кто особенно ею увлекался, на примѣръ извѣстный

государствовѣдъ Блюнчли, имя котораго 30 лѣтъ тому назадъ было несомнѣнно болѣе извѣстно, чѣмъ имя Желлинека или Эсмана въ наше время. Блюнчли не только считалъ что государство есть организмъ,

но онъ находилъ въ немъ черты, которыя позволяли ему считать государство мужской особью, а не женскою. Но такъ какъ мужчина не можетъ существовать безъ женщины, то была найдена и женская особь, таковой оказалась церковь. Блюнчли имѣетъ цѣлое сочиненіе, посвященное вопросу объ отношеніяхъ между этой мужской особью-государствомъ и женскою - Церковью: "Психологическое отношеніе государства и Церкви". Въ немъ можно встрѣтить часто выпучивающую знаменитую фразу: „ Die Kirche hat in sich etwas weibliches . Но это уподобленіе государства мужчинѣ и Церкви женщинѣ должно быть признано совершенно дѣтскимъ. Есть и другія попытки на половину признать на половину отвергнуть, утверждать и отрещать въ одно и то же время сходство государства съ организмомъ. Знаменитый философъ Фуллье написалъ цѣлый рядъ статей, въ которыхъ онъ признаетъ государство какимъ то контрактуральнымъ, т.е.

договорнымъ организмомъ. Стоитъ только представить себѣ то противорѣчіе, которое существуетъ между организмомъ естественнымъ и организмомъ, созданнымъ путемъ соглашенія, чтобы признать эту попытку неудовлетворительной. Назвать государство договорнымъ организмомъ, это значитъ сказать въ одно время, что оно, съ одной стороны - не организмъ, а съ другой - и не договоръ. Съ представленіемъ объ организмѣ съ трудомъ связывается мысль о соглашеніи, необходимо лежащемъ въ основѣ всякаго договора.

Что же остается отъ органической теоріи, что въ ней нѣннаго? Заслужою этой доктрины является то, что она доказала неправильность представленія о государствѣ, какъ о чемъ то возникающемъ путемъ договора, путемъ свободнаго соглашенія людей.

Дѣйствительно, во всей исторіи мы знаемъ только одинъ случай возникновенія государства путемъ договора. Когда послѣдовали со стороны Церкви жестокія преслѣдованія людей, не раздѣлявшихъ ея ученія, то многимъ подданнымъ различныхъ государствъ пришлось покидать свое отечество и искать болѣе благопріятной жизненной обстановки. Къ этому способу защиты вынужденны были прибѣгнуть и нѣкоторые англичане и голландцы. Они снарядили корабль " Майскій цвѣтокъ " и отплыли отъ береговъ своего отечества по направ-

ленію къ Америкѣ. Во время этого плаванія они договорнымъ порядкомъ положили основаніе Сѣверо-Американской гражданственности. Плывшіе на кораблѣ договорились, что когда ихъ корабль доплыветъ и явится возможность произвести высадку на морской берегъ, то они постараются или присобрѣсти земля покупкою у индѣйцевъ или присвоить ее захватнымъ способомъ и на этой землѣ заложить основны новаго государства. Задумано и сдѣлано. Новое государство долгое время слѣло подъ именемъ колоніи Массачузетской бухты, а затѣмъ сдѣлалось штатомъ Массачузетсъ и приняло самое дѣятельное участіе въ организациі Сѣверо-Американской федераціи.

Но, во первыхъ, государство не возникаетъ путемъ договора, а, во вторыхъ, - нельзя представить себѣ государство безъ территоріи. Можно-ли представить, чтобы люди создали государство еще во время плаванія на кораблѣ?

Какъ бы то ни было это единственный примѣръ возникновенія государства путемъ договора, если, разумѣется, не считать, что всякое государство произошло путемъ соглашенія. Въ такомъ случаѣ послѣднее лежало, по всей вѣроятности, и въ основѣ Римскаго государства. Разъ различныя этрусскія и латинскія племена поселились бокъ о бокъ на холмахъ, близко лежавшихъ другъ къ другу, разъ у нихъ существовали общіе интересы и ихъ короли выбирались изъ разныхъ племенъ, то нѣкоторое соглашеніе здѣсь, конечно, было. Но только допуская нѣкоторое соглашеніе въ этихъ ограниченныхъ предѣлахъ можно говорить о договорномъ происхожденіи государства. Утверждать, какъ это дѣлалось въ 17-мъ и 18-мъ вѣкахъ и ранѣе Гуго Гроціемъ, Роббсомъ, Пуфендорфомъ, Руссо и др., что государства возникаютъ путемъ договора, что люди сами приходятъ къ сознанію необходимости созданія государства въ цѣляхъ защиты отъ звѣрей и другъ отъ друга и потому кладутъ основаніе государства, - невозможно. И отъ всей органической теоріи несомнѣнно отдѣлѣется въ будущемъ представленіе о государствѣ, какъ о чемъ то возникающемъ независимо отъ договора людей и исчезающемъ и разлагающемся помимо ихъ рѣшенія.

Бопреки Гегелю, который настаиваетъ на мысли о безсмертности государства, иллюстрируя эту мысль тѣмъ, что Германія, не смотря на гибель Священной Римской Имперіи и исчезновеніе многихъ составлявшихъ ее княжествъ, независимо также отъ смѣны союзовъ Рейнскаго Германскимъ, и послѣдняго слеза союзомъ Сѣверо-Герман-

скимъ, а затѣмъ Юно-Германскимъ, продолжаетъ оставаться все той же Германіей, какъ описалъ ее еще Тацитъ, я склоненъ думать, что Германія нѣсколько разъ умирала и возрождалась. Несомнѣнно, что Германское государство времени Тацита не имѣетъ ничего общаго съ Германскимъ государствомъ позднѣйшихъ временъ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что Священная Римская Имперія отошла въ область исторіи въ 1806 году, когда Наполеонъ 1 приказалъ императору Францу не величать себя на будущее время Германскимъ императоромъ и не вмѣшиваться въ дѣла имперіи, а удовольствоваться титуломъ австрійскаго императора и правленіемъ своими наследственными землями. Съ этого года Священная Римская Имперія исчезла настолько, что Рейнскій союзъ образованный изъ значительной части ея, поступилъ подъ протекторатъ французскаго императора. Несомнѣнно, что и Рейнскій союзъ умираетъ въ 1815 году, когда возникаетъ новое государство Германскій союзъ, которое гибнетъ въ свою очередь послѣ битвы при Садовой, когда подъ протекторатомъ Пруссіи организуется союзъ Сѣверо-Германскій. И теперешняя Германская Имперія есть новое государство, нѣтъ никакой связи между современными германскими учрежденіями и древнегерманскими. Въ организаціи Германской имперіи нашихъ дней имѣется гораздо большее сходство, напр., съ Сѣверо-Американскими Соединенными Штатами, нежели съ той Германіей, которая была основана Карломъ Великимъ и снова вызвана къ жизни Генрихомъ Птицелсовомъ, а позднѣе Гогенштауфенами. Такимъ образомъ, въ исторіи Германіи приходится отмѣтить не только рядъ фактовъ возникновенія и развитія, но и случаи разложенія тѣхъ или иныхъ политическихъ тѣлъ, начиная со всей Имперіи и кончая ея составными частями. Государства растутъ и умираютъ, и Монтескье былъ болѣе правъ, нежели Теллинекъ, когда говорилъ, что если Карфагенъ и Римъ умерли, то нѣтъ никакихъ основаній думать, что современныя государства будутъ вѣчны. И его пророчество исполнилось, потому что многія государства, существовавшія въ его время, теперь уже исчезли, цѣлый рядъ государствъ перешелъ въ зависимость отъ другихъ государствъ, на положеніе провинцій, и, наоборотъ, возникли и новыя государства. Во время Монтескье не было Болгарскаго царства, и въ современной Болгаріи нельзя видѣть продолженіе существовавшаго Болгарскаго государства. Точно также было бы совершеннымъ заблужденіемъ отождествлять современную Россійскую Имперію съ продолжавшимся Кіевскимъ

или Владимирскимъ великокняженіями.

Сказать, поэтому вслѣдъ за Тедлинекомъ, что органическая теорія поэтому уже не имѣетъ смысла, что государства не подчинены законамъ развитія и регресса, едва ли можетъ считаться убѣдительнымъ.

Во всякомъ случаѣ возрѣніе на государство, какъ на своего рода организмъ, имѣло уже то желательное воздѣйствіе на ходъ развитія государственнѣхъ наукъ, что имъ положенъ былъ конецъ договорной теоріи происхожденія государства весьма распространенной въ XVII и XVIII вѣкахъ. Такъ въ серединѣ XVII столѣтія Гоббсъ въ своихъ *Elementa philosophica de cive* отъ 1642г. года опредѣлялъ государство такимъ образомъ: *Civitas est persona una, cujus voluntas ex pactis plurimum populum pro voluntate habenda est ipsorum hominum, ut singulorum viribus et facultatibus uti possint ad pacem et defensionem communem, т.е. государство есть единая личность, возникающая путемъ договора, въ которомъ высказывается воля многихъ людей; оно призвано къ жизни для того, чтобы соединенными усилиями содѣйствовать упроченію мира и общей зажитѣ".* Эта доктрина еще выступаетъ въ знаменитомъ "Общественномъ договорѣ" (*Contrat social*) Ж.Ж. Руссо, предполагающемъ добровольное перенесеніе всѣмъ и каждымъ своихъ правъ на всю совокупность.

Подъ вліяніемъ исторической школы правовѣдѣнія впервые сложилось представленіе о томъ, что государство не есть искусственно вызываемый къ жизни союзъ, а политическая организація народа-племени. Исторической школой до нѣкоторой степени подготовлена была дорога къ тѣмъ попыткамъ открыть въ государствѣ черты естественнаго организма, которыя связаны съ именами Теффле и Лиліенфельда въ большей степени даже, чѣмъ съ именемъ Герберта Спенсера.

Я лично не могу пойти вслѣдъ за сторонниками органической теоріи государства, и, отрицая въ то же время договорный источникъ его происхожденія, не прочь, видѣть въ немъ одну, и далеко не первичную форму общежительнаго союза, при которомъ народъ-племя находитъ возможность политическаго самоопредѣленія подъ властью признаваемого имъ общаго правительства. Государство понимаемое въ этомъ смыслѣ не можетъ считаться первымъ по времени общежительнымъ союзомъ, такъ какъ ему предшествовали союзы, снирившіеся на представленіи дѣйствительнаго или мнимаго родства входящихъ въ составъ ихъ семей. Говоря это, я имѣю въ виду столько же тотемистическіе

союза австралийских или американских дикарей, сколько материнские и патриархальные роды. Изъ соединения родовъ возникаетъ племя. Степень единенія обусловливается его федералистическїи или, наоборотъ, централистическїи, какъ въ Ассирїи и Вавилонї, характеръ. Но когда это племя, этнографическая чистота котораго постоянно нарушается присоединеніемъ къ нему все новыхъ родовыхъ и племенныхъ группъ, силою имъ подчиненныхъ или добровольно ему передавшихся, получить общее руководство въ лицѣ хотя бы выборнаго на первыхъ порахъ, военнаго ли руководителя или судьи - посредника, тогда и только тогда мы имѣемъ дѣло съ зарожденіемъ государства.

Это племя политически организованное можетъ быть достаточно численнымъ, чтобы положить основаніе городу - республикѣ, и тогда государство зарождается въ формѣ древне-греческой *πολις* или латинской „civitas“, итальянской коммуны-республики или вѣчевого русскаго города. Но племя путемъ естественнаго и наго роста, порождаемаго союзами и завсеванїями, можетъ принять размѣры настолько значительные, чтобы занять своими развѣтвленїями рядъ городовъ и сель, цѣлую землю, и тогда государство возникаетъ въ формѣ не города, а земли (Land - по выраженїю германскихъ средневѣковыхъ источяковъ, въ латинской передачѣ - Terra). Этотъ терминъ говоритъ Теллинекъ, до сихъ поръ еще не потерялъ своего значенія. Въ Германїи еще говорятъ и еще недавно говорили о земскихъ законахъ - Landgesetze - и земскихъ чинахъ - Landstände. Въ „Политическомъ трактатѣ“ Спинозы, написанномъ въ 1670 г. еще противоплагается ходячему представленїю о городѣ-республикѣ типическимъ образцомъ котораго авторъ считаетъ Венецію, государство-земля, образцомъ которой Спиноза приводитъ Голландїю. Но и раньше Спиноза Альтузію въ его трактатѣ „О политикѣ“ уже приходится имѣть дѣло съ такимъ государствомъ, состоящимъ изъ множества городовъ сель и, слѣдовательно, далеко вышедшимъ за предѣлы древне-греческой *πολις* или римской „civitas“. Это-государство въ совершенномъ смыслѣ этого слова. Оно можетъ войти составной частью въ болѣе обширный политическїи конгломератъ, сдѣлаться членомъ союзнаго государства. Въ Ахейской и Эолийской лигѣ классическая древность представила намъ первые образцы такихъ сложныхъ политическихъ тѣлъ. Къ нимъ присоединились съ XIV вѣка союзъ свободныхъ кантоновъ Швейцарїи съ

городскими республиками Берна, Цюриха и Люцерна, а со времени реформации и уния Нидерландъ. Къ тому-же моменту можно приурочить обращеніе нѣкогда централизованной Римско-Германской Имперіи въ сложное государство. Совершенный типъ федераціи возникаетъ однако не ранѣе принятія штатами Сѣверной Америки конституціи 1787 года. Къ ней постепенно присоединились съ 1848 года Швейцарія, съ 1867 г. Австро-Венгрія, а со времени франко-Прусской войны Германская Имперія и, наконецъ рядъ союзовъ англійскихъ владѣній, какъ то: Dominion of Canada" т.е. федерація сѣверо-американскихъ англійскихъ колоній, затѣмъ федерація австралійскихъ колоній, возникшая за послѣдніе годы, наконецъ, образуемая южно-африканская федерація изъ колоній въ южной Африкѣ той же Англии.

Какъ извѣстно федеральное государство отличается отъ обыкновенной унии или лиги государствъ тѣмъ, что въ немъ рядомъ съ органами законодательства и исполненія существующими въ границахъ отдѣльныхъ членовъ союза, имѣется и законодательный и исполнительный органъ всего союза. Въ наше время союзное государство является широко распространеннымъ типомъ и мы приобрѣли возможность говорить о государствахъ простыхъ и сложныхъ.

Изъ всего сказаннаго не мудрено прийти къ тому заключенію, что природа государствъ была измѣнчива въ разное время и что, оставаясь всегда обезжизненнымъ союзомъ множества людей, занимающихъ опредѣленную территорію и подчиненныхъ общей политической власти, государство въ то же время сперва сливалось съ понятіемъ народа, а затѣмъ съ понятіемъ опредѣленной земли, наконецъ, вышло за эти предѣлы, становясь составною частью политическаго тѣла, построеннаго на дѣйствительномъ договорѣ. Но несмотря на эту измѣнчивость природы государства послѣднее въ своемъ вѣковомъ существованіи все же оставалось опредѣленной формой человеческого общежитія, коллективнымъ и организованнымъ единствомъ большаго или меньшаго множества людей, признающихъ руководство опредѣленной политической власти. Это можно сказать о тѣхъ деспотіяхъ, которыя съ древнѣйшихъ временъ возникли благодаря факту порабощенія одной національностью другой и принимали повтому характеръ обширныхъ имперій при одной господствующей племенной группѣ. Это можно сказать одинаково о всѣхъ восточныхъ деспотіяхъ, начиная отъ Вавилоно-Ассирійскаго царства и оканчивая Имперіей Великаго Могола, современной Персіей и Турціей до эпохи пережита-

ыми недавняго политическаго переворота.

Переходимъ теперь къ разсмотрѣнiю очень распространенной въ настоящее время теории о правовой природѣ государства. Это ученiе обнимаетъ собою вопросы о томъ, можно ли видѣть въ государствѣ юридическое отношенiе или его объектъ, или же правовой субъектъ.

Я уже сказалъ вамъ раньше, что съ моей точки зрѣнiя раздѣляемой, впрочемъ, и большинствомъ писателей и по государствовѣдѣнiю одинаково, какъ во Францiи, такъ и въ Англiи государство есть прежде всего фактъ, есть реальное явленiе и что всякое объясненiе его природы должно отправляться отъ этого признака.

Нужно сказать, что вѣмецкiе теоретики, не отрицая этого, въ то же время желали бы привлечь вниманiе на то обстоятельство, что государство, упорядочиваемое правомъ, хранитель и двигатель права, необходимо должно занимать определенное ^{въ} положенiе в правовой системѣ — должно существовать, говорить Теллинекъ, правосвое понятiе государства." Юридическое пониманiе государства, пишетъ тотъ же авторъ, стремится не къ выясненiю его реального существа, а къ тому, чтобы сдѣлать государство юридически мыслимымъ, т. е. найти понятiе, въ которомъ безъ внутреннихъ противорѣчiй мыслимы всѣ юридическiя особенности государства. Познанiе реального бытiя государства должно быть положено въ основу этого понятiя, но не должно быть съ нимъ тождественно." И далѣе слѣдуютъ длинныя разсужденiя Теллинека по поводу того, можно-ли говорить, что государство есть 1) правоотношенiе, 2) объектъ или 3) субъектъ его.

Теллинекъ развиваетъ тотъ взглядъ, что послѣдовательно привести конструкцiю государства, какъ правоотношенiя не возможно, потому что такая конструкцiя была бы не согласна съ идеей единства государства. Отношенiе не можетъ существовать между двумя сторонами или частями. Если говорить о государствѣ, какъ правоотношенiи, то нужно предположить, что государство состоитъ изъ правящихъ и подвластныхъ, и ихъ взаимными отношенiями исчерпывается, повидимому, все то, что мы называемъ государствомъ. Такой смыслъ имѣетъ формула, что государство есть правоотношенiе. Но если конструировать государство какъ отношенiе властвованiя, говоритъ Теллинекъ, то признанiе единства и вѣрности этого отношенiя означаетъ

уже уклонение от эмпирическаго базиса. Государство является не одно, а безчисленныя отношенія властвованія. Сколько подвластных, столько же отношеній властвованія. Есякій новый властитель является новымъ даннмъ пропорціи. Всякая переиѣна формы властвованія должна была бы разрушить государство и замѣнить его новымъ. Тоже возраженіе относится и къ попыткамъ разложить всё юридическія отношенія государства на индивидуальныя отношенія государственныхъ органовъ между собой и къ отдѣльнымъ индивидуамъ. Ни одна изъ этихъ теорій не объясняетъ, откуда возникаетъ руководящая государствомъ воля." Допустить, что государство есть правоотношеніе значитъ признать, что государство не имѣетъ цѣлости и единства. Подобное допущеніе шло-бы въ разрѣзъ съ явленіями дѣйствительной жизни.

Государство, по мнѣнію Теллинека не можетъ быть объектомъ права, потому что разъ мы предполагаемъ, что оно есть объектъ то мы необходимо должны допустить и существованіе субъекта. Объектъ права предполагаетъ - субъекта, а этимъ субъектомъ могутъ быть лишь руководящіе государствомъ люди. Ученіе о государствѣ, какъ объ объектѣ создается, слѣдовательно, такимъ образомъ, что государство разрывается и самому государству протнасполагается одинъ изъ его существенныхъ элементовъ "властитель". Но въ эпоху абсолютизма это еще можно было допустить. Когда Людовикъ говорилъ: *l'etat - c'est moi* " , то онъ этимъ выразилъ ту мысль, что государство-его достоиніе, что онъ Людовикъ XIV есть субъектъ, а государство - объектъ, надъ которымъ онъ властвуетъ. Но мы уже далеко отошли отъ этой эпохи допустить существованіе рядомъ съ государствомъ - объектомъ права - субъекта. права - т.е. людей, въ единственномъ или множественномъ числѣ, смотря потому. имѣемъ ли мы дѣло съ монархіей или аристократической формой правленія, это все равно, что допустить недопустимую вещь: при такомъ допущеніи государство не имѣло бы цѣлости.

Разъ государство не можетъ быть правоотношеніемъ, разъ оно не можетъ быть объектомъ права, то ему остается только быть правовымъ субъектомъ. Если рассуждаетъ Теллинекъ, государство есть союзъ, представляющій коллективное единство, то онъ не менѣе способенъ быть субъектомъ права, чѣмъ человѣческій индивиду.

Только съ точки зрѣнія на государство, какъ на субъектъ права можетъ быть юридически выяснено единство государства, его организаціи и порождаемой ею воли. Въ этомъ нѣтъ ничего чрезвычайнаго. Никогда юристы не предполагали, что субъектомъ права является обязательно лицо индивидуальное. Никто не отрицаетъ и не отрицалъ того, что субъектомъ права можетъ быть и юридическое лицо: напримѣръ монастырь, какъ корпорація, учебное заведеніе, университетъ или политехникумъ, тоже какъ корпорація. Почему и государству не быть субъектомъ права, такъ какъ оно является юридическимъ лицомъ.

Вся эта юридическая метафизика, къ которой, повидимому, склонились главнымъ образомъ одни нѣмецкіе авторы (Теллинекъ, перечисляя сторонниковъ такого взгляда на природу государства, не приводитъ имени хотя бы одного французскаго или англійскаго писателя), мало выясняетъ, какъ мы кажется природу государства. Очевидно, что субъектомъ права могутъ быть и коллективныя единицы наравнѣ съ индивидами, и поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что и государство наравнѣ съ частнымъ лицомъ и корпораціей, выступаетъ въ юридическомъ отношеніи, какъ субъектъ права, но отъ этого государство не перестаетъ быть реальнымъ фактомъ, организованнымъ общежительнымъ союзомъ съ обшей для всѣхъ его членовъ властью, признаваемой на протяженіи всего занимаемаго имъ пространства, властью возвышающейся надъ всею массою его населенія. Сказавши это, мы дали всѣ существенныя и необходимыя признаки государства, а это одно и требуется при опредѣленіи природы того или иного явленія. Мы, разумѣется, совершенно отказываемся отъ мысли познать сущность государства и его конечную цѣль. Мы имѣемъ дѣло только съ явленіемъ, и перечня его существенныхъ признаковъ, по которымъ оно можетъ быть опознано, вполне достаточно для научнаго опредѣленія этого явленія.

Мы скажемъ, поэтому, что всюду гдѣ множество людей, называемое народомъ, сидя на опредѣленной территоріи, подчиняется руководительству обшей политической власти, мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ организованнымъ общежительнымъ союзомъ, который слыветъ подъ названіемъ государства.

§ 2-ой.

Самый термин „ государство“ въ томъ пониманіи, какое дается ему въ настоящее время, недавняго происхожденія. Въ интересномъ экскурсѣ, какой Леллинекъ посвятилъ названію государства мы находимъ, что слово „ stato“, первоначально присоединяемое къ названію города (stato di Firenze и т.д.), приобретаетъ со временемъ значеніе отвлеченнаго термина, примѣняемаго ко всякому государству безъ различія формы правленія, будь то монархія или республика, крупное или мелкое, городское или сельское государство. Историкъ „Возрожденія“ Іаковъ Буркгардтъ полагаетъ, что первоначально „lo stato“ назывались правители вмѣстѣ съ ихъ приближенными, и впоследствии это названіе узурпировало значеніе всей территоріи какъ цѣлаго, другими словами, терминъ, которымъ мы въ настоящее время обозначаемъ государство служилъ для выраженія мысли о правительствѣ того или иного государства. Такъ и было, напримеръ, въ Арагоніи, гдѣ терминъ „lo stato“ обозначалъ первоначально совокупность вѣствующихъ и только затѣмъ былъ распространенъ на советъ властвующихъ и подвластныхъ. Но Леллинекъ считаетъ однако, болѣе вѣроятнымъ, что терминъ „lo stato“ употреблялся только подобно латинскому термину status, отъ котораго онъ происходитъ, для обозначенія опредѣленнаго порядка существующаго въ государствѣ. Въ этомъ смыслѣ мы встрѣчаемъ его уже въ XIV и XV вѣкахъ, а въ началѣ XVI столѣтія „lo stato“ является общепризнаннымъ терминомъ для обозначенія всякаго государства. Съ зарожденіемъ современной идеи государства найдено и соответственное слово. Уже въ трактатѣ „О князѣ“ (Il principe) М а к к и а в е л л и встрѣчаются выраженія въ родѣ слѣдующаго : Tutti gli stati, tutti i domini che hanno avuto et hanno imperio sopra gli uomini, sono stati e sono, e repubbliche, e principati, т.е. всѣ государства, всѣ владѣчества, которыя имѣли или имѣютъ власть надъ людьми были и состоятъ и по настоящее время однѣ республиками, а другія княжествами. „Здѣсь уже весьма опредѣленно употребленъ терминъ для обозначенія государства, причемъ, такъ какъ Маккиавелли употребляетъ терминъ еще совершенно новый, то онъ для поясненія его считаетъ нужнымъ прибавить къ словамъ: всѣ государства tutti gli stati“ слова: „ всѣ владѣчества надъ людьми - tutti i domini.“

Въ теченіе XVII и XVI столѣтій этотъ терминъ проникаетъ за-
тѣмъ во французскій, нѣмецкій и англійскій языкъ. Во Франціи Бо-
денъ (1576 г.), авторъ знаменитаго труда „Six livres de la re-
publique“ употребляетъ слово *etat* для обозначенія формы органи-
заціи государства. Боденъ — авторъ обширнѣйшаго комментарія на
Аристотелевскую „Политику“, комментарія, въ который привнесено
много новаго самимъ Боденомъ. Онъ желалъ бы распространить оп-
редѣленія, употребляемыя Аристотелемъ въ его „Политикѣ“ для обо-
значенія извѣстныхъ стношеній на отношенія другой политической
организациі, совершенно отличной отъ той, съ которой имѣлъ дѣло
Аристотель, т.е. на средневѣковое государство. Но, какъ это само
собой понятно, рѣшить такую задачу необыкновенно трудно. Поэто-
му всѣ попытки распространить греческія понятія, положимъ на та-
кой неизвѣстный древнему міру порядокъ отношеній, какъ сословная
монархія, оказались безуспѣшными. И Боденъ отказывается отъ гре-
ческихъ понятій и даетъ свои. Благодаря такому приему его коммен-
таріи постепенно переходятъ въ самостоятельное сочиненіе. Его
„Six livres de la republicque“ якобы комментарія на аристотелев-
скую „Политику“ являются въ сущности самостоятельнымъ сочине-
ніемъ, въ которомъ можно найти зародки многихъ вопросовъ, свя-
занныхъ съ государствомъ и съ государственной жизнью и ихъ рѣ-
шеній, въ которомъ выдвинуто положеніе, что суверенитетъ недѣ-
лимъ и не стѣсняется, положеніе, которое повторяютъ Локкъ и Руссо
и которое не перестаетъ повторять въ настоящее время нѣмецкіе
публицисты съ Теллингокомъ во главѣ. Разумѣется, такого ученія въ
государственной организаціи древности не было и быть не могло,
потому что политическія стношенія этому обстоятельству не отвѣ-
чали; оно могло зародиться только въ новыхъ условіяхъ, когда го-
сударство, теоретически подчиненное Священной Римской Имперіи §
старалось избавиться отъ такого подчиненія не только въ жизни,
но и въ теоріи. Раньше всего въ Аррагоніи, а затѣмъ и во Франціи
начинаетъ складываться представленіе, что свѣтскіе владыки обла-
даютъ верховной властью, недопускающей подчиненія никакой другой
власти. Получается ученіе о суверенитетѣ государства, т.е. о не-
ограниченной власти государства, которое не признаетъ подчиненія
по отношенію къ другой возвышающейся надъ нимъ власти. Такое же
представленіе о суверенитетѣ складывается и у насъ, по свидѣтель-
ству проф. Ключевскаго, когда наступаетъ конецъ раздробленію Руси
на удѣлы и когда зарождается и крѣпнетъ Московское государство.

Представление о суверенитетѣ въ Россіи является представлениемъ о неограниченной власти государства по отношенію къ **иноземнымъ** государствамъ и правителямъ. Суверенитетъ у насъ получаетъ названіе самодержавія и сначала, какъ показываетъ проф. Ключевскій, это самодержавіе означало только то, что великій князь московскій, сдѣлавшись московскимъ царемъ, освободился отъ всякаго подчиненія Золотой Ордѣ и пересталъ платить дань татарамъ. Московскій царь сталъ сувереномъ, что обозначалось переведеннымъ съ греческаго слова *αὐτοκρατορ* словомъ самодержецъ. Слѣдовательно, самодержавіе на первыхъ порахъ выражаетъ собою независимость по отношенію ко всякой внѣшней власти, независимость московскаго государства, какъ таковаго.

Такъ вотъ этотъ самый Боденъ, который комментируя Аристотеля, въ то же время самъ вноситъ нѣчто новое въ доктрину обаяго государственнаго права, употребляетъ уже терминъ *estat*, которымъ онъ пользуется довольно часто, говоря о государствѣ монархическомъ, аристократическомъ — *estat aristocratique* и народномъ — *estat populaire*. Но что Боденъ, давая такое употребленіе государству, является еще своего рода новаторомъ, это видно изъ того, что другой французскій писатель L'ouveau (Луазо), пишущій нѣсколькими десятками лѣтъ позднѣе Бодена, связываетъ со словомъ *etat* не всегда то значеніе, какое связываетъ съ нимъ Боденъ. Тѣмъ не менѣе въ теченіе XVI и XVII столѣтій постепенно вырабатывается во Франціи привычка употреблять терминъ *l'etat* въ томъ же самомъ смыслѣ, въ какомъ итальянши употребляютъ терминъ „*lo stato*“ т.е. для обозначенія государства.

Замѣтите, что я въ Англій въ эпоху Елизаветы, т.е. въ концѣ XVI и въ самомъ началѣ XVII вѣка великій Шекспиръ уже употребляетъ слово *state* для обозначенія государства. По мѣрѣ того какъ складывается государство, а оно раньше всего складывается въ Италіи, появляется и новыи терминъ для обозначенія государства, терминъ „*lo stato*“ отъ латинскаго слова *status*, причемъ почти одновременно, на разстояніи многихъ десятилѣтій, появляются терминъ **односкоренные** съ итальянскими: *state* въ Англій и *l'etat* во Франціи. Припомните, что терминъ *etat* употребляется раньше только для обозначенія сословій, а затѣмъ терминъ, служившій для обозначенія сословій, т.е. совокупности властвующихъ начинаетъ служить для обозначенія всего государства, какъ союза властвующихъ и подвластныхъ. По мѣрѣ того, какъ государство перестаетъ

быть организацией властвования, приходится придумывать новый терминъ или же употреблять старый терминъ, вливая въ него новое содержание.

Еъ Германіи, гдѣ всего позднѣе зародилось современное государство, терминъ Staat, опять таки отъ латинскаго слова status, вполне упрочивается и служитъ для обозначенія государства только въ XVIII вѣкѣ. Но и въ XVIII вѣкѣ этотъ же терминъ употребляется и для обозначенія провинціи, для обозначенія любой области, надѣленной сколько нибудь самостоятельнымъ устройствомъ. Поэтому и въ Пруссіи, и въ Австріи въ законодательныхъ актахъ мы встрѣчаемъ выраженіе Staaten для обозначенія всѣхъ земель государства или имперіи. Еще и теперь прусскіе законы обнародуются въ "Собраніи узаконеній королевско-прусскихъ государствъ" (Gesetz - Sammlung für die königlichen Preussischen Staaten. /
Еще не вполне приуроченнымъ къ обозначенію исключительно государства названіе Staat является и въ XIX столѣтіи. Но если не говорить объ официальной терминологіи, то терминъ „Staat“ нѣмецко-юридической литературы означаетъ то же, что англійское „state“, французское „l'etat“, итальянское „lo stato“ и испанское „estado“, т.е. государство.

Глава II.

Отношеніе между правомъ и государ-
ствомъ .

I.

Я перейду въ настоящее время къ разсмотрѣнію вопроса не менѣе спорнаго, чѣмъ вопросъ о томъ, что такое государство, именно къ вопросу объ отношеніи, существующемъ между правомъ и государствомъ.

Это - вопросъ, по которому до сихъ поръ еще, можно сказать, существуютъ три, если не четыре противорѣчашія, несогласныя между собой рѣшенія. Одно изъ нихъ дается ученіемъ, которое также какъ и многія другія ученія въ области государствовѣдѣнія заимствованы въ большинствѣ случаевъ отъ предшествующихъ столѣтій, ученіемъ, поддерживаемымъ до настоящаго времени нѣкоторыми послѣдователями метафизической философіи, но все болѣе и болѣе оставляемымъ юриспруденціи, - я разумѣю ученіе объ естественномъ правѣ. Это ученіе, какъ извѣстно, имѣетъ нѣсколько разновидностей: естественное право насаждено въ людяхъ Богомъ - одно возрѣніе; естественное право, какъ раскрытіе явленій нашего разума - другое возрѣніе; и наконецъ, третьей разновидностью является ученіе римскихъ юристовъ о томъ, что естественное право - это то право, которому природа научила всѣхъ животныхъ, всѣхъ звѣрей, а слѣдовательно въ числѣ этихъ звѣрей и человека.

Замѣтите, что въ тотъ моментъ, когда зарождается доктрина естественнаго права на практикѣ мы имѣемъ дѣло съ торжествомъ абсолютизма, стрѣшившагося отъ тѣхъ ограниченій верховной монархической власти, каковыми несомнѣнно являлись права сословій, приславшихъ своихъ уполномоченныхъ на сеймы, сословно-представительныя собранія. Возникаетъ необходимость какого-либо ограниченія этого абсолютизма. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что подобныя ограниченія существовали въ средніе вѣка, пока держалось представленіе о томъ, что монархъ, свободный отъ всякаго

Общее ученіе о государствѣ.

Проф. М. М. КОВАЛЕВСКАГО.

Изд. Студ. Кассы Взаимопом.

СПБ. Политехн. Институтъ.

Литографія Трофимова.

СПБ. Моканская Э.

подчиненія только по отношенію къ своимъ подданнымъ и государственнымъ учрежденіямъ, въ которыхъ подданные были призваны выражать свои нужды и желанія въ то же время подчиненъ верховному руководительству церкви и папы. И нужно сказать, что это представленіе, господствовавшее въ средніе вѣка, проводилось и на дѣлѣ такими папами, какъ Григорій VII (Гильдебрандъ), Иннокентій III. Не въ одной только теоріи признано было, что подобно тому, какъ луна подчинена руководству солнца, такъ точно императоръ, а тѣмъ болѣе какой нибудь король подчиненъ верховному руководству папы; но это признаніе осуществлялось и въ жизни, причемъ осуществлялось очень просто. Если поведение того или иного монарха казалось папѣ не отвѣчающимъ божескому закону, то онъ особождалъ подданныхъ отъ обязанности въ повиновеніи своему государю и, такимъ образомъ, вызывалъ государственные перевороты. Такихъ фактовъ средневѣковая исторія знаетъ не мало. Стоитъ хотя бы вспомнить знаменитое путешествіе въ Каноссу, когда императоръ Генрихъ IV, одѣтый въ рубише и босой, шелъ вымаливать прошеніе у папы Григорія VII. Неудивительно поэтому, если и въ XIX вѣкѣ дѣлаются попытки повернуть колесо исторіи назадъ, возстановить историческіе порядки добраго стараго времени, когда свѣтская власть была подчинена власти духовной. Никто иной, какъ Жозефъ-де-Местръ, отправляясь отъ реставраціи монархій, приходитъ къ мысли о необходимости возстановленія папской власти. Въ своемъ знаменитомъ сочиненіи „О папѣ“ онъ излагаетъ такія напр., мысли, что такъ какъ прежніе монархи признавали надъ собою главенство папы и такъ какъ отъ этого не было ничего, кромѣ хорошаго, то то же должны сдѣлать и современные монархи, т.е. подчиниться верховной власти папы.

Какъ извѣстно реформація внесла много новшествъ въ отношенія между свѣтской и духовной властью. Въ однихъ государствахъ сами монархи сдѣлались своего рода папами, такимъ является, на примѣръ, англійскій король Генрихъ VIII. Въ другихъ государствахъ духовная власть попала въ полную зависимость отъ государства, и при заключеніи Вестфальскаго мира (1648 г.) было превозглашено начало: религія правящаго опредѣляетъ религію всѣхъ его подвластныхъ.

Очевидно, что о прежней зависимости свѣтской власти отъ духовной не могло быть и рѣчи. Одновременный же ростъ монархической власти и побѣды, сдержанія ея надъ разнаго рода ограниченіями, какія связывали королевскую власть въ средніе вѣка въ

формы существованія во многихъ государствахъ сословныхъ палатъ, привели къ тому, что въ эпоху Монтескье уже можно было передавать дѣйствительное положеніе вещей тѣми словами, какими онъ передаетъ впечатлѣнія, произведенныя на него посѣщеніемъ различныхъ странъ Европа и изученіемъ ихъ порядковъ. „Народы Европы, говоритъ Монтескье, неудержимо устремляются къ созданію деспотіи, и это теченіе также неудержимо, какъ то, которое уноситъ рѣки въ моря“.

И вотъ въ тотъ моментъ, когда въ началѣ XVII вѣка абсолютистскій строй вполнѣ сложился и въ значительной степени окрѣпъ, юристы дѣлаютъ попытку показать, что есть нѣкоторыя неотъемлемыя права, безъ осуществленія которыхъ человѣкъ пересталъ бы быть человѣкомъ, которыя неразрывно связаны съ природой человѣка, а не съ природой того общежительнаго союза, членомъ котораго онъ является. Человѣкъ, какъ и животное, хотя бы онъ жилъ изолированно на какомъ нибудь островѣ, хотя бы онъ попалъ въ положеніе Робинзона Крузе, имѣетъ извѣстныя естественныя права, которыя неразрывно связаны съ его природой, какъ разумнаго существа.

Эта мысль въ XIX столѣтіи, благодаря развитію социологическихъ ученій мало пользуется признаніемъ. Мы думаемъ, что при изолированности человѣка право не могло возникнуть, право возникло только съ того момента, когда къ Робинзону Крузе присоединился Пятница. До этого момента не могло существовать ни право, ни нравственность, такъ какъ и право и нравственность существуютъ для потребностей общежительнаго союза. Изолированный человѣкъ не имѣетъ никакихъ обязательствъ, онъ можетъ дѣлать съ собой все, что ему угодно, и никакихъ юридическихъ преградъ для него не существуетъ и существовать не можетъ.

Не такова, однако, была точка зрѣнія теоретиковъ естественнаго права. Опѣивать доктрину естественнаго права можно съ разныхъ точекъ зрѣнія. Если мы будемъ опѣивать ее съ точки зрѣнія политической цѣлесообразности, то получимъ одинъ результатъ, если же будемъ подходить къ ней съ точки зрѣнія ея обоснованности; то цѣнность ея представится въ совершенно иномъ свѣтѣ. Съ политической точки зрѣнія доктрина естественнаго права принесла несомнѣнно большую пользу, какъ принесла большую пользу и другая доктрина, доктрина о божескомъ законѣ, доктрина, которая говорила, что существуетъ обязательный и для правителей божескій законъ. Эта послѣдняя теорія возникла еще въ средніе

вѣка, и средневѣковные писатели дѣлали изъ нея слѣдующій прак-
 тическій выводъ. Истолкователемъ божескаго закона является гла-
 ва церкви, папа; если монархъ толкуетъ божескій законъ несоглас-
 но съ тѣмъ, какъ понимаетъ его церковь или папа, который и тогда
 считался уже непогрѣшимымъ, хотя формально непогрѣшимость папъ
 признана была только въ XIX столѣтїи, то онъ (монархъ) перехо-
 дить изъ положенія монарха на положеніе тирана. И если монархъ
 неприкосновененъ, то по отношенію къ тирану постепенно складывает-
 ся ученіе, что тираны подлежатъ насильственной смерти. Церковь,
 такимъ образомъ, доходитъ до освященія убійства королей. Вооб-
 ще говоря, церковь въ средніе вѣка постоянно вмѣшивалась въ го-
 сударственныя дѣла. Первый случай, когда былъ осуществленъ на
 практикѣ контроль церкви за соблюденіемъ божескаго закона, былъ
 вызванъ убійствомъ знаменитаго Фомы Бекета. Когда Генрихъ III Планта-
 генетъ отправилъ своего противника на тотъ свѣтъ съ помощью на-
 емныхъ убійць, то Іоаннъ Сольсберійскій написалъ свою книгу
 „Poligratus sine de pugis curialium“, въ которой развиваетъ уче-
 ніе, продолжавшее держаться на продолженіе всѣхъ среднихъ вѣ-
 ковъ: если монархъ здается въ ересь, онъ перестаетъ быть закон-
 нымъ правителемъ и становится незаконнымъ тираномъ, относитель-
 но котораго допускается насильственная смерть. Въ VI столѣтїи
 эту мысль повторяютъ многіе приверженцы папской власти, такіе
 духовные писатели, какъ Маріана (De rege et regi institutione),
 Суарецъ и др. И церковь никогда не могла смѣть позора, причи-
 неннаго освященіемъ убійства тирановъ, хотя бы только и въ од-
 номъ случаѣ, когда монархъ нарушилъ божескій законъ.

На мѣсто этого ученія о божескомъ законѣ появляется ученіе
 объ естественномъ правѣ. Зарождается оно въ тотъ самый моментъ,
 когда церковь теряетъ свою контролирующую власть надъ государ-
 ствомъ. Это ученіе — болѣе скромное, нежели только что изложен-
 ная доктрина о божескомъ законѣ, потому что учителя естествен-
 наго права никогда не высказывались за поднятіе руки на законна-
 го правителя, потому что ни у одного изъ учителей естественна-
 го права, возьмемъ ли мы Гуго Гроція, Гоббса, Локка или како-
 гонибудь другого изъ представителей школы естественнаго права,
 мы не найдемъ ни одного слова, которое позволило бы намъ ска-
 зать, что въ этомъ отстаиваніи началъ естественнаго права они
 пошли такъ далеко, какъ въ отстаиваніи божескаго закона пошли
 учителя церкви въ средніе вѣка, въ XVII и XVIII столѣтїи, ког-
 да церковь оправдывала поведеніе фанатика Равальяка, покончив-

шаго съ жизнью короля Генриха IV Бурбона. Если въ настоящее время мы спросимъ себя, какое дѣйствительное значеніе само по себѣ имѣетъ ученіе естественнаго права, права, зародившагося раньше возникновенія государства и зародившагося, потому что нельзя представить себѣ человека, какъ существа разумнаго безъ того, чтобы не допустить одновременно и его естественныхъ правъ, то мы должны будемъ сказать, что значеніе этого ученія довольно значительно: оно говорило людямъ о принадлежащихъ имъ правахъ, побуждало ихъ на борьбу за свои права. Если же мы спросимъ себя, насколько ученіе о естественныхъ правахъ является обоснованнымъ, то мы придемъ къ заключенію, что въ этомъ отношеніи съ этимъ ученіемъ дѣло обстоитъ не совсемъ благополучно, такъ какъ согласно даннымъ современной науки не можетъ подлежать сомнѣнію, что право не возможно внѣ общественнаго союза, что нѣтъ и не можетъ быть права въ изолированномъ, е с т в е н н о м ъ состояніи человека.

Это одно рѣшеніе вопроса объ отношеніи, существующемъ между правомъ съ одной стороны, и государствомъ, съ другой: право существовало и раньше государства. Ученіе естественнаго права вывало къ жизни свободу самоопредѣленія личности и, присваиваетъ Локку, свободу проявленія личности во внѣшнемъ мірѣ. Но и свобода самоопредѣленія личности и свобода присвоенія предметовъ внѣшней природы въ интересахъ служенія личности, т.е. собственности существуютъ только въ государствахъ. Такъ какъ охранять свободу самоопредѣленія личности и принципъ неприкосновенности собственности очень трудно безъ созданія власти, которая обезпечивала бы эти драгоценныя и незыблемыя права личности, то люди создаютъ государство, котораго прямая цѣль и главнѣйшая задача - охранять свободу самоопредѣленія личности и неприкосновенность собственности. Вотъ быть можетъ, наиболее ясное выраженіе основныхъ возрѣній школы естественнаго права по интересующему насъ вопросу.

Въ противоположность этому ученію по вопросу объ отношеніи между правомъ и государствомъ многими современными, по преимуществу, нѣмецкими публицистами предлагается совершенно иное рѣшеніе, а именно, что никакого права нѣтъ внѣ государства, что раньше государства не могло возникнуть и право, что право

имѣеть своимъ источникомъ государство и обязательно для всѣхъ въ томъ числѣ и для самого государства. Такъ какъ государство создаетъ право, то оно, значить, можетъ и отмѣнить я упразднить его и, слѣдовательно, государство въ существѣ дѣла не связано никакимъ обязательнымъ правомъ. Эта школа самоважно называетъ себя „положительной“, указывая или желая этимъ показать, что ея ученіе создано на почвѣ изученія реальныхъ, дѣйствительныхъ существующихъ отношеній. Такое ученіе высказываютъ очень выдающиеся въ современныхъ нѣмецкихъ писателей по государствовѣдѣнію: Воргакъ, Зейдель, высказываетъ его Сарви и многіе другіе.

Государство, значить, возникаетъ раньше права и право есть созданіе государства. Государство сегодня создаетъ одно право, а завтра другое. Оно въ любой моментъ можетъ измѣнить существующее право и создать новое. Какъ, повидимому, ни оригинальна эта доктрина, но и она была высказана еще въ XVII столѣтіи писателемъ широко извѣстными - Гоббсомъ, который, отбрасывая отъ мысли, что въ естественномъ состояніи „человѣкъ человеку волкъ“ (homo homini lupus ^{est}) и что, поэтому, естественное состояніе есть „война всѣхъ противъ всѣхъ“ (bellum omnium contra omnes), выдвигаетъ положеніе, что въ интересахъ міра, въ интересахъ прекращенія этой анархіи, этой войны всѣхъ противъ всѣхъ люди рѣшили создать государство, т.е. отказались отъ всѣхъ своихъ правъ и перенесли, какъ фигурально выражается Гоббсъ, всѣ свои права на государство. Съ момента созданія государства люди уже не владѣютъ никакими правами. Всѣ права сосредоточены въ рукахъ государства. Если потомъ люди и приобрѣтаютъ какія - нибудь права, то только потому, что государство надѣляетъ ихъ правами. Отсюда Гоббсъ послѣдовательно дѣлаетъ такой выводъ: такъ какъ всѣ права стоили къ государству, то все то, чѣмъ люди впоследствии владѣютъ: свобода самоопредѣленія личности, собственность, имѣеть своимъ источникомъ государство. Отъ государства зависитъ признаніе того, что право, и что не право: Правильно является сегодня одно, а завтра другое. Отъ государства зависитъ созданіе собственности, признаніе собственности за тѣмъ, или другимъ лицомъ.

Какъ не странна эта доктрина, тѣмъ не менѣе нужно сказать, что въ ней до нѣкоторой степени стразилась англійская, доселѣ

держащаяся точка зрѣнія на всемогущество парламента. Эта англійская точка зрѣнія заключается въ томъ, что парламентъ подъ которымъ англичане разумѣютъ совокупность нижней палаты, палаты лордовъ и короля, какъ начала, конца и главы парламента, можетъ сдѣлать все: онъ не можетъ только обратить мужчину въ женщину и женщину сдѣлать мужчиной, т.е. все что лежитъ въ предѣлахъ физической возможности, что не противорѣчитъ законамъ природы можетъ быть сдѣлано парламентомъ, понимаемымъ въ смыслѣ совокупности короля, палаты лордовъ и палаты обшинъ, являющимся субъектомъ верховной власти въ англійскомъ государствѣ. Эта верховная власть можетъ все сдѣлать, все измѣнить. Въ Англии нѣтъ различія между конституціонными и обыкновенными законами, и обычно правовая англійская конституція не знаетъ ничего подобнаго постановленіямъ другихъ конституцій о томъ, что конституціонные законы измѣняются и издаются особымъ порядкомъ, отличнымъ отъ порядка измѣненій и изданія обыкновенныхъ законовъ, что для измѣненія или изданія конституціоннаго закона необходимо или переизбраніе палаты, или квалифицированное большинство, или соединенное засѣданіе двухъ палатъ, или та или иная комбинація этихъ и другихъ условій. Въ Англии и конституціонные и обыкновенные законы проходятъ въ одинаковомъ порядкѣ. Такимъ образомъ, англійская точка зрѣнія это - то, что верховная власть, неограничена, она создаетъ право и право отменяетъ. И эта точка зрѣнія, можно сказать, хорошо усвоена современными нѣмецкими писателями, которые, какъ на примѣръ, Борнхакъ, говорятъ о всемогуществѣ государства, которое создаетъ нормы права, обязательныя для всѣхъ подданныхъ его, но необязательныя для самого государства.

Вотъ двѣ совершенно противоположныя точки зрѣнія на разсматриваемый вопросъ.

Но этого мало. Среди нѣмецкихъ публицистовъ существуетъ школа, которая говоритъ, что государство дѣйствительно есть источникъ права, но это право имъ созданное, для государства - обязательно. Почему же оно обязательно? А благодаря тому, что само государство обращается къ ограниченію своей власти. Это теорія такъ называемаго самоограниченія государства. Какая же цѣль у государства ограничивать свою власть? Телликъ отвѣчаетъ: это ограниченіе совершается въ интересахъ самоустойчивости государства. Ограниченная власть болѣе устойчива, нежели власть неограниченная. Изъ страха потерять все, государство согласно настаивать на немногомъ и признать обязательнымъ для себя нѣкоторыя

изданныя имъ нормы, и прежде **всего**, нормы конституціонныя, т.е. тѣ, которыя представляютъ собою гарантіи для личной свободы, для свободы самоопредѣленія личности. Наиболее официальнымъ, наиболее классическимъ представителемъ является ^{этой теоріи/}Теллинекъ.

Но есть и четвертое рѣшеніе вопроса объ отношеніи между правомъ и государствомъ, къ которому я причисляю и себя. Право и государство одинаково вызваны къ жизни необходимостью сохранить тѣ общежительные союзы, жизнь и дальнѣйшее развитіе которыхъ возможны только подъ условіемъ признанія общественной солидарности. И право и государство въ своемъ источникѣ отвѣчаютъ требованіямъ общественной солидарности. Они только потому и возникли, что ихъ возникновеніе требовалось общественной солидарности. Требования общественной солидарности были причиной того, что право возникло еще до государства въ такихъ общежительныхъ союзахъ, какими являются родъ или соединеніе родовъ въ племя или соединеніе племени въ еще болѣе сложную организацію, и для государства право, ранѣе его возникшее, является несомнѣнно обязательнымъ.

Итакъ, число теорій, существующихъ по вопросу объ отношеніи права къ государству, можно свести, по крайней мѣрѣ, къ четыремъ.

Но и между представителями этихъ четырехъ, весьма рѣзко отличающихся другъ отъ друга, доктринъ можно встрѣтить много разногласія. Въ частности, между представителями четвертой доктрины существуетъ существенное различіе въ точкѣ зрѣнія проводимой Дюги, и той точкой зрѣнія, которую провожу я вмѣстѣ съ сравнительно-историками права и вообще всѣми тѣми, кто кладетъ въ основу изученія государства знакомство съ социологіей.

Я познакомлю Васъ, прежде всего, съ той точкой зрѣнія по вопросу объ отношеніи между правомъ и государствомъ, которая явилась результатомъ историко-сравнительнаго изученія права, а ватѣмъ мы познакомимся съ каждой изъ вышеизложенныхъ доктринъ: доктриной, отстаивающей приоритетъ права надъ государствомъ, доктриной, которая говоритъ, что сперва возникаетъ государство и право существуетъ только въ государствѣ и въ немъ имѣетъ свой источникъ и, наконецъ, съ доктриной, именуемой теоріей самоограниченія государства.

III.

Въ самыхъ обширнѣхъ чертахъ я постараюсь теперь показать, какъ обстоитъ дѣло съ вопросомъ объ отношеніи между правомъ и государствомъ съ точки зрѣнія сравнительно-историческаго изученія учреждений.

Государство далеко не является ни древнѣйшимъ ни наиболѣе распространеннымъ союзомъ людей между собой. Ему предшествуетъ по времени иные порядки общежитія. Большинство странъ міра столѣтіе назадъ не знало государства въ смыслѣ національнаго союза, а многіе народы и доселѣ живутъ родовымъ или племеннымъ устройствомъ, самое большее братствами постоянными или временными между этими родами и племенами. Не подлежитъ сомнѣнію что въ то время, когда писалъ Геродотъ, отецъ исторіи, большинство народовъ не знало государства. Но это еще не значитъ, что не существуетъ никакого общежитія на этой стадіи историческаго развитія, какъ нельзя сказать, что тѣ народы, которые живутъ государственнымъ порядкомъ, живутъ своей первой общежительной формой.

Сравнительно-историческое изученіе учреждений различныхъ народовъ выяснило, что существуютъ такіе порядки общежитія, которые предшествуютъ государству и для которыхъ употребляется терминъ "родовые союзы", т.е. существуютъ такіе порядки общежитія, которые опираются на идею дѣйствительнаго или мнимаго родства всѣхъ лицъ или совокупности людей, входящихъ въ составъ этого союза. Сравнительная этнографія выяснила, что и родовые порядки не могутъ считаться первыми по времени формами общежитія. Существуютъ еще союзы, объединенные культомъ одного и того же животнаго или растенія, и такъ какъ это животное или растеніе, признаваемое предметомъ культа, слыветъ тотѣмой, то такіе союзы носятъ названіе "тотемистическіе союзы." Можно пойти еще дальше и толковать о томъ, что и тотемистическіе союзы не являются первой по времени формой общежитія. Дѣло въ томъ, что есть предположеніе что всѣ указанная формы не могутъ считаться древнѣйшими и что имъ предшествуютъ порядки, для обозначенія которыхъ употребляютъ терминъ "стадныя соединенія."

Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что существовали и существуютъ общежительные союзы, возникающіе ранѣе государства. Одни народы не

пошли далѣе родового союза, а нѣкоторые не поднялись даже и до родового союза, и живутъ формою общежитія, называемой тотемистическимъ союзомъ. Слѣдовательно, существуютъ порядки, не имѣющіе ничего общаго съ государствомъ и тѣмъ не менѣе отвѣчающіе представленію объ общежитіи: въ нихъ имѣется уже нѣкоторая организація, зарождаются уже нѣкоторыя нормы права. Не выдѣляя того или другого общежительнаго союза изъ среды союзовъ, существовавшихъ до государства, можно сказать, что всѣмъ имъ присущи извѣстныя нормы права.

Для того, чтобы доказать это, нужно прибѣгнуть къ единственно научному средству, къ методу индуктивно-дедуктивному. Обратите вниманіе на такой фактъ: въ родовыхъ союзахъ считается высшей степени похвальнымъ присвоеніе чужого, если этотъ чужой состоитъ членомъ не одного съ похитителями рода; и, наоборотъ, похищеніе, слѣланное у члена одного сообщества съ похитителями считается дѣйствіемъ недозволеннымъ. Убіеніе человѣка, не принадлежащаго къ одному роду съ убійцей, считается дѣйствіемъ въ высокой степени похвальнымъ, а убіеніе человѣка, принадлежащаго къ одному роду съ убійцей, есть дѣйствіе недозволенное и рѣзко осуждаемое. Изъ быта краснскожихъ, изъ быта австралійскихъ дикарей, и-что всего важнѣе для насъ - изъ быта тѣхъ племенъ, наслѣдники которыхъ положили основаніе современнымъ государствамъ Европы, мы черпаемъ обильный матеріалъ для того, чтобы судить объ этихъ начаткахъ права. Извѣстно, что родовая мсть принадлежитъ къ числу самыхъ крайнихъ средствъ возмездія за совершеніе недозволенныхъ поступковъ. Но лишь въ моментъ зарожденія государства еле сохраняются нѣкоторые слѣды порядковъ кровавой мести. Уже въ раннихъ англосаксонскихъ законахъ предписывается, что за убіеніе короля долженъ взиматься выкупъ, причемъ за убіеніе короля взимается нѣсколько большій выкупъ, чѣмъ за убіеніе его подданныхъ, такъ какъ снѣ принадлежитъ къ болѣе знатному роду, чѣмъ всѣ его подданные, ведущіе свое начало отъ другихъ родовъ. Государство на первыхъ порахъ вынуждено считаться съ институтомъ родовой мести, заминая его выкупомъ. Поэтому, если мы обратимся къ источникамъ древняго права, возьмемъ ли мы Салическую законъ, Правду рипуарскихъ франковъ, Саксонское Зерпало и т.д. или Русскую Правду, мы постоянно во всѣхъ этихъ

памятникахъ будемъ имѣть дѣло съ послѣдствіями кровной мести, отъ которыхъ можно избавиться только производствомъ извѣстнаго платежа, который носитъ названіе композиціи, виры, выкупа и т.д.

Если мы отъ эпохи возникновенія государствъ путемъ объединенія родовъ, поднимаемся въ болѣе отдаленныя эпохи, когда существуютъ родовые союзы, не вошедшіе въ составъ государства, то мы здѣсь встрѣтимся съ обязанностью родового возмездія. Тотъ кто не отомстилъ за преступленіе, за насильственное дѣйствіе, причиненное члену его рода, будетъ ли этимъ дѣйствіемъ убійство, пораненіе или присвоеніе чужой собственности, тотъ считается опозореннымъ, неисполнившимъ своихъ обязательствъ по отношенію къ членамъ одного съ нимъ сообщества. Только тотъ, кто въ состояніи запальчивости или раздраженія убилъ своего родственника, нанесъ ему рану или присвоилъ его собственность, считался совершившимъ недозволенное дѣйствіе. Такимъ образомъ, съ самаго начала устанавливается представленіе о дозволенномъ и недозволенномъ.

Убійца родственника обыкновенно изгоняется изъ родственной среды въ качествѣ нарушителя мира. Отсюда-кавказское абречество. Если убійца принадлежитъ къ чужому роду и если кровомщеніе прекращается, то прекращается оно въ большинствѣ случаевъ, на условіяхъ, которыя сразу показываютъ, что наступилъ конецъ враждебнымъ отношеніямъ между родами. Оно прекращается, напримеръ, путемъ условленія лица, совершившаго недозволенное дѣйствіе. Убійца покидаетъ свой родъ и вступаетъ въ составъ обиженнаго имъ рода, замѣняя, такимъ образомъ, члена, потеряннаго этимъ родомъ, благодаря его убійству. Пріемъ лица, совершившаго недозволенное дѣйствіе, въ члены рода, по отношенію къ которому онъ это дѣйствіе совершилъ, часто сопровождается выполненіемъ извѣстныхъ символическихъ дѣйствій. Изъ за убійства одного члена даннаго рода, между потерявшимъ родомъ и тѣмъ, къ числу членовъ котораго принадлежитъ убійца, возникаетъ ожесточенная и длительная борьба, въ которой одинъ родъ мститъ другому. Эта борьба продолжается до тѣхъ поръ, пока роды не приходятъ въ къ сознанію, что необходимо родовую месть прекратить. Тогда собираются старѣйшины родовъ, совѣщаются между собою о количествѣ словесъ, быковъ и т.д., которое одинъ родъ

долженъ выставить другому для замиренія. Рядомъ съ этимъ и послѣ этого платежа долженъ произойти актъ примиренія, который принимаетъ иногда такой характеръ. Съ обнаженной глсевой и обнаженной грудью является убійца къ представителямъ оскорбленнаго рода и отдаетъ себя въ ихъ власть. Затѣмъ тоже съ обнаженной грудью выходитъ женщина, принадлежащая къ членамъ потерпѣвшаго рода, не рѣдко мать жертвы. Убійца прикасается къ соснамъ этой женщины и этимъ самымъ символически передается та мысль, что убійца вступаетъ въ положеніе вскормленнаго ею, т.е. становится ея сыномъ. Съ этого момента онъ дѣлается членомъ того рода, который пострадалъ отъ его дѣянія.

Въ другихъ союзахъ сохранился такого рода порядокъ: учинившій кровопролитіе надъ членомъ своего рода не выгоняется изъ родственной среды, но вынужденъ жить особнякомъ. Такихъ липъ заставляютъ носить извѣстные знаки, наприкѣръ, ожерелья изъ камней, чтобы ихъ можно было въ любой моментъ узнать и тѣмъ предотвратить съ ними всякія сношенія.

Если отъ этихъ порядковъ, которые мы встрѣчаемъ у современныхъ варварскихъ, что ли, народовъ, мы обратимся къ тѣмъ даннымъ этнографическаго характера, которыя даются писателями древности или писателями, описывавшими бытъ позднѣйшихъ народовъ (напр. германцевъ), то мы среди этихъ данныхъ встоѣтимъ упоминаніе о человѣкѣ, носящемъ названіе *vargus*, который, какъ волкъ рыщетъ безъ всякаго пристанища. Это-человѣкъ, нарушившій тотъ миръ, который является необходимымъ условіемъ спокойнаго сожителства родственниковъ. Его нельзя убить въ отмщеніе, потому что это значило бы пролить родственную кровь, поэтому его заставляютъ оставить тотъ родовой союзъ, въ которомъ онъ явился на свѣтъ Божій и искать себѣ иного пристанища. Такимъ образомъ, очень рано возникаетъ представленіе о дозволенныхъ и недозволенныхъ дѣяніяхъ.

Сходныя съ этимъ очерченными представленія долгие время держатся даже въ государствѣ. Плутархъ свидѣтельствуетъ, что спартанцы имѣютъ школы, въ которыхъ спартанская молодежь обучается воровству, такъ какъ считается похвальнымъ присвоеніе чужой собственности, при чемъ воровство по отношенію къ родственникамъ считается въ высшей степени преступнымъ.

Слѣдовательно, раннее возникновеніе государства въ ин-

тересах устойчивости общежительнаго союза, т.е. въ интересах общественной солидарности возникаютъ уже извѣстныя нормы, регулирующія поведеніе отдѣльныхъ лицъ, входящихъ въ составъ этихъ союзовъ. Эти нормы признають одні дѣйствія, какъ несогласныя съ требованіями общественной солидарности, недо-воленными, а другія дѣйствія, наоборотъ, дозволенными. Первоначально общественная солидарность не выходитъ за предѣлы за-киренной среды, какой является родъ. Тѣ дѣйствія, которыя не-согласны съ устойчивостью родового союза, съ его дальнѣйшимъ существованіемъ, которыя несогласны съ началами общественной солидарности, осуждаются, другія же, напротивъ, поощряются. Значитъ есть извѣстныя нормы, нормы права, регулирующія тре-бованія общественной солидарности, предъявляемыя всѣмъ союзомъ по отношенію къ его членамъ. Слѣдовательно, право зарождается въ сферѣ общественннхъ союзовъ, которые предшествуютъ возник-новенію государства.

Подобно родамъ, и общины имѣютъ свое право; иначе нельзя было бы объяснить причинъ, по которымъ къ пользованію ихъ не-раздѣльнымъ достояніемъ допускаются только семьи, поселенныя въ предѣлахъ ихъ соответственныхъ районовъ. Помѣстье или феодеъ, какъ и гильдейская или цеховая корпорація, также не обустраивается безъ нормъ, регулирующихъ ихъ внутреннюю жизнь и обязательныхъ для ихъ членовъ. Такими нормами поддерживается, напри-мѣръ, надѣль-ная система, право крестьянскаго двора на участіе въ эксплуата-ціи помѣстной земли, право гильдейскаго или цехового собрата на помощь и поддержку всего сообщества личными услугами и без-возмездной ссудой. Цеміества и гильдіи возможны и внѣ предѣловъ національнаго государства, при тѣхъ слабой связи, какую предпо-лагаетъ существованіе полуавтономныхъ феодальныхъ тѣлъ и впол-нѣ или на половину, самостоятельныхъ городскихъ округовъ. Какъ утверждать послѣ этого, какъ это дѣлалъ еще Робертъ и какъ про-должаютъ повторять это до нашихъ дней многіе нѣмецкіе публи-цисты, что государство создаетъ право и что послѣднее не мыс-лимо до и внѣ тѣснаго союза съ ними? Чтобы спасти такое сло-женіе отъ критики, Теллинеку приходится прибѣгнуть въ своемъ «Правѣ современнаго государства» къ совершенно произвольному стождествленію съ государственнымъ сообществомъ всякаго рода политическихъ союзовъ, до рода включительно.*) Не говоря уже

*) Tellingk. Das Recht des modernen Staates. стр. 329.

о томъ, что такое сближеніе противорѣчитъ фактамъ исторіи и дѣйствительности, какой другой выводъ можно дѣлать изъ него, кромѣ слѣдующаго: право встрѣчается всюду, гдѣ есть обмежитіе, каку бы форму не принимало послѣднее.

Забста о сохраненіи первоначальныхъ общественныхъ группъ объясняетъ наибъ древнѣйшій источникъ возникновенія такихъ нормъ, какъ запрещеніе вступать въ бракъ съ единокровными, или воздерживаться съ мести и выкуповъ въ случаѣ преступленій, совершенныхъ въ родственной средѣ. Оказавъ, что такія нормы отвѣчаютъ требованіямъ разума и потому должны считаться естественнымъ правомъ, предшествующимъ возникновенію среди людей какихъ бы то ни было обмежителей группъ и такъ сказать насажденныхъ еъ нихъ Богомъ или природой, а этому учили родоначальники доктринѣ естественнаго права, мы, разумѣется, не имѣемъ никакого основанія. Очевидно, что въ захватномъ способѣ пользованія, съ котораго начинается земельная апроприація, мы также мало имѣемъ дѣло съ проведеніемъ въ жизнь велѣній разума, какими въ концѣ концѣ концовъ считается нормы естественнаго закона: какъ и въ правѣ убить въ отиженіе обиды перваго встрѣчнаго изъ среды чужого, отнюдь, однако, не своего рода. Но всѣ такія нормы, несомнѣнно, отвѣчаютъ тому представленію о силѣ или мощи, какъ регулирующей собой первоначальныя отношенія людей, которое задолго до Геринга, признаваемо было еще Спинозой исходнымъ моментомъ въ развитіи всякаго права. *) Но въ чемъ Спиноза такъ же сшибается какъ и Герингъ, это въ томъ, что будто бы одна эта сила, помимо всякаго соображенія интересовъ обмежитія, обуславливаетъ собой характеръ древнѣйшихъ нормъ права. Почему захватное пользованіе не можетъ выходить за предѣлы извѣстнаго района, подчиненнаго есду, безъ того, чтобы не сдѣлаться поводомъ къ междоусобицѣ? Почему присвоеніе чужого, признаваемое похвальной, разъ дѣло идетъ о человекѣ, стоящемъ внѣ родового обмежитія, считается, наоборотъ, предосудительнымъ въ его границахъ? Счевидно, потому, что въ первыхъ двухъ случаяхъ нѣтъ опасности для цѣлости

*) Въ „Трактатѣ богословско-политическомъ“, глава XVII. Спиноза говоритъ: „не здравый разумъ опредѣляетъ для каждаго его естественное право, а размѣръ его мощи и сила его аппетитовъ“.

союза, а въ двухъ послѣднихъ существуетъ такая опасность. А отсюда возможенъ только тотъ выводъ, что право съ самаго начала предполагало подчиненіе силъ интересамъ общественной солидарности. Мы, такимъ образомъ, подошли къ тому рѣшенію, на которомъ останавливается современная социологія полагающая, что въ правѣ надо видѣть не болѣе и не менѣе, какъ нормы, ставяшія себѣ цѣль поддержаніе и развитіе этой солидарности. Такія нормы встрѣчаются съ самаго момента возникновенія общества; внѣ его нѣтъ права и оно зарождается вмѣстѣ съ нимъ.

Опредѣляя болѣе точно содержаніе того понятія, которое скрывается за терминами „общественная солидарность“, „требованія общества“, „подчиненіе личности интересамъ союза“, мы необходимо приходимъ къ признанію того правила, что въ мірѣ общества, какъ и въ мірѣ органической и неорганической природы, сказывается съ самаго начала дѣйствіе закона затраты наименьшаго количества энергии въ интересахъ достиженія наибольшихъ результатовъ. На той стадіи общественнаго развитія, при которой весь міръ, лежащій внѣ предѣловъ стаднаго соединенія, изъ котораго со временемъ развивается сперва материнскій, а затѣмъ патріархальный родъ, законъ наименьшихъ затратъ требуетъ отъ каждаго члена сообщества отказа отъ пользованія своею мосью въ предѣлахъ союза. Отсюда запретъ частнаго присвоенія и жень и имущества; отсюда первоначальный родовой коммунизмъ и возникновеніе одного изъ самыхъ распространенныхъ въ мірѣ правилъ, такъ называемой экзогаміи, или возможности постояннаго сожительства, только съ чужеродкой. Всѣ эти нормы, которыми обусловливаются отношенія начальствованія и подчиненія въ предѣлахъ первичныхъ союзовъ, положеніе вождя, какъ перваго между равными, и отсутствіе всякихъ различій между лицами, ему подчиненными, оказываются, при болѣе внимательномъ къ нимъ отношеніи, частными проявленіями того же закона сохраненія энергии. По причинѣ невозможности пропитать большую группу людей при условіяхъ скотническаго и рыболовнаго хозяйства, первыя стадныя соединенія очевидно имѣютъ численно ограниченный личный составъ. Но чтобы обезопасить свое существованіе отъ всяду окружающихъ ихъ враговъ, членамъ ихъ необходимо настолько сблизиться между собой, чтобы сдѣлаться единымъ тѣломъ и единымъ духомъ. Но это мыслимо только подъ условіемъ общности интересовъ, которому противорѣчило бы всякое различіе во вліяніи и власти, помимо того, какое предполагаетъ подчиненіе об-

шему руководительству. Отсюда равенство въ правахъ и обязанностяхъ, связывающихъ между собой не однихъ живущихъ, но также послѣднихъ съ усопшими. Совершенство поминокъ, отыщеніе обидъ въ третьемъ, четвертомъ и т.д. поколѣніяхъ въ такой же мѣрѣ входятъ въ составъ установленныхъ обычаями обязательныхъ нормъ, какъ и правила, руководяція выборомъ невѣсты или размеры личнаго имущественнаго пользованія. Итакъ особенность первоначальныхъ общественныхъ союзовъ составляетъ, въ отличіе отъ позднѣйшихъ, равенство въ солидарности.

На родовой ступени обезжитія это равенство уже терпитъ нѣкоторыя ограниченія, благодаря естественному раздѣленію труда между болѣе слабымъ поломъ и болѣе сильнымъ, а при domestikacji животныхъ - между владѣльцами большаго или меньшаго количества скота. Военный бытъ, въ свою очередь, открывая возможности не быстро истребляемой добычи, какой являются продукты охоты и рыболовства, создаетъ новое основаніе къ неравенству, въ присвоеніи большаго или меньшаго числа оставаемыхъ въ живыхъ рабовъ и невольницъ, а желаніе утилизировать ихъ трудъ вызываетъ необходимость расширить предѣлы земельного пользованія за границу удовлетворенія неотложныхъ потребностей. Такимъ образомъ, рука объ руку возникаютъ неравенство и раздѣленіе труда, неравенство мужчинъ и женщинъ и присвоеніе первыми военныхъ, а вторыми - хозяйственныхъ функций,*) неравенство владѣльцевъ и не-владѣльцевъ, все равно, будетъ ли предметомъ обладанія скотъ, рыба, земля, и соответственно - обособленіе занятій пахарей и пастуховъ отъ тѣхъ, природу которыхъ составляетъ начальствование и хозяйственное руководительство. Мы стоимъ на самомъ рубежѣ перехода отъ недифференцированныхъ группъ людей къ такимъ, въ которыхъ произошла вмѣстѣ съ дифференціацией и интеграція извѣстныхъ функций. Въ нихъ тотъ же законъ сохраненія энергіи потребуетъ связаннаго съ раздѣленіемъ труда неравенства, но лишь въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ это неравенство не вредитъ еще общественному единству, общественной солидарности. Отсюда такія, наприкладъ, нормы, какъ запрещеніе обращать въ рабство единоплеменъ

*) Напомню свидѣтельство Цезаря о свехахъ и, вообще, о германцахъ, жившихъ въ его время родовымъ устройствомъ.

и свобода индивидуальныхъ присвоеній лишь подъ условіемъ сохраненія того правила, о которомъ говоритъ Локкъ, правила, что апроприация не должна служить препятствіемъ къ присвоенію равнаго числа равнокачественныхъ предметовъ и любымъ изъ членовъ общества. Локкъ высказывалъ это правило, какъ ствлненное требованіе, но сравнительная этнографія и исторія права дала намъ возможность ознакомиться съ тѣми выраженіями, какія оно нашло на практикѣ. Захватное пользованіе въ предѣлахъ родового района оканчивается тамъ, гдѣ новое присвоеніе грозитъ сдѣлать невозможнымъ утилизацію каждымъ родового имущества въ границахъ его дѣйствительныхъ потребностей. Отсюда неизбѣжный переходъ, въ концѣ концовъ, отъ этого вида пользованія къ болѣе или менѣе уравнительному передѣлу, примѣръ чего представляетъ намъ русская дѣйствительность и русское недавнее прошлое.*)

Не мудрено, если при такихъ условіяхъ право, какъ совокупность нормъ, проводящихъ требованіе общественной солидарности, на родовой ступени общежитія уже проводитъ идею равенства только въ примѣненіи къ тѣмъ категоріямъ и группамъ, образованіе которыхъ было вызвано потребностью въ раздѣленіи труда. Возникаетъ общій обычай, регулирующий порядокъ подчиненія женщинъ мужчинамъ, рабовъ хозяевамъ, клиентовъ патронамъ, съемщиковъ скота его владѣльцамъ, съемщиковъ земли ея собственникамъ. Но проводимое правомъ неравенство еще относительное. Оно не исключаетъ возможности одинаковой защиты обшихъ всѣмъ группамъ интересовъ, интересовъ сохраненія жизни членовъ. Отсюда сравнительно поздно развивающееся различіе въ высотѣ выкуповъ за убійство и раненіе.**)

Сказанному не противорѣчитъ то, что выкупъ за ра-

*) Говоря это, я имѣю въ виду судьбу захватнаго пользованія въ Сибири въ наши дни и исторію его постепеннаго исчезновенія въ Южной Россіи въ средѣ казаковъ донскихъ, черноморскихъ, кубанскихъ и уральскихъ.

**) Оно хорошо извѣстно, напр., лицамъ знакомымъ съ „Русской Правдой“.

Общее ученіе о государствѣ.
Изд. Студ. Кассы Взаимопом.
Литографія Трофимова.

Лекціи проф. М. М. КОВАЛЕВСКАГО.
СПБ. Политехн. Институтъ.
СПБ. Можайская 3.

Составитель *В. Орловъ*

ба всегда ниже, чѣмъ за свободнаго: вѣдь рабъ, по природѣ своей — чужеродецъ, и на него, слѣдовательно, не распространяются нормы защиты, доставляемья родомъ его членамъ. Съ этимъ согласно первоначальное отношеніе родового обычая къ убійству раба, какъ къ пропажѣ имущества, возмѣшаемаго хозяину равноцѣннымъ предметомъ.

Мы не продолжимъ нашей попытки показать постепенный ростъ права въ тѣсномъ союзѣ съ требованіями смѣняющихся формъ общежитія и всегда въ направленіи, указанномъ закономъ сохраненія энергіи. Иначе намъ пришлось бы, по отношенію къ общинѣ и помѣстьямъ, какъ и по отношенію къ такимъ корпораціямъ, какъ общежительныя братства, торговыя гильдіи и ремесленные цехи, наконецъ, къ кастамъ, сословіямъ и классамъ, приложить тотъ же методъ обобщенія отъ фактовъ дѣйствительности, къ какому мы прибѣгли въ отношеніи къ первоначальнымъ стадіямъ соединенія людей и къ родовымъ сообществамъ. Наша задача значительно осложнилась бы отъ того, что въ общинѣ, корпораціи и сословіи трудно выдѣлать сторону самостоятельнаго развитія и то, что привнесено въ него параллельной эволюціей государства, все равно, идетъ ли рѣчь о государствѣ феодальномъ, городскомъ или національномъ. Но разъ мы показали на примѣрѣ несомнѣнно возникающихъ ранѣе государства союзовъ тѣсную связь между интересами сохраненія и развитія общественнаго единенія и нормами права, мы считаемъ себя вправѣ признать обоснованнымъ этотъ взглядъ, что право, независимо отъ государства вызывается къ жизни потребностями общественной солидарности и развивается по линіи наименьшаго сопротивленія, въ полномъ согласіи съ общимъ закономъ сохраненія энергіи.

Спрашивается теперь, въ какое отношеніе становится государство къ праву. Оно, очевидно, не создаетъ его, такъ какъ послѣднее, какъ мы видѣли, зарождается съ первыми формами человѣческаго общежитія, предшествующими по времени всякому государству. Но государство не можетъ быть также построено на отрицаніи права, такъ какъ послѣднее, какъ мы показали, открываетъ обществу возможность самосохраненія при наименьшихъ пожертвованіяхъ, и, возставая противъ права, государство, по этому самому, принимало бы мѣры противъ собственнаго существованія, какъ общежительнаго союза. Но если оно не создаетъ и не отрицаетъ права, то

ему нѣтъ другого выбора, какъ признать его, что оно и дѣлаетъ въ формѣ проводимыхъ имъ положительныхъ нормъ.

§3.

Рѣшеніе, даваемое мною вопросу объ отношеніи государства и права, въ общемъ сходится, какъ я сейчасъ покажу, съ тою точкою зрѣнія, какая высказана по этому вопросу въ новѣйшее время Дюги. Но это сходство ограничивается только общностью исходнаго пункта, одинаковымъ признаніемъ нами обоими, что въ требованіяхъ всякаго общежитія, т.е. въ общественной солидарности надо искать источникъ и права, и государства. Аргументація же мною даваемая, какъ орудующая результатами сравнительной этнографіи и сравнительной исторіи права, и, слѣдовательно, опирающаяся на методъ обратной дедукціи, методъ индуктивно-дедуктивный, расходится съ тою, какою даетъ намъ бордосскій профессоръ, придерживающійся все время, какъ мы сейчасъ покажемъ, чистой дедукціи. Пользуясь работами Зиммеля и Дюркгейма, Дюги старается провести тотъ взглядъ, что нѣтъ коллективнаго интереса, противоположнаго индивидуальному, и что коллективный интересъ не болѣе, какъ сумма интересовъ индивидуальныхъ. Соціализація возрастаетъ, пишетъ онъ, въ прямомъ отношеніи къ раздѣленію труда, но раздѣленіе труда само развивается пропорціонально его индивидуализаціи. Отсюда и слѣдуетъ, по мнѣнію Дюги, что соціализація и индивидуализація не исключаютъ другъ друга, а порождаются одна другой.*)

Моя точка зрѣнія, очевидно, расходится съ только что приведенной, такъ какъ для меня ясно, что требованіе общественнаго самосохраненія предполагаетъ отказъ индивида отъ безграничнаго пользованія своею мощью. Можно сказать, разумѣется, что въ интересахъ самосохраненія человѣкъ хорошо сдѣлаетъ, не истощая своихъ силъ, но здѣсь мы имѣли бы уже дѣло съ вопросомъ о пользѣ самоограниченія личныхъ appetitовъ, вопросъ, очевидно, отличный отъ того, какій представляетъ подчиненіе силы праву, т.е. лич-

*) D u g u i t . L'Etat, le droit objectif et la loi positive.

ной мощи сознанию интересовъ всего общества. Это не мѣшаетъ тому, что оба мы - Дюги и я - сходимся въ признаніи, что общественная солидарность и въ періодъ, предшествующій раздѣленію труда, и въ періодъ слѣдующій занимъ, является основой права или правовой нормы, *regis de droit*, какъ выражается Дюги. Вслѣдъ за Зиммелемъ и Дюркгеймомъ, Дюги справедливо говоритъ, что солидарность, носившая на первыхъ порахъ характеръ чего то самопроизвольнаго, инстинктивнаго, сдѣлалась сознательной съ момента, когда дифференціация и интеграція общественныхъ функцій, вызвали обособленіе отдельныхъ категорій труда.*) Признавая вслѣдъ за Дюркгеймомъ и заодно съ сравнительными этнографами нашего времени, что стадное соединеніе, или, какъ онъ выражается, орда**), должно быть признано древнѣйшею формою общества, Дюги приступаетъ къ доказательству своей мысли, что социализация идетъ рука объ руку съ индивидуализацией лишь съ момента возникновенія города. Въ противность Фюстель де Куланжу, онъ не допускаетъ мысли о поглощеніи индивида древней городской гражданственностью. Никогда, пишетъ онъ, свободная воля не проявляла себя такъ часто: вѣдь вся греческая философія отправляется отъ автономіи индивидуальнаго сознанія. Поэтому, если присмотрѣться ближе къ дѣлу, оказывается, что греческая свобода не довольствовалась однимъ участіемъ въ пользованіи политической власти, но была одновременно свободою индивидуальныхъ волей. Фюстель принялъ одно за другое: онъ принялъ сходство индивидуальныхъ сознаній за подчиненіе ихъ волѣ государства. Предполагаемое имъ насиліе порока-государства надъ индивидуальными волями, въ сущности объясняется тѣмъ, что всѣ эти воли, оставаясь свободными, въ то же время имѣли равное содержаніе. Дифференціация общественныхъ функцій и солидарность, опирающаяся на раздѣленіи труда, по мнѣнію Дюркгейма, появилась всего ранѣе въ нѣкоторыхъ завоевательныхъ и торговыхъ городахъ древности, какими надо считать, помимо греческихъ еще Римъ и

*) См. стр. 52.

**) Термина этого я тщательно избѣгаю, боясь смѣшенія съ историческимъ понятіемъ орды, т.е. довольно сложной общественной организаціи, далеко не составленной изъ однородныхъ элементовъ, организаціи, какою орда является у татаръ со временъ Чингис-Хана и Батая, и, по всей вѣроятности, и многими вѣками ранѣе.

Карфагенъ. *) Совпаденіе интересовъ любого индивида съ интересами всего сообщества, которое мнѣ лично кажется далеко не доказаннымъ, служить для Дюги отправнымъ пунктомъ для всей его дальнѣйшей теоріи. На стр. 81 онъ пишетъ: „Противуположенія индивидуальнаго коллективному не отвѣчаютъ дѣйствительности. Истина лежитъ въ сліяніи ихъ въ одно пѣлое, которымъ и является человекъ — *ce tout est l'homme mème*. Какое заключеніе можно извлечь изъ этого для нашего руководства въ жизни? Относится ли человекъ сознательно или безсознательно къ тѣмъ правиламъ поведенія, которыя вытекаютъ изъ этой истины? Имѣютъ ли эти правила какую нибудь санкцію и какова послѣдняя? Таковы вопросы, которые ставятся всѣмъ соціальнымъ наукамъ и должны быть рѣшены ими. Всѣ прочія проблемы остаются открытыми, пока не будетъ дано отвѣта на эти вопросы. Будутъ ли они экономическими или юридическими, они одинаково сводятся, въ концѣ концовъ, къ вопросу о правилахъ, или вѣрнѣе о правилѣ нашего поведенія. Это правило, очевидно чисто нравственнаго характера, должно управлять волями и поступками людей и имѣть дѣло только съ сознательными актами. Его можно называть закономъ, но не въ смыслѣ законовъ физическаго міра, которые всѣ являются законами причинности, тогда какъ имъ ставится вопросъ не о причинности, а о цѣлесообразности. И говоря это, Дюги только повторяетъ одно изъ облюбованныхъ положеній вѣмецкой нравственной юридической философіи, мысль общую Геллинеку съ Герингомъ и Бундтомъ. Онъ останавливается затѣмъ на развитіи той мысли, что законъ, имѣемый имъ въ виду, относится только къ сознательнымъ волевымъ актамъ, нашедшимъ себѣ выраженіе въ дѣйствиіи. При какихъ условіяхъ, спрашиваетъ онъ, индивидуальный волевой актъ пріобрѣтаетъ общественное значеніе? Только тогда, говоритъ Дюги, когда онъ отвѣчаетъ общественной солидарности. Въ этомъ случаѣ для всѣхъ существуетъ обязанность ничѣмъ не препятствовать, а наоборотъ, содѣйствовать реализаціи такой индивидуальной воли. Она прямо вытекаетъ изъ той солидарности, которая связываетъ насъ съ ближними. Человекъ не можетъ сохранить своего существованія внѣ такой солидарности; только при ней онъ способенъ уменьшить сумму своихъ страданій. Поэтому, всякій актъ индивидуальной воли, клонящійся къ реализаціи общественной солидарности, необходимо долженъ влечь уваженіе и признаніе. И такъ — первое правило поведенія — уважать вся-

*) Ibid. стр. 68.

кій актъ индивидуальной воли, преслѣдующій цѣли общественной солидарности. Въ болѣе или менѣе сознательномъ, или наоборотъ, смутномъ видѣ, это правило встрѣчается на всѣхъ ступеняхъ общественнаго развитія. Этнографическія и социологическія изслѣдованія Доказываютъ это вполне; Дюги не говоритъ, какъ именно, но я полагаю, что изъ того немногаго, что сказано было мною выше, необходимо слѣдуетъ, что правила поведенія индивидовъ уже на низшихъ ступеняхъ общественности построены на подчиненіи интересамъ пѣлаго. Второе правило поведенія, непосредственно вытекающее изъ перваго, — что никто не долженъ совершать дѣйствія, преслѣдующія цѣли, не отвѣчающія общественной солидарности, или противныя ей. Остановилось ли на этомъ развитіе человѣческаго сознанія или въ него проникло и третье правило: обязательности для каждаго совершать акты, отвѣчающіе общественной солидарности? Дюги даетъ на это утвердительный отвѣтъ. Рано или поздно люди приходятъ къ тому убѣжденію, что они обязаны содѣйствовать реализаціи общественной солидарности. Это третье правило и представляетъ собой требованіе права. Оно является общимъ для всѣхъ людей; но такъ какъ способности ихъ различны, то отсюда слѣдуетъ, что это правило поведенія требуетъ отъ нихъ разумныхъ дѣйствій, сообразно ихъ способностямъ. Содѣйствовать раздѣленію труда, необходимому элементу общественной солидарности въ наше время, равнозначительно затратѣ личныхъ способностей съ цѣлью обмѣна услугъ, отъ котораго и происходитъ сама солидарность. Отсюда то послѣдствіе, что каждый служитъ обществу, кооперируясь съ другими сообразно своимъ личнымъ способностямъ. Правило поведенія, вытекающее изъ сознанія общественной солидарности и которое для Дюги составляетъ самую природу права, одинаково обязательно и для властвующихъ и для подвластныхъ. Изъ этого слѣдуетъ, что праву подчиняются и правительства, и подданные, — перенявъ въ томъ смыслѣ, что они могутъ справедливо пользоваться большой силой, поставленной въ ихъ распоряженіи, только въ интересахъ общественной солидарности. Это положеніе даетъ, по мнѣнію Дюги, возможность судить о томъ, что дозволено и что недозволено правительству, другими словами — гдѣ надо искать границу его вѣдательства въ сферу частной свободы.*) Дюги расходится, такимъ образомъ, съ Герингомъ, утверждающимъ, что право есть политика силы, и предлагаетъ замѣнить эту формулу другой:

*) Ibid. См. стр. 98 и слѣд.

право вмѣняется властвующимъ въ обязанность обращенія къ силѣ въ интересахъ своего торжества, т.е. въ концѣ концовъ, въ интересахъ общественной солидарности.

Нормы поведения, обязательныя въ равной мѣрѣ для властвующихихъ и подвластныхъ, не могутъ считаться чѣмъ то косными. Онѣ и постоянны и измѣнчивы, постоянны въ своемъ основаніи, которымъ служить общество, и въ своемъ универсальномъ содержаніи, которымъ является требованіе кооперировать съ другими въ интересахъ общественной солидарности. Но въ то же время формы проявленія этой солидарности несомнѣнно измѣнчивы. Человѣческое сообщество выступало и выступаетъ то во образѣ орды, клана, то во образѣ города и націи. Будущее, по всей вѣроятности, поставитъ насъ лицомъ къ лицу съ новыми типами общежитія. Но всеѣмъ имъ одинаково присуще было и будетъ требованіе солидарности и отвѣчающее ей поведеніе, слѣдовательно, и право, заключающее въ себѣ нормы этого поведенія. Други относится поэтому, отрицательно къ доктринѣ естественнаго права, которая предполагала, что нормы поведенія предустановлены съ самаго начала и неизмѣнны, другими словами, что онѣ — абсолютны.

Други доказываетъ затѣмъ, что правилъ поведенія, обусловленное интересами общественной солидарности, должно считаться нормою права, а не морали. Но онъ спѣшитъ прибавить, что логически нельзя провести различія между моралью и правомъ, а приходится остановиться на проведеніи между ними только слѣдующей границы. Нормы, еще не успѣвшія настолько проникнуть въ общее сознаніе, чтобы можно было видѣть въ ихъ соблюденіи необходимое условіе общественной солидарности, должны считаться нормами нравственными. Всѣ же остальные — нормами права *). Во всякомъ случаѣ, мораль имѣетъ въ виду, согласно и съ ходячей точкой зрѣнія, оцѣнку дѣйствія со стороны ихъ внутренняго достоинства. Когда же мы говоримъ о правилахъ поведенія, вызываемыхъ требованіями общественной солидарности, мы имѣемъ въ виду ихъ оцѣнку со стороны пользы ихъ для общества, а изъ этого слѣдуетъ, что мы имѣемъ дѣло съ нормами права, а не съ нормами нравственности.***) Всякій индивидуальный актъ если, преслѣдующій цѣли, согласныя съ нормами права, можетъ считаться актомъ юриди-

*) Стр102 Ibid.

**) Ibid.стр. 104.

ческим и производимое имъ послѣдствіе - послѣдствіе юридическое. Мы назовемъ это послѣдствіе субъективнымъ юридическимъ состояніемъ, говорить Дюги, дающій ему затѣмъ слѣдующее опредѣленіе: „Это - состояніе, созданное сознательной волею, въ соответствии съ нормою права, клонящееся къ увеличенію общественной солидарности, представляющее, поэтому, общественное значеніе. Въ обществахъ, въ которыхъ имѣется организованная сила или правительство, другими словами, въ государствѣ, это состояніе гарантировано матеріальной силой“*) Если актъ индивидуальной воли не вызывается задачей общественной солидарности, онъ лишень юридического значенія. Организованная и сознательная воля (власть) не становится въ его распоряженіе; наоборотъ, смотря по обстоятельствамъ, она обнаруживаетъ свое вмѣшательство или съ цѣлью воспротивиться вытекающимъ изъ него послѣдствіямъ, или же для того, чтобы подавить его и сдѣлать невозможнымъ повтореніе въ судушемъ.***) Итакъ, согласно основной точкѣ зрѣнія Дюги, право существуетъ раньше государства и находитъ въ немъ только организованную силу для проведенія себя въ жизнь.

Мы не послѣдуемъ далѣе за развитіемъ мысли автора, которому нельзя не сдѣлать упрека въ нѣкоторой расплывчатости и частыхъ повтореніяхъ. Мы постараемся только показать, въ какой мѣрѣ подобная точка зрѣнія отлична съ одной стороны отъ той, какой придерживаются теоретики неотчуждаемыхъ и природенныхъ естественныхъ правъ, а съ другой - отъ той, какой слѣдуетъ возникшая въ Германіи школа, самозванно, объявляющая себя „положительной“ и въ которой не мудрено признать попытку воскресить ученіе Гоббса о созданіи права государствомъ.

Въ одномъ мѣстѣ своей книги Дюги довольно обстоятельно выясняетъ свою точку зрѣнія на естественное право. Согласно ученію о такъ называемыхъ и природенныхъ личности правахъ, человѣкъ самымъ фактомъ рожденія надѣляется известными видами власти, которые объявляются субъективными правами. Эти права истекаютъ не отъ факта его въ жизни и въ обществѣ, не потому, что онъ солидаренъ со всѣми членами одного съ нимъ союза, но въ силу того, что онъ - человѣкъ. Недаромъ же декларація правъ

*) Ibid. стр. 169.

**) Ibid. стр. 165.

1789 года гордо объявляет: „Люди рождаются и остаются свободными и равными въ правахъ.“ Эти права потому считаются естественными, что они предшествуютъ во времени и превосходятъ своимъ значеніемъ всякое обожитіе. Декларация 1789 года объявляетъ ихъ „anterieurs et superieurs aux lois positives“. Они естественны потому, что человекъ въ состояніи изолированности, безъ всякаго отношенія къ себѣ подобнымъ считается всегда имѣвшимъ и долженствующимъ имѣть эти права. Последнія признаются субъективными, такъ какъ ими создаются возможности для человека, въ силу принадлежащаго ему качества-человѣка. Изъ этого концепта индивидуальныхъ естественныхъ правъ вытекаетъ предостереженіе объ обязательномъ правилѣ поведенія для человекѣ, живущаго въ обществѣ. Это правило устанавливается по соображенію тѣхъ потребностей, какія предполагаетъ существованіе общественныхъ отношеній. Но это правило поведенія или, что то же, норма права можетъ имѣть своимъ объектомъ только извѣстное ограниченіе въ пользованіи субъективными правами. Размѣръ самаго ограниченія опредѣляется необходимостью защиты правъ всѣхъ. Такъ понятая норма права не возлагаетъ ни на кого активныхъ обязанностей, а только пассивную обязанность воздержаться отъ пользованія своими естественными правами въ томъ случаѣ и настолько, насколько съ этимъ можетъ быть связано посягательство на право другихъ. Она не только не обязываетъ кооперировать въ достиженіи другими ихъ правъ. Такъ понимаетъ природу естественныхъ правъ одинъ изъ послѣднихъ сторонниковъ теоріи „естественнаго закона“ во Франціи Анри Мишель. *)

Подобная доктрина, объявляетъ дѣла, — фальшива; она тѣмъ не менѣе могла принести свою пользу, явившись во время; съ нею можно считатьъ какъ съ важнымъ факторомъ исторической эволюціи XIX вѣка, но это не мѣшаетъ ей противорѣчить стремленіямъ современныхъ обществъ. Ошибочность ея вытекаетъ изъ того, что она отпращивается отъ недоказанной и не могущей быть доказанной гипотезы о человекѣ естественномъ, живущемъ въ изолированномъ состояніи. Она невѣрно видитъ въ обществѣ явленіе позднѣйшаго порядка, результатъ доброй воли людей, тогда какъ въ дѣйствительности оно существовало съ самаго начала и является

*.) „L' idee de l'etat,“ стр. 646.

чѣмъ то самопроизвольнымъ. Она ложна и потому, что отмѣчаетъ въ человѣческой природѣ только одну сторону: элементъ индивидуальности. Въ дѣйствительности же человѣкъ—одновременно существо индивидуальное и общественное, и эти два характера въ немъ совершенно нераздѣльны. Не отмѣчаетъ эта теорія и желаній и потребностей современности, потому что человѣкъ въ наши дни приобрѣлъ ясное сознание своего двойственного характера: индивидуального и общественного.*) Наша концепція правовой нормы, прибавляетъ Дуги, принимаетъ во вниманіе эту двойственность, такъ какъ отправляется отъ сознанія общественной солидарности.**)

, § 4.

Въ противоположность той точки зрѣнія, которая считаетъ право возникшимъ раньше государства и для государства обязательнымъ, въ оредѣ нѣмецкихъ государствовѣдовъ держится обратная точка зрѣнія о томъ, что право есть порожденіе государства, откуда многіе и выводятъ то заключеніе, что для подданныхъ государства право обязательно, то оно не обязательно для самого государства.

Можно сказать, что эта точка зрѣнія возникла гораздо раньше нѣмецкой школы, школы самой претенціозной и называвшей себя „положительной“ и потому, казалось бы, научной, но въ сущности имѣющей въ виду только доказать, что она опирается на данныя положительнаго права, не эстетвеннаго права, а дѣйствующаго права, по преимуществу, въ нѣмецкихъ государствахъ. Я говорю, что эта точка зрѣнія была высказана много вѣковъ раньше, именно въ серединѣ XVII вѣка въ знаменитомъ трактатѣ, принадлежащемъ перу англичанина Томаса Гоббса, въ трактатѣ о гражданствѣ (De cive) и трактатѣ о государствѣ, уподобляемомъ гиганту Леіафану. Т. Гоббсъ утверждалъ, что въ моментъ возникновенія государства всѣ права людей переходятъ на государство, что люди на первыхъ порахъ имѣютъ не столько право, сколько возможности, называемыя имъ общеупотребительнымъ въ то время терминомъ естественными правами, возможности — безграничныя и вступающія въ коллизію съ такими же возможностями существъ имъ подобнахъ, и что одно государство въ состояніи сказать, что пра-

*) Д. К. Г. И. вышеук. соч. стр. 142, 148.

во и что не право. То, что оно признает правомъ въ одинъ моментъ, можетъ быть признано имъ въ другой моментъ уже не правомъ. Пока государство признаетъ что либо правомъ, это право обязательно для его подданныхъ, но само государство является не связаннымъ правомъ.

Въ основѣ этой и всѣхъ ей подобныхъ теорій лежитъ, разумеется, англійское представление о всемогуществѣ парламента, который во всякое время, въ согласіи съ королемъ можетъ измѣнить самый строй государства, представление, которое всегда выражало природу англійскаго конституціоннаго права и которое имѣетъ своимъ послѣдствіемъ то, что въ Англии не проводится различія между законодательствомъ простымъ и законодательствомъ по вопросамъ государственнаго устройства, т.е. не существуетъ различія между обыкновенными и основными законами: и тѣ и другіе проводятся въ одномъ и томъ же порядкѣ.

Я перехожу теперь къ передачѣ основной точки зрѣнія тѣхъ, главнымъ образомъ, нѣмецкихъ государствовѣдцовъ, которые полагаютъ, что государство не связано имъ же самимъ создаваемымъ правомъ. Что германская, такъ называемая, „положительная“ школа раздѣляетъ по существу ту же точку зрѣнія, какой придерживается Гоббсъ, это бросается въ глаза при ближайшемъ ознакомленіи со взглядами главныхъ представителей этой школы, Зейделя*, Сарве** и Зорна***. Они утверждаютъ, выражаясь словами одного изъ нихъ, Сарве, что идея права не можетъ быть построена иначе, какъ отпавляясь отъ понятія о государствѣ. Зейдель даже рѣшительно отказывается отъ признанія по отношенію къ государству какихъ либо ограничительныхъ правилъ. Государство-моль-самодержавно, суверенитетъ принадлежитъ государству и есть необходимая существенная черта государства. Этому училъ еще Боденъ. А суверенитетъ, какъ извѣстно предполагаетъ неограниченность. Гдѣ есть неограниченность, тамъ государство не можетъ считать себя связаннымъ уже изданными законами. Сегодня оно издаетъ одинъ законъ, а завтра

(** см. стр. 58) Ibid стр. 143.

*) Seydel. Grundzuge einer allgemeine Staatslehre u. Bayerisches Staatsrecht

**) Sarwey. Das öffentliche Recht und Verwaltungspflege u. Das Staatsrecht des Königreiches Württemberg

***) Zorn . Reichesstaatsrecht.

ра, если понадобится другой. Эти законы обязательны для подданныхъ, но государство никакихъ обязательствъ не принимаетъ и принимать не можетъ.

Если не эта точка зрѣнія, то практика, вытекающая изъ этого взгляда, не разъ была примѣняема и нашимъ законодательствомъ. Въ вопросѣ о правахъ Финляндіи мы часто руководствуемся этой же точкой зрѣнія. Было ли присоединеніе Финляндіи результатомъ завоеванія или договора, оно не важно. Во всякомъ случаѣ мы имѣемъ тотъ фактъ, что Александръ I принялъ на себя извѣстныя обязательства по отношенію къ Финляндіи, именно обязательство по сохраненію ея конституціонныхъ порядковъ. Но тѣ, кто полагаетъ, что эти обязательства не имѣютъ никакого значенія для русскихъ монарховъ, руководствуются очевидно, той точкой зрѣнія, что государство не связано разъ принятымъ обязательствомъ, что подданные должны исполнять все государственные законы, но что государство-суверенъ во всякое время эти законы можетъ измѣнить. Такая точка зрѣнія проводилась, напримѣръ, проф. Сергѣевскимъ и она обуславливаетъ то недоброежелательство, которое существуетъ въ Финляндіи по отношенію къ Россіи и которое, какъ мнѣ кажется, представляетъ наиболѣе трудную сторону, такъ называемаго, финляндскаго вопроса. Въ дѣйствительную жизнь еще не проникло сознаніе что ни русскій для финляндца не есть иностранецъ, ни финляндецъ для русскаго тоже не иностранецъ. Думать, что русское государство не связано обязательствомъ даннымъ Финляндіи Александромъ I, возможно только подъ условіемъ допущенія недопустимаго, съ моей точки зрѣнія, принципа положительной школы, что государство своимъ правомъ не связано.

Какъ я только что сказалъ, всего опредѣленнѣе высказываетъ эту мысль Зейдель: онъ рѣшительно отказывается отъ признанія по отношенію къ государству какихъ либо ограничительныхъ правилъ. Не заходя такъ далеко Тедлинекъ и Терингъ допускаютъ возможность самоограниченія со стороны государства. Государство самоограничиваетъ себя, издавая конституцію. Впредь оно будетъ пользоваться своимъ широкимъ правомъ суверенитета только въ предѣлахъ, какіе этому праву даетъ самимъ же государствомъ принятая конституція. Конституція является добровольнымъ самоограниченіемъ, какъ будто бы все конституціи обязаны своимъ возникновеніемъ свободной волѣ верховнаго руководителя государственной власти, подоб-

но той конституціи, которой Людовикъ XVIII думалъ облагодѣтельствовать своихъ подданныхъ. Мы знаемъ, что эта конституція разсматривалась, какъ даръ, дѣлаемый французскимъ королемъ своимъ подданнымъ, а не признаніе требованій, заявляемыхъ французами въ частности Учредительнымъ собраніемъ 1789 года. Непризнаніе же этихъ требованій и было причиной временнаго прекращенія правительства Бурбоновъ во Франціи, а новыя нарушенія ихъ привели послѣдовательно къ іюльской революціи, къ революціонному движенію въ 1848 году и къ установленію теперешней республики.

Въ настоящее время совершенно вѣрно высказывается противъ такой теоріи самоограниченія французскій писатель Люги. Онъ говоритъ, что такое самоограниченіе не можетъ имѣть для государства силы, какъ для власти не знающей надъ собою старѣйшаго. Но Теллинекъ и Терингъ, раньше Теллинекъ, одинаково проводятъ ученіе о самоограниченіи государства. Теллинекъ не даетъ достаточнаго объясненія по вопросу о томъ, что побуждаетъ государство къ такому самоограниченію. Тогда какъ Терингъ полагаетъ, что хорошо понятый интересъ заставляеть лицъ, надѣленныхъ властью, ограничить ее ради ея устойчивости и, слѣдовательно, ради устойчивости государства, Теллинекъ критикуеть возрѣніе тѣхъ, кто думаетъ, что государство не связано создаваемымъ имъ правомъ. Онъ полагаетъ, что устанавливая прочныя правовыя нормы, государство принимаетъ по отношенію къ подданнымъ обязательство проведенія этихъ нормъ даже тогда, когда онѣ направлены противъ его, но на вопросъ: почему?, я не нахожу у Теллинека должнаго отвѣта. Правда, онъ указываетъ на то, что въ частномъ правѣ достаточно односторонняго обѣщанія для созданія правовой нормы, но изъ этого не слѣдуетъ еще, что никѣмъ неограниченное государство связано силою данныхъ имъ обѣщаній въ такой же мѣрѣ, какъ необходимо ограниченный правомъ индивидъ или кооперация, такъ же подчиненная праву. Эти разсужденія имѣютъ въ виду указать, что если не признать, что право, или какъ выражается Теллинекъ нормы права существуютъ независимо отъ государства, и возникли независимо отъ государства, для государства обязательны, то трудно будетъ защищать ту точку зрѣнія, что право, созданное государствомъ, не можетъ быть имъ нарушено. Поэтому государствовѣды остановились на мысли о добровольномъ самоограниченіи государства.

На вопросъ о томъ, каково отношеніе государства и правотворчества, чтобы не сказать по-просту право, Теллинекъ не считаетъ возможнымъ отвѣтить раньше, какъ высказавшись на тотъ счетъ существуетъ ли право до государства или нѣтъ. Совершенно правильно и согласно съ позитивной социологической доктриной онъ отвѣчаетъ, что право есть по природѣ своей социальное явленіе и потому предполагаетъ для своего существованія человеческое общеніе. Слѣдовательно, Теллинекъ тѣмъ самымъ высказывается противъ ученія школы естественнаго права, которая, какъ это намъ уже извѣстно изъ вышеизложеннаго, полагаетъ, что право возникаетъ даже въ ту эпоху, когда человѣкъ живетъ одиноко, не въ обществѣ себѣ подобныхъ а на положеніи Робинзоновъ, и что изъ самаго понятія человѣка и человеческой личности вытекаетъ существованіе права, какъ величія разума. Ко всей этой метафизикѣ Теллинекъ относится безусловно отрицательно. Слѣдовательно правовыя нормы возникаютъ по Теллинеку въ социальной средѣ.

Неорганизованнаго общенія, продолжаетъ Теллинекъ, исторія не знаетъ, а потому и право, думаетъ Теллинекъ возникаетъ въ общеніи организованномъ. Далѣе Теллинекъ дѣлаетъ совершенно произвольное допущеніе, что всякое организованное общеніе, разъ оно не представляетъ собой религіозную организацію, есть государство. Съ такой точки зрѣнія необходимо признать, что и австралійскіе негрѣты составляютъ государство, что такихъ государствъ - великое множество на земномъ шарѣ, что у всѣхъ дикихъ народовъ имѣется государство, тогда какъ въ дѣйствительности у нихъ имѣются тотемистическіе союзы, общественныя группы, построенныя на началѣ материнской или отеческой власти, иногда переходящія въ роды. Съ точки зрѣнія, заглаваемой Теллинекомъ - что всякое организованное общеніе, если оно не религіозная организація, есть государство - только что указанныя общественныя группы являются государствомъ. Споръ съ Теллинекомъ въ концѣ концовъ можетъ свестись къ спору о словахъ. Онъ будетъ называть государствомъ то, что не заслуживаетъ названія государства, а мы будемъ называть общественныя союзы, основанныя на началѣ кровнаго родства, дѣйствительнаго или мнимаго, соответствующими терминами. Во всякомъ случаѣ важно то, что Теллинекъ, согласно съ данными сравнительной исторіи права и данными принятыми социологіей, не считаетъ возможнымъ зарожденіе права иначе, какъ въ общественной сре-

дѣ. Право и мораль не мыслимы при изолированномъ существованіи людей, такъ какъ регулируютъ ихъ общественныя отношенія .

Теллинекъ не считаетъ нужнымъ пойти далѣе и подняться выше въ объясненіи источника права и морали и видитъ его въ необходимости упроченія и дальнѣйшаго развитія того общежительнаго союза, среди котораго они зарождаются. Съ ростомъ государства творчество права все болѣе и болѣе переходитъ къ нему, такъ какъ оно имѣетъ тенденцію поглощать власть подчиненныхъ ему союзовъ. Въ рукахъ государства, пишетъ Теллинекъ, сосредоточивается, такимъ образомъ, регулированіе всего дѣйствующаго права." Теллинекъ послѣдовательно приходитъ къ тому заключенію, что право принимаемое въ предѣлахъ государства, или допущено было къ дальнѣйшему существованію или непосредственно создано государственной властью. Выяснивши, такимъ образомъ, источникъ права, Теллинекъ переходитъ къ развитію мысли, обособляющей его точку зрѣнія отъ ученія другихъ послѣдователей такъ называемой "положительной школы" Германіи, ученія связанности государства имъ же самимъ издаваемымъ правомъ.

"Посмотримъ сперва, говоритъ онъ, къ какимъ послѣдствіямъ приводитъ ученіе, признающее государство не связаннымъ и не могущимъ быть связаннымъ его правомъ.

Изъ этого ученія вытекаетъ, что то, что для подданнаго-будь то частное лицо или органъ государства, является правомъ, для самого государства не есть право. Иначе говоря, если мы смотримъ съ высоты государства въ низины права, мы находимъ лишь пустое мѣсто. Всякое право есть для государства не право, правовое ничто, чуждое и оставшееся чуждымъ ему самому, но навязываемое имъ его подданнымъ и такимъ образомъ возвышаемое для послѣдняго на степень права.

Подобное возрѣніе можетъ быть послѣдовательно проведено только на почвѣ строго теократическаго строя. Только **имъ** почитаемый, какъ божество монархъ въ состояніи возвыситься не подпадающія **ососнованію** и **измѣнчивыя** проявленія своей воли на степень **нормъ -повеленія**, долженствующей быть признаваемой всѣми, но не имъ самимъ. *")

Говоря это, Теллинекъ имѣлъ въ виду, что монархи не одной

*) Теллинекъ. Общее ученіе о государствѣ. Изд. 1903 г. стр. 239.

только Франціи, но и въ Англіи, упразднивши подчиненіе королевской власти власти папъ, перенесли на самихъ себя и всё права папъ. Этимъ только и объясняется почему англійскій король Генрихъ VIII счелъ возможнымъ создать цѣлое законодательство о государственной измѣнѣ, возникшее собственно говоря, еще со времени Эдуарда III. Въ современныхъ государствахъ государственной измѣной признается только передача врагу секретовъ, которые могутъ помочь этому врагу въ будущей войнѣ съ народомъ, къ которому принадлежитъ измѣнникъ. Поэтому невѣрно вопросы государственной измѣны понимались тогда, когда неправильно обвинили Дрейфуса за то, что онъ продалъ французскіе документы Германіи. Государственной измѣной считалось первоначально посягательство на жизнь короля или монарха. Постепенно понятіе государственной измѣны расширяется. Генрихъ VIII расширяетъ это понятіе тѣмъ, что признаетъ государственнымъ измѣнникомъ воинаго, кто не признаетъ законнымъ перобранъ съ Анной Болейнъ послѣ расторженія имъ своего законнаго брака съ Екатериной Аррагонской. Затѣмъ, когда онъ разсорился съ Анной Болейнъ, причемъ ссора приняла характеръ крайнѣ плачевный для послѣдней: Анна Болейнъ должна была сложить свою голову на эшафотѣ, Генрихъ VIII издаетъ новый законъ, въ которой государственной измѣной признается - считать законнымъ бракъ короля съ Анной Болейнъ. Кроме того, государственной измѣной считается непризнаніе законными дѣтьми короля дѣтей отъ брака съ Екатериной Аррагонской, и въ частности Елизаветы.

Очевидно, что такого рода возможность признать правомъ сегодня одно, а завтра другое, или признать государственной измѣной сегодня одно, а завтра совершенно обратное, показываетъ тѣ практическія послѣдствія, которыя вытекаютъ изъ несвязанности государства имъ же издаваемымъ правомъ. И Геллинекъ извиняетъ такое поведеніе въ тѣхъ государствахъ, которыя считаютъ себя парствомъ божіимъ на землѣ, теократіей. Устами папы говорить самъ богъ, потому всё производимыя ими измѣненія въ законахъ обязательны для подданныхъ. Непогрѣшимый папа считается источникомъ права.

Но необходимо замѣтить, что эта точка зрѣнія даже по отношенію къ теократіи, свѣтскому владычеству папъ, несправедлива. Дѣло въ томъ, что и такіе папы, какъ на примѣръ Александръ VI Борджіа не считалъ возможнымъ пользоваться всегъ непогрѣшимостью

для нарушенія права, сдѣланнаго его же предшественниками и ими же признаваемаго. Когда у Александра Борджиа оказалось много незаконныхъ дѣтей, то онъ искалъ для нихъ графскихъ и княжескихъ титуловъ на чужбинѣ, напрымѣръ въ Венедіи, а не въ папской области. Последняго онъ не имѣлъ права сдѣлать, считаясь съ правомъ своихъ предшественниковъ. Поэтому то онъ и находитъ невозможнымъ издать буллу о надѣленіи своихъ дѣтей княжескими титулами папской области.

По мнѣнію Теллинера только въ теократіи возможно послѣдовательное проведеніе начала свободы государства отъ какого нибудь самоограниченія.

«Но совершенно иначе дѣло обстоитъ тамъ, гдѣ дѣятельность государства регулируется прочными правовыми нормами, возникающими и подлежащими измѣненію только въ установленныя правомъ формы. Такая норма, прежде всего, обязательна для органовъ государства. Но съ тѣмъ вмѣстѣ является связанной и дѣятельность самого государства, — дѣятельность органовъ государства и есть сама государственная дѣятельность, другой дѣятельности государства, кромѣ осуществляемой черезъ посредство его органовъ, вовсе не существуетъ. Въ такой нормѣ заключается, съ другой стороны, гарантія для подданныхъ, что органы государства обязаны соблюдать ее; т.е. въ однохарактерныхъ случаяхъ будутъ примѣняемы однѣ и тѣ же нормы. «Боякая норма даетъ право ожидать, что ненарушимо будетъ примѣняться до тѣхъ поръ, пока не будетъ правомѣрнаго основанія къ ея отмѣнѣ. Стой увѣренностью въ ненарушимости правопорядка въ значительной мѣрѣ обусловливается необходимая для каждого отдѣльнаго лица возможность соображать свои дѣйствія и ихъ послѣдствія; она является необходимымъ условіемъ непрерывнаго культурнаго развитія, такъ какъ только она и создаетъ то социальное довѣріе, безъ котораго взаимныя отношенія между людьми были бы возможны лишь въ самыхъ элементарныхъ, зачаточныхъ формахъ».*)

*) Ibid. стр. 239.

Общее ученіе о государствѣ.
Изд. студ. Кассы Взаимопом.
Литографія Трофимова.

Проф. М.М. КОВАЛЬСКОГО.
СПБ. Политехн. Институтъ.
СПБ. Можайская 3.

Л. 5.

Составитель В. Трофимовъ

"Кто отвергаетъ эту связанность государства, пишетъ Теллинекъ, тотъ можетъ признать между подданными и государствомъ только отношенія, основанныя на силѣ, а не правоотношеніе".

Въ наши дни убѣжденіе въ связанности государства правомъ выступаетъ со всею возрастающей силой. Теллинекъ видитъ доказательство этого въ томъ, что въ настоящее время все болѣе и болѣе падаютъ убѣжденіе, будто бы всякій актъ высшей государственной власти потому самому правомѣренъ. Онъ иллюстрируетъ эту мысль примѣромъ изъ исторіи англійскаго законодательства, — bill'емъ of attainder. Суть дѣла въ немногихъ словахъ заключается въ слѣдующемъ. Въ Англіи на первыхъ порахъ существовала отвѣтственность министровъ только за незаконное поведение, т.е. существовала отвѣтственность судебная, а не политическая. Вы знаете, что политическая отвѣтственность министровъ преслѣдуетъ, главнымъ образомъ, ту цѣль, чтобы спасти страну отъ политики, которая въ глазахъ большинства палаты или палатъ кажется гибельной для государства. Министръ можетъ не нарушить ни одной буквы закона, а между тѣмъ своимъ поведеніемъ поставить государство, если не на край пропасти, то по меньшей мѣрѣ передъ необходимостью вести войну тогда, когда государство этой войны не желаетъ или не можетъ вести. Въ странѣ, гдѣ не существуетъ политической отвѣтственности министровъ, нельзя привлечь того или иного министра къ отвѣтственности за необдуманное и нецѣлесообразное поведение, разъ онъ не нарушилъ никакого закона. Между тѣмъ привлеченіе къ отвѣтственности имѣетъ только положить конецъ такой политикѣ и заставить министра выйти въ отставку. Англичане издавна считались съ этой необходимостью и обходили законъ тѣмъ, что въ понятіе дѣйствія преступнаго они включали и дѣйствія нецѣлесообразныя. Еще въ царствованіе Ричарда II поведение морского министра было признано преступнымъ на томъ основаніи, что онъ не позаботился достаточнымъ числомъ судовъ для охраны юго-восточнаго побережья Англіи; его привлекли къ судебной отвѣтственности, якобы за дѣйствія, заключающія въ себѣ нарушеніе закона, хотя никакого нарушенія закона не было.

Эта невозможность привлекать министровъ къ политической отвѣтственности заставила англичанъ въ эпоху столкновенія короля съ парламентомъ провести 10-го апрѣля 1640 года по инициативѣ Билла bill of attainder. Соединяя актъ законодательной власти съ актомъ власти судебной, вопреки правилу о томъ, что законъ обратной силы не имѣетъ, что одинъ органъ въ силу одного и того же

акта не может законодательствовать и судить, англичане преслѣдовали цѣль созданія политической ответственности министровъ, или, по крайней мѣрѣ, достиженія тѣхъ послѣдствій, какія даетъ принципъ политической ответственности.

Еъ первый разъ на практикѣ этотъ билль былъ примененъ къ лорду Страффорду, который хотѣлъ поднять власть англійскаго короля до власти короля французскаго. Средствомъ достиженія этой цѣли должно было послужить созданіе постоянной арміи, управленіе которой зависѣло бы только отъ короля. Дѣйствія эти не заключали въ себѣ характера преступленія, т.е. они не были нарушеніемъ закона, но послѣдствіемъ ихъ могло быть измѣненіе государственнаго строя Англій. Чтобы избавиться отъ лорда Страффорда въ палату обвиняемыхъ вносилъ билль, который его дѣйствія признаются преступными. Въ виду же преступности лордъ Страффордъ предается суду и судъ приговариваетъ его къ смертной казни, а королю Карлу I остается только примириться съ этимъ приговоромъ и подписать его.

Bill of attainder признавалъ, такимъ образомъ, наказуемость дѣйствій, ранѣе считавшихся допустимыми, и тѣмъ же актомъ при-суждалъ лицъ, произведшихъ ихъ, къ наказанію. Такая практика Bill of attainder продержалась нѣкоторое время въ Англій. И нужно сказать, что только со времени изданія билля противъ на-мѣстника Индіи, лорда Горренъ Гастингса, англичане ни разу не обращались къ Bill of attainder. Этотъ билль не былъ формально отмѣненъ, но неупотребленіе его на практикѣ извело многихъ уче-ныхъ на мысль объ его отмѣнѣ.

Тѣмъ обстоятельствомъ, что Bill of attainder вышелъ изъ упо-требленія въ Англій, Теллинекъ старается доказать ту мысль, что государство по мѣрѣ своего развитія все болѣе считаетъ себя свя-заннымъ законностью. Законность требуетъ отдѣленія законодатель-ной власти отъ судебной и не допускаетъ соединенія въ одномъ и томъ же актѣ дѣятельности законодательной и дѣятельности судеб-ной; она требуетъ признанія, что законы не имѣютъ обратной си-лы. Такъ какъ государство все болѣе проникается законностью и мыслью о самообязываньи, то потому то и прекращается примене-ніе Bill of attainder. Но Теллинекъ забываетъ то обстоятельство, что Bill of attainder применялся въ Англій до тѣхъ поръ, пока принципъ политической ответственности не былъ признанъ англій-скимъ конституціоннымъ правомъ, а такъ какъ въ настоящее время

политическая ответственность министров существует, то и нет необходимости обращаться къ Bill of attainder. Вотъ дѣйствительная причина, по которой англичане не обращаются къ практикѣ Bill of attainder, какъ не обращаются они и къ королевскому veto, въ которомъ при парламентарномъ образѣ правленія нѣтъ совершенно надобности.

Еще два слова, чтобы покончить съ этимъ разсужденіемъ Теллинека. Онъ полагааетъ, что ученіе о связности государства его правомъ сыграло значительную роль при созданіи органическихъ законовъ и конституцій различныхъ государствъ. Конституціи ставятъ предѣлъ всемогуществу государства путемъ гарантированія различныхъ правъ индивида. Гейдельбергскій профессоръ развиваетъ далѣе тотъ взглядъ, что всякое право заключаетъ въ себѣ рядомъ съ нормами, подпадающими измѣненію и такія, которыя безмолвно принимаются всеми соответственнo культурному уровню народа. Отмѣнить ихъ законодатель не имѣетъ силы. Онъ не имѣетъ реальной возможности признать, на примѣръ, ненаказуемымъ убійство. Съ точки зрѣнія Теллинека ни одинъ судъ не можетъ оправдать убійцу. Если бы принять, что государство даже не допускаетъ никакого самоограниченія, то представленіе о томъ, что убійство есть недопустимое дѣйствіе настолько вошло въ сознаніе культурнаго человечества, что нельзя представить себѣ государства, которое сочло бы поведеніе убійцы не подлежащимъ наказанію. Эта мысль, которую Теллинекъ излагаетъ такъ кратко, въ сущности нуждается въ дальнѣйшемъ развитіи.

Онъ говоритъ, далѣе, что изъ самоограниченности государства вытекаетъ прочность правовыхъ нормъ. Но это справедливо по отношенію къ однимъ государствамъ и несправедливо по отношенію къ другимъ. Англійскій парламентъ имѣетъ право издавать все законы въ одномъ и томъ же порядкѣ. Въ Англій для измѣненія законовъ не требуется ни совмѣстныхъ засѣданій обѣихъ палатъ, ни квалифицированного большинства и т.д., требуется только согласіе на это измѣненіе короля, лордовъ и палаты общинъ, согласія, выраженнаго простымъ большинствомъ. Если за отміну стараго закона или за изданіе новаго въ палатѣ лордовъ выскажется $1/2 + 1$ ея членовъ, въ палатѣ общинъ точно также $1/2 + 1$, и король тоже скажетъ за соответственное измѣненіе въ законодательствѣ, то эта отміна закона провѣла бы, а изданный такимъ посредкомъ законъ сдѣлался бы обязательной для всехъ нормой. Такой порядокъ изданія новаго закона или отміну стараго примѣняется одинаково, какъ къ правиламъ

объ охотѣ, такъ точно такой же порядокъ былъ бы примѣненъ и къ закону объ отиѣнѣ палаты лордовъ. Съ другой стороны, есть законодательства, въ которыхъ требуется особый порядокъ прохождения конституціонныхъ законовъ. Для того, чтобы произвести то или иное измѣненіе въ основныхъ законахъ, часто требуется совмѣстное засѣданіе обѣихъ палатъ, въ большинствѣ государствъ для этого требуется большинство въ двѣ-трети, а то и въ три-четверти голосовъ. Но есть и такія государства и конституціи, и къ нимъ, если вѣрять, Готскому альманаху, относится Россія, въ которыхъ, тѣмъ не менѣе, измѣненія въ органическихъ законахъ могутъ быть сдѣланы только монархомъ. Не такъ давно у насъ ставился вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли держаться такой практики, при которой составъ Государственнаго Совѣта можетъ въ сущности на половину измѣняться каждое 1-ое января, такъ какъ къ 1-ому январю каждого года составляются списки членовъ по назначенію, имѣющихъ право засѣдать въ Государственномъ Совѣтѣ. И уже были примѣры, что лица, попадавшія въ одинъ списокъ, на другой годъ въ него не попадаютъ, по всей вѣроятности потому, что не оправдываютъ надеждъ, возлагаемыхъ на нихъ верховнымъ правительствомъ. Нѣкоторые находятъ, что съ правовымъ порядкомъ такая подвластность Государственнаго Совѣта не примирима. И вотъ возникаетъ вопросъ, такой порядокъ назначенія Государственнаго Совѣта предусмотрѣнъ основными законами, или онъ предусматривается только, такъ называемыми Учрежденіями Государственнаго Совѣта. Если только послѣдними, то они и должны быть положены въ основу рѣшенія вопроса. Если же этотъ порядокъ предусмотрѣнъ основными законами, то рѣшить поставленный вопросъ можетъ только монархъ.

По мнѣнію Теллинека изъ понятія о добровольномъ самоограниченіи государства вытекаетъ самоограниченіе его въ формѣ конституціи. Отсюда то послѣдствіе, что Теллинекъ высказывается за такой порядокъ измѣненія основныхъ законовъ, который обставляется особыми требованіями, требованіемъ квалифицированнаго большинства, совмѣстнаго засѣданія обѣихъ палатъ или ихъ переизбранія.

давая общую оцѣнку ученія Теллинека по вопросу объ отношеніи права къ государству, должно сказать, что это ученіе отвѣчаетъ условіямъ современнаго культурнаго развитія, но что въ то же время оно является далеко не обоснованнымъ. Конечно, не въ однихъ только Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, гдѣ феде-

реальные суды призваны высказываться по вопросу о конституционности или неконституционности законов и запрещать их применение в последнем случае, является возможность практического проведения начала самоограничения государства. Английские юристы не прочь высказать тот взгляд, что суды отказались бы руководствоваться в своих решениях статутами, которые явно противоречат вѣками установившемуся земскому праву или такъ называемому common law. Но едва ли такой взгляд разделяется судьями континентальных государств, начиная с Франції и кончая Россіей.

Если признать самоограничение государства, то необходимо придется прийти къ заключенію, что творчество права есть скорѣе *primus desiderium*, чѣмъ реальный фактъ. Теллинекъ говоритъ, что государство творитъ право и казалось бы, что творецъ права можетъ и стѣснить его, но Теллинекъ съ этимъ не согласенъ. Можно сказать, что на практикѣ по отношенію къ конституціонному праву только въ одной странѣ приняты мѣры къ тому, чтобы вынудить со стороны государства ^{подчиненіе} имъ же создаваемому праву, именно въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки. Если бы конгрессъ издалъ законъ не согласный съ основными началами конституціи, идущій противъ принципа гражданского равенства, противъ принципа личной свободы и т.д., то лицо задѣтое этимъ закономъ или параграфомъ закона въ своихъ защищенныхъ интересахъ, интересахъ, которые находятъ себѣ признаніе въ законахъ, могло бы обратиться въ одинъ изъ федеральныхъ судовъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ и настаивать на томъ, чтобы законъ или параграфъ закона, нарушающій его гарантированные конституціей интересы, къ нему не былъ примененъ. Можно сказать, что искъ, который ведетъ въ данномъ случаѣ заинтересованное лицо, есть искъ противъ закона или нормы права. И федеральный трибуналъ можетъ сказать, что такой то параграфъ закона или весь законъ не будетъ примененъ въ данномъ случаѣ, такъ какъ онъ несогласенъ съ конституціей. Отсюда дальнѣйшія послѣдствія. если я былъ освобожденъ отъ применения ко мнѣ опредѣленнаго закона, какъ несогласнаго съ конституціей, то и любой американскій гражданинъ, къ которому применяется этотъ же законъ, можетъ поднять вопросъ о томъ, что онъ не желаетъ применения этого закона, онъ долженъ

сослаться только на разъ состоявшееся рѣшеніе и доказать, что его случай однохарактеренъ съ первымъ случаемъ.

Внѣ Америки нигдѣ не существуетъ судебного учрежденія, которое являлось бы блюстителемъ конституціонности законовъ. Но стремленіе къ этому всегда существовало. Въ эпоху аррагонской конституціи въ средніе вѣка верховный судья имѣлъ право объявлять не подлежащимъ исполненію тѣ или другія нормы, воигированныя уже законодательными учрежденіями Аррагоніи — кортесами, на томъ основаніи, что эти нормы несогласны съ записаннымъ обычнымъ правомъ Аррагоніи. Если яновъ изданный законъ шелъ наперекоръ этому обычному праву, получившему письменную запись, верховный судья постановлялъ такое же рѣшеніе, какое постановляетъ въ

время верховный федеральный трибуналъ въ Вашингтонѣ: такой законъ не будетъ примѣняемъ, такъ какъ онъ противорѣчитъ вѣками сложившемуся обычному праву. И это обычное право гарантировало, между прочимъ, и конституціонный строй Аррагоніи. Такимъ образомъ еще въ XIII и XIV вѣкахъ чувствовалась надобность охранять прочность государственнаго союза тѣмъ самымъ ограниченіемъ государственной власти, о которомъ говоритъ Теллинекъ.

Этому же самому запросу отвѣчали во Франціи права верховныхъ судебныхъ палатъ допускать къ примѣненію только тѣ нормы и считать ихъ общепризнанными, которыя были внесены въ ихъ протоколы. Французскіе парламенты могли протестовать противъ изданія того или иного закона и не вносить ихъ въ свои протоколы, представляя королю объясненія, что данный законъ противорѣчитъ другому закону или заключаетъ въ себѣ тѣ или инія неудобства (*droit de remontrances*). Но здѣсь этотъ протестъ, какъ извѣстно устранился безъ особаго труда со стороны короля. Устраивалось торжественное тронное засѣданіе парижскаго парламента, извѣстное подъ названіемъ „lit de justice“; король, окруженный перами парламента, высшими сановниками и придворными чинами, лично являлся въ „большую палату“ и приказывалъ исполнить высочайшую волю внести опротестованный законъ въ протоколы. Въ присутствіи короля члены парламента, какъ бы на время теряя принадлежащую имъ власть, источникомъ которой считался король, вынуждены были безусловно повиноваться. На этой почвѣ складывается во Франціи представленіе о верховныхъ судебныхъ палатахъ, какъ объ учрежденіяхъ, которыя заботятся о соблюденіи въ сохранности законовъ, которыя являются блюстителями законнаго порядка въ государствѣ.

Такая же точка зрѣнія была усвоена и нашимъ законодательствомъ. Почему у насъ именно сенатъ, а не государственный совѣтъ, публикуетъ законы? Да просто потому, что наше законодательство послѣдовало примѣру стараго французскаго порядка, по которому публикаціей законовъ являлось внесеніе ихъ въ протоколи верхняго судебного трибунала.

Теперь возникаетъ такой вопросъ. Спрашивается: имѣетъ ли какой нибудь судья въ Англіи, гдѣ парламентъ вноситъ измѣненія въ конституцію точно такимъ же порядкомъ, какъ и въ простыя законы, право не приводить въ исполненіе статута или законъ, если этотъ статутъ или законъ противорѣчитъ конституціи. Вопросъ далеко не столь простъ. Нѣтъ ни одной нормы, которая освобождала бы судью отъ необходимости примѣнять законъ. Но въ тоже время въ Англіи судья пользуется такой свободой при постановкѣ приговоровъ, имѣется такой слабый контроль за судейской совѣстью и такъ велико довѣріе къ суду, что совершенно основательно является теорія одного изъ самыхъ крупныхъ представителей судебного персонала въ Англіи знаменитаго комментатора англійскаго государственнаго права Стифена. Онъ утверждаетъ, что ни одинъ англійскій судья не станетъ исполнять закона, противорѣчащаго, напримѣръ, началамъ англійской свободы, если бы даже такой законъ и былъ проведенъ парламентомъ. Такъ какъ въ концѣ концовъ судья можетъ руководствоваться въ постановкѣ рѣшенія, какимъ ему, угодно закономъ, то онъ можетъ при постановкѣ этого рѣшенія и не руководствоваться закономъ, который кажется ему идущимъ въ разрѣзъ съ конституціей.

Я скажу, что такое толкованіе въ Англіи является общепризнаннымъ. Но оно во всякомъ случаѣ мало признается на континентѣ Европы. Но недавняя практика выяснила, что такой взглядъ не чуждъ и континентальнымъ судьямъ. Во Франціи не такъ давно былъ постановленъ приговоръ вопреки закону. Этотъ приговоръ былъ признанъ имѣющимъ силу, хотя и вызвалъ протестъ среди представителей общественной мысли. Судья одной изъ провинцій оправдалъ голландскаго челоука, укрывающаго булку изъ булочнаго, ославясь на то обстоятельство, что онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ неотложной необходимости. Вы знаете, что въ уголовномъ правѣ признается въ

числѣ обстоятельствъ уменьшавшихъ вину подсудимаго и часто оправдывающихъ его, неотложная необходимость. И подѣ понятіе неотложной необходимости подвѣлъ добрый судья поведеніе того челоука, который, проходя мимо оулочной ставиль бужку и съѣлъ ее. Это рѣшеніе вызвало во Франціи дѣлуу литературу, причемъ, какъ и всегда одни ученые высказывались за правильность этого приговора, другіе, напротивъ, указывали, что судья не имѣеть права постановлять приговоры, противорѣчающіе существующему законодательству. Вотъ можетъ быть единственный примѣръ изъ практики континентальныхъ судей, когда одинъ изъ нихъ позволилъ себѣ нарушить законъ. Есть и среди русскихъ юристовъ такіе, которые настаиваютъ на томъ, чтобы судья былъ свободенъ въ постановкѣ всѣхъ приговоровъ. Но нужно сказать, что эта проповѣдь не нашла поддержки въ русскомъ общественномъ мнѣніи. У насъ считается признаннымъ, что судья долженъ руководствоваться законами и толкованіями законовъ, которыя даются кассационными учрежденіями. Въ случаяхъ, довольно частыхъ, противорѣчивости этихъ послѣднихъ полагается примѣнять позднѣйшее толкованіе. И въ то время, какъ англійскій судья не сталъ бы руководствоваться этими кассационными толкованіями, русскій судья всецѣло признаетъ эти толкованія.

Такимъ образомъ, мы имѣемъ дѣло съ вопросомъ существенной важности, съ вопросомъ, отъ котораго зависитъ и прочность конституціи и прочность всего законодательства, съ вопросомъ о томъ, въ какой мѣрѣ судебная власть должна быть связана съ проведеніемъ начала добровольнаго самоограниченія государства правомъ. Я думаю, что въ этомъ отношеніи нельзя идти чересчуръ далеко и что за судебной властью должно быть признано олюстительство законовъ и конституціи, и, слѣдовательно, нужно предоставить суду возможность свободно постановлять свои приговоры.

Подводя итогъ всему сказанному по вопросу объ отношеніи между государствомъ и правомъ, я скажу слѣдующее. Изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что современныя государствовѣды такъ же раздѣлены по вопросу объ отношеніи государства и права, какъ и первые теоретики секуляризованной политики, какими можно считать въ XVII Роббса и Локка. Тогда какъ значительная часть современныхъ писателей особенно во Франціи и Англии считается приверженцами въ концѣ концовъ точки зрѣнія Локка о природенныхъ естественныхъ правахъ, свободѣ и собственности, которыя государство не можетъ не

признать, такъ какъ оно само и вызвано къ жизни необходимостью охранять эти предшествующія государству начала, — такъ называемая „полски-тельная“ школа Германіи повторяетъ за Роббсомъ ту мысль, что право создается государствомъ, которое можетъ, буде того пожела-етъ, связать имъ самого себя.

Только въ недавнее время стали высказываться ученія, одинаково далекія отъ этихъ взаимно исключавшихъ другъ друга точекъ зрѣнія. Ихъ отправной пунктъ — признаніе факта человѣческой солидарности, требованія которой становятся нормами права, проводимыми въ жизнь организованной силой общества — государствомъ, такъ же служащими осуществленію задачъ общественной солидарности и имѣвшимъ своихъ предшественниковъ въ цѣломъ рядѣ мелкихъ общественныхъ союзовъ, надѣленныхъ подобно ему принудительной силой. Дюги старается обосновать такую, можно сказать, социологическую теорію отношенія государства и права чисто дедуктив-нымъ путемъ. Я же нахожу возможнымъ опереть ту же мысль на данныя сравнительной исторіи права и сравнительной этнографіи, указывающія на связь обычаевъ съ требованіями упроченія и развитія тѣхъ обществъ, въ средѣ которыхъ они образуются.

Вы видите, такимъ образомъ, что по двумъ основнымъ вопро-самъ общаго государственнаго права, по вопросу о томъ,

что такое государство и по вопросу о томъ, каково отношеніе между правомъ и государствомъ, намъ приходится имѣть дѣло со споромъ, по крайней мѣрѣ, двухъ, а иногда и больше школъ, которыя никакъ не могутъ сойтись въ самомъ существенномъ, въ оп-редѣленіи природы государства и природы отношенія между правомъ и государствомъ. Если отъ этихъ основныхъ вопросовъ общаго го-сударственнаго права мы перейдемъ къ третьему вопросу о происхожде-ніи самого государства, то опять таки мы встрѣтимся съ цѣлымъ рядомъ противорѣчивыхъ другъ другу теорій. Обыкновенно профессора общаго государственнаго права считаютъ нужнымъ повторять всё эти теоріи и, пересмотрѣвъ ихъ одну за другой, находить въ нихъ зерно истины, а затѣмъ приступаютъ уже къ разсмотрѣнію вопроса по существу. Я избираю обратный путь. Я постараюсь показать Вамъ, что вопросъ о происхожденіи государства, прежде всего, не есть воп-росъ общаго государственнаго права, а есть вопросъ, рассмат-риваемый и разрѣшаемый при пользованіи методами сравнительно-исто-рическимъ и сравнительно-этнографическимъ. Этотъ вопросъ, под-нятый уже въ глубокой древности, въ значительной степени рѣшенъ или рѣшается тою наукою, которая называется социологіей и въ част-

ности социальной динамикой. Позднее сравнительно съ другими возникновение этой науки является причиной того, что вопросу о происхождении государства имѣлись самыя невѣроятныя, противорѣчащія другъ другу теории, теорія патриархальнаго происхожденія государства, теорія теократическаго происхожденія государства, договорная теорія происхожденія государства. Есѣ эти теории не имѣютъ для насъ никакого обязательнаго значенія. Я не вижу поэтому причины, почему бы должны на долго на нихъ остановиться на томъ основаніи, что такъ поступаютъ другіе профессора. Мы не послѣдуемъ за тѣмъ представителемъ одной изъ указанныхъ теорій, который, когда ему говорили, что положенія его доктрины противорѣчатъ фактамъ, отвѣчалъ: тѣмъ хуже для фактовъ. Такое отношеніе къ фактамъ реальной дѣйствительности не можетъ считаться допустимымъ. Если противъ нашей теории могутъ быть приведены тѣ или иные факты, и эти факты не могутъ быть устранены ссылкой на то, что они возникли въ случайныхъ условіяхъ и этими условіями объясняются, то мы необходимо должны пересмотрѣть наши выводы, отказаться отъ нихъ и поискать новыхъ, которые бы отвѣчали этимъ фактамъ. Факты для насъ обязательны и разсуждать несогласно съ фактами мы не можемъ, желая оставаться на научной почвѣ.

Въ ближайшихъ лекціяхъ я познакомлю Васъ съ тѣми выводами, къ которымъ приходитъ сравнительно-этнографическая и сравнительно-историческая литература по вопросу о происхожденіи государства. И когда мы познакоимся съ фактами сюда относящимися, намъ легче будетъ стнестись къ правильной оцѣнкѣ ходячихъ ученій о государствѣ, какъ продуктѣ авторитета, или о государствѣ, какъ продуктѣ завоеванія, или о государствѣ, порожденномъ Божіей волей, или о государствѣ, какъ дальнѣйшемъ продолженіи семьи, причемъ власть монарха является унаслѣдованной отъ патриарховъ Авраама, Исаака и Іакова.

ГЛАВА III.

ИСТОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ

ГОСУДАРСТВА.

§1.

Не такъ давно вышло въ свѣтъ сочиненіе Ф.Ф.Кокоркина „Русское государственное право“. Въ этомъ трудѣ авторъ тракту-
еть о различныхъ теоріяхъ по вопросу о происхожденіи государ-
ства. Къ моему немалому удивленію историческому происхожденію
государства отведены всего три страницы, но и въ этихъ страни-
цахъ ничего существеннаго не содержится, кромѣ развѣ такихъ
неопредѣленныхъ заявленій, что „возможно предпологать, что пер-
воначально государства возникаютъ въ интересахъ мѣстной защи-
ты“ и т.п. разсужденій. Между тѣмъ есть вопросъ въ настоящее
время можетъ считаться въ достаточной степени выясненнымъ, бла-
годаря трудамъ американскихъ и англійскихъ историковъ и этно-
графовъ. На первый взглядъ кажется довольно страннымъ, что
вопросы государственнаго права рѣшаются людьми, которые не имѣ-
ютъ близкаго знакомства съ юриспруденціей и работаютъ въ совер-
шенно другихъ областяхъ человѣческаго знанія. Но въ дѣйстви-
тельности этотъ вопросъ, если и подвергался въ послѣднее время
обработкѣ, то именно со стороны людей, которые орудовали гро-
маднымъ этнографическимъ матеріаломъ или же руководствовались
методами, такъ называемыхъ, пережитковъ, то есть изучали раз-
наго рода легенды, сказанія и другія памятники разныхъ временъ и,
составляя эти изслѣдованія съ этнографическими данными, ста-
рались доискаться истинѣ въ вопросѣ о происхожденіи государ-
ства. Пользуясь работами моихъ предшественниковъ, я написалъ
очеркъ о происхожденіи государства, причемъ пользовался срав-
нительно-историческимъ и сравнительно-этнографическимъ метода-
ми.

Я позволю себѣ, прежде чѣмъ разобрать ходячія теоріи о про-
исхожденіи государства, переисполненные обобщенія несогласныхъ

съ фактами, познакомить Васъ съ тѣми гипотезами, которыя основаны на дѣйствительномъ изученіи фактовъ, имѣвшихъ мѣсто въ исторіи человѣчества.

"Добровольнымъ рабствомъ, говорится въ анонимномъ сочиненіи, долгое время приписываемомъ Ля-Воэси, объясняется подчиненіе личности государству". Долгое время считали авторомъ этого трактата председателя суда Ля-Воэси. Послѣдній оставилъ намъ рядъ моральныхъ трактатовъ, которые ничего общаго съ трактатомъ о добровольномъ рабствѣ не имѣютъ. Напечатанъ этотъ трактатъ другомъ Ля-Воэси извѣстнымъ Монтанемъ, авторомъ знаменитыхъ "Опытовъ" - *Les essais*. - Этотъ трактатъ появился въ XVI вѣкѣ, когда занимался литературой и высказывать искреннія сужденія по вопросамъ государственной жизни довольно неповоодно было. Поэтому высказана догадка, что Монтань, названный авторомъ этого сочиненія покойнымъ президентомъ суда Ля-Воэси, можетъ быть только считался съ условіями, въ которыхъ ему приходилось писать и работать. Въ послѣднее время цѣлая литература вызвана желаніемъ опредѣлить, кто авторъ этого трактата, не безъ основанія считающагося первымъ анархистскимъ трактатомъ. Эта литература привела къ тому заключенію, что авторомъ этого замѣчательнаго сочиненія былъ самъ Монтань, который обнародовалъ его подъ именемъ своего умершаго друга, руководствуясь соображеніемъ, что съ покойниковъ взятки гладки. Вотъ почему въ дальнѣйшемъ я буду приписывать это сочиненіе его настоящему автору - Монтаню.

Въ добровольномъ рабствѣ, какъ бы ничтоженъ не былъ правитель, если бы имъ, по выраженію Монтаня, былъ не мужъ, а человѣчекъ - *homme* люди всегда слѣдуютъ велѣніямъ, изданнымъ его имеемъ и стѣсняющимъ ихъ свободу самоопредѣленія. Какъ бы бессмысленны и нелѣпы не были отданные имъ приказы, какъ бы не противорѣчили они убѣжденіямъ и совѣсти тѣхъ, на кого они направлены, послушаніе имъ будетъ общимъ правиломъ.

Какое заключеніе вправѣ мы сдѣлать изъ этого безспорнаго и общепризнаннаго факта - то ли, какое современникъ религіозныхъ войнъ и Барфоломесевской ночи выводилъ изъ него, говоря: "Перестаньте только повиноваться и вѣковое рабство падетъ само собой", или то, что въ психологіи всѣхъ существъ, призванныхъ къ общественной жизни, коренится неотразимый запросъ на руководство. Тѣ, кто высказывается въ первомъ смыслѣ,

сливать въ наши дни подъ наименованіемъ анархистовъ. Соціологическая доктрина происхожденія власти и государства относится откровенно къ ихъ ученію, такъ какъ связываетъ вопросъ о происхожденіи власти, съ болѣе общимъ, — о природѣ всякаго руководства вообще. Источникъ его она имеетъ въ психологіи человѣческихъ группъ и даже группъ животныхъ. Что руководство извѣстно всѣмъ этимъ группамъ, въ этомъ сходятся въ равной степени и изслѣдователи социальной жизни высшихъ породъ позвоночныхъ, и этнографы, наблюдавшіе или наблюдавшіе зарожденіе общественной жизни у наиболѣе отсталыхъ племенъ земного шара. Многимъ изъ Васъ, вѣроятно, извѣстно описаніе, какое Бремъ даетъ уже на первыхъ страницахъ I тома своей „Жизни животныхъ“ руководству, встрѣчаемому нами въ обществахъ обезьянъ. „Между ними, пишетъ онъ, самый сильный, самый старшій, или наиболѣе способный становится вожакомъ. Это положеніе присвоится ему не въ силу всеобщаго избранія, а послѣ упорной борьбы со всѣми претендующими на тотъ же постъ. Столкновеніе обеспечиваетъ побѣду тому, чьи зубы особенно длинны, и руки отличаются особой силой. Разъ добившись руководства, вождь требуетъ себѣ безусловнаго повиновенія“. Не у однихъ обезьянъ мы встрѣчаемся съ такимъ начальствомъ и съ такимъ способомъ, сказали бы мы, „добыванія стола“ силой и хитростью, за отсутствіемъ другихъ болѣе уважительныхъ мотивовъ. То же можетъ быть сказано, на примѣръ, о слонахъ, у которыхъ, по замѣчанію другого естествоиспытателя Топинара, наиболѣе благоразумный и бдительный обыкновенно является вождемъ: чаще всего это самецъ, но въ томъ же положеніи мы иногда встрѣчаемъ и самку. Руководящая роль его или ея исчезаетъ съ утратою отмѣченныхъ способностей, но пока они остаются налицо, онъ или она располагаютъ широкимъ авторитетомъ и могутъ рассчитывать на повиновеніе. Если отъ животнаго царства мы перейдемъ къ тѣмъ племенамъ, у которыхъ, благодаря условіямъ занимаемой ими мѣстности, не доставляющей достаточной пищи, не могли образоваться сколько нибудь численные союзы, къ племенамъ, которые живутъ, повсюду, разрозненными группами, въ нѣсколько паръ каждая, подчиняясь процессу, гдѣ медленнаго, а гдѣ и быстро, вымиранія, намъ и у нихъ придется отмѣтить наличность общаго руководства. Возьмемъ, на примѣръ, племя „Веддовъ“ на о. Цейлонѣ. По своей отсталости они могутъ быть поставлены только рядомъ съ

„Бушменами“ Африки, съ жителями огненной земли, съ „Ботокудами“ Бразиліи и съ Тасманійцами. Общественная дифференціалія почти не коснулась ихъ. У нихъ нѣтъ ни кастъ, ни рабства; нѣтъ у нихъ и постоянной осѣдлости. Они легко передвигаются въ погонѣ за пищей; и все же у нихъ есть, если не наследственный или пожизненный, то временный предводитель, власть котораго обыкновенно зависитъ отъ пожилого возраста, отъ его энергіи и ловкости. Между разрозненными группами нѣтъ еще такой связи, а потому отсутствуетъ и общій вождь, но каждая въ отдѣльности имѣетъ своего старѣйшину. У Ботокудовъ Бразиліи, Кину пришлось отмѣтить однохарактерныя черты. Правда, группы ихъ болѣе многочисленны, включаютъ въ себя отъ 10 до 12 семей каждая. Но это охотничье племя не знаетъ еще постоянной осѣдлости, хотя и владѣетъ своими охотничьими районами въ предѣлахъ, издавна установленныхъ и признаваемыхъ его сосѣдями. Всякое посягательство на эти районы со стороны другихъ однохарактерныхъ группъ подають поводъ къ междоусобіямъ, иногда рѣшаемымъ путемъ поединка. Тотъ, кто останется побѣдителемъ въ немъ и тѣмъ докажетъ свою силу и ловкость, нерѣдко становится вождемъ той группы, интересы которой онъ отстаивалъ. У Тасманійцевъ, по описанію Бонвика, также встрѣчается уже руководство, правда не наследственное, а временное, всецѣло зависящее отъ личныхъ качествъ того, кто имъ пользуется, отъ его исключительной ловкости въ охотѣ и храбрости, обнаруживаемой при защитѣ охотничьяго района группы. Бмтъ рѣдкаго племени изъ числа охотничьихъ изучены съ той обстоятельностью въ такихъ широкихъ размѣрахъ и съ такимъ проникновеніемъ во всея подробности ежедневной жизни, какъ бытъ австралійскихъ негритосовъ. Благодаря работамъ Гауча, а въ последнее время Спенсера и Гиллена, мы пріобрѣли возможность прослѣдить развитіе у нихъ различныхъ формъ руководства, болѣе или менѣе выработанныхъ въ точной зависимости отъ матеріальныхъ условій, позволяющихъ скопленіе большаго или меньшаго числа индивидовъ одной мѣстности, а потому и большую или меньшую численность состава отдѣльныхъ группъ. У Южныхъ и юго-восточныхъ племенъ, населяющихъ пустыни, руководство принадлежитъ обыкновенно старшимъ по возрасту и между ними наиболѣе популярнымъ, т.е. обеспечившимъ своей симпатіи преимуществами ума, силою и хитростью. Первенствующее значеніе ихъ

выступает въ томъ, что въ ихъ распоряженіи оказывается большее число женщинъ. Ловкость въ охотѣ, умѣнье говорить, храбрость, искусство и колдовство являются обычными условіями, обеспечивающими тому или другому лицу руководство всею группою. Оно, какъ общее правило, временное и охватываетъ собою только членовъ мѣстной группы, орды или тотема. Но какъ на единичные случаи можно указать на возникновеніе еще до прибытія европейцевъ поминутнаго главенства надъ нѣсколькими группами. Такъ у Діэри нѣкто Джалина постепенно захватилъ въ свои руки опредѣленіе времени и мѣста тѣхъ религиозныхъ церемоній, каія связаны съ производствомъ обрѣзанія *) и посвященія достигшихъ возмужалости подростковъ. На сотни миль въ окрестности его посланцы объявляли о томъ, когда онъ будетъ держать совѣтъ со стариками или устраивать общія пиршества, сопровождающія акты посвященія молодежи, а также прекращеніе войнъ съ сосѣдями.

Джалина отличался необыкновеннымъ ораторскимъ искусствомъ, вдумчивымъ отношеніемъ ко всему, что ему говорили, и широкимъ

*) П р и м ѣ ч а н і е . Со временъ работъ Спенсера и Гиллена выясненъ любопытный фактъ. То обрѣзаніе, которое мы привыкли считать исключительной особенностью евреевъ, встрѣчается у цѣлаго ряда народовъ. Оно распространено между австралійскими негритосами, которые, разумѣется, никакого отношенія къ моисееву закону не имѣютъ. Обрѣзаніе играетъ роль поворотнаго момента въ жизни негритоса, считается актомъ новаго крещенія. До обрѣзанія негритосъ никакихъ правъ не имѣетъ. Съ момента обрѣзанія онъ пріобрѣтаетъ право охоты, право присвоенія женщинъ, право обзаводиться семейнымъ очагомъ и др. Отъ вождя зависитъ опредѣлить мѣсто и время, гдѣ и когда будетъ совершенъ актъ обрѣзанія юношей негритосомъ, послѣ чего они пріобрѣтаютъ извѣстныя права. Понятно поэтому, какое громадное значеніе имѣетъ назначеніе мѣста и времени совершенія этого акта. Тотъ, отъ кого зависитъ это назначеніе, является лицомъ, захватившемъ руководство надъ всеми жителями данной мѣстности.

гостеприимствомъ. Благодаря этимъ качествамъ въ большей степени, чѣмъ благодаря физической силѣ, онъ сдѣлался главою не только своего тотема, но и дѣлаго ряда другихъ. Онъ періодически посѣщалъ различныя группы Діэри и періодически получалъ отъ нихъ подарки. Его руководство, длившееся въ теченіе всей его жизни, сказывалось въ держаніи совѣтовъ, въ разбирательствѣ споровъ и тяжобъ и нерѣдко въ актахъ колдовства.

У племень, поселенныхъ въ болѣе плодородной мѣстности, лучше орошаемой и располагающей поэтому большими пищевыми продуктами, мы встрѣчаемъ уже руководство цѣлымъ племенемъ и при томъ нерѣдко наследственное. Старѣйшій не только предсѣдательствуетъ на совѣтѣ стариковъ, но и играетъ первенствующую роль въ тѣхъ специальныхъ церемоніяхъ магическаго характера, которыя устраиваются съ цѣлью и въ надеждѣ размножить эту породу животныхъ или растений, которая доставляетъ главную пищу племени.*)

Такъ какъ эти племена были большей частью охотничьими, то тотъ звѣрь, который былъ наиболѣе распространенъ въ занимаемой ими мѣстности, составлялъ самый интересный предметъ ихъ жизни. Неудивительно, поэтому, если они избираютъ его своимъ покровителемъ, если постепенно складывается представленіе о такой тѣсной связи между этимъ звѣремъ и тѣмъ народомъ, который живетъ охотой на него, что самъ народъ считается происшедшимъ отъ этого звѣря. Отсюда культъ того или иного животного, культъ, который принимаетъ иногда форму очень матеріальную, а именно: если число звѣрей данной породы уменьшается, то возникаетъ обичай, по которому налагается запретъ на употребленіе въ пищу въ теченіе нѣкотораго времени мяса этого животного. Исключенія дѣлаются только для извѣстныхъ празднествъ, когда совершаются разнообразныя чудодѣйственные или кудесническіе акты съ цѣлью размноженія этого звѣря. Въ виду тѣснаго сошенія, какое существуетъ между этимъ звѣремъ и всѣмъ родомъ, всей той группой людей, которые принадлежатъ къ тотему этого звѣря, обозначаютъ себя его именемъ и придерживаются представленія о происхожденіи отъ этого звѣря, совершаются слѣдующія жертвоприношенія. Убивается извѣстное количество головъ данной породы звѣря; самому звѣрю под-

Общее ученіе о государствѣ.

Изд. Студ. Кассы Взаимопом.

Литографія Трофимова.

Проф. М. М. КОВАЛЕВСКАГО.

СПБ. Политехн. Институтъ.

СПБ. Мохайская Э.

*) Они извѣстны подъ названіемъ "литичіума".

носятся куски его собственной плоти, которая въ то же время вкушается всѣми членами его расширеннаго семейства. При этомъ имѣется представленіе, что группа входитъ въ тѣснѣйшее обменіе съ этимъ звѣремъ, что отъ этого тѣснаго обменія къ членамъ этой группы переходятъ всѣ свойства ихъ животнаго покровителя, какъ физическія, такъ и нравственныя, и что въ то же время благодаря этому акту жертвоприношенія принимаются мѣры къ размноженію этого звѣря. Вотъ въ общихъ чертахъ теорія тотемизма.

Въ тѣсной связи съ тотемизмомъ и со всякаго рода заклинаніями и дѣйствіями, примѣняемыми съ цѣлью размноженія звѣря и установленія тѣснаго обменія между нимъ и его тотемомъ, стоятъ развитіе власти старѣйшинъ. Старѣйшины всегда предсѣдательствуютъ на этихъ парадныхъ празднествахъ, изъ года въ годъ повторяющихся и ставящихъ своей задачей размноженіе почитаемаго звѣря. Размноженіе въ дѣйствительности не достигается, но чрезвычайно распространенымъ является представленіе о томъ, что путемъ вкушенія того или иного животного данной общественной группой, путемъ заклинаній и произнесенія сакраментальныхъ словъ должно достигаться размноженіе этого звѣря и должно совершаться перенесеніе его качествъ, духовныхъ и физическихъ, на вкушавшихъ.

Этой точкой зрѣнія можно многое объяснить въ быту дикарей, на примѣръ, убійство стариковъ. Нѣкоторые ученые дается такое грубое объясненіе этого факта. Говорятъ, что убійство стариковъ объясняется недостаткомъ въ пищѣ. Такъ смотритъ, между прочимъ, значительное число сторонниковъ историческаго матеріализма. Хотятъ его основатели К. Марксъ и Фр. Энгельсъ были очень далеки отъ такихъ грубыхъ объясненій. Изъ дѣйствительности стариковъ съѣдаютъ въ опредѣленный моментъ, когда только появляются признаки дряхлости, но дряхлость еще не наступила. Ихъ съѣдаютъ въ надеждѣ, что тѣ свойства, нравственныя и физическія, которыя были присущи старикамъ, перейдутъ и къ тѣмъ членамъ ихъ общественной группы, которые будутъ участвовать въ ирредствѣ, вызванномъ ихъ убійствомъ. Сами старики знаютъ, что они будутъ съѣдены своими ближайшими потомками и когда приближается время старости, они ждутъ этого момента въ увѣренности, что ихъ сила, ловкость и мужество перейдутъ къ потомкамъ. Души ихъ кормятъ ихъ потомки. Пока дѣло обстоитъ такъ, добрыя отношенія между душами умершихъ и живущими на землѣ не прекращаются. Но они могутъ и прекратиться, и тогда умершіе посылаютъ болѣзни и несчастье на голо-

въ своихъ потомковъ, пока эти послѣдніе не будутъ болѣе удовле-
творительно относиться къ исполненію своихъ обязанностей по отно-
шенію къ предкамъ.

Разбирательство тяжбъ, возникавшихъ въ средѣ племени также
составляють обычную функцію племеннаго старѣйшины. Хотя его власт
и является наследственной, но слѣды болѣе стариннаго порядка,
при которомъ онъ принадлежитъ только сильнѣйшему физически и
умственно, выступаютъ нерѣдко, напр., у племенъ, населяющихъ
западную часть колоніи „Евкторія“, въ томъ обстоятельствѣ, что
побѣдившій въ единоборствѣ младшій братъ унаследуетъ власть, кото-
рая должна была бы достаться старшему.

Если Вы хотите передать этотъ порядокъ болѣе отвѣтственнымъ
терминомъ, то здѣсь мы имѣемъ дѣло съ началомъ „добыванія сто-
ла“, о которомъ говорится у прсф. Сергѣевича въ его книгѣ „Князь
и вѣче“. Не одинъ только выборъ или призваніе обуславливали со-
бой переходъ стола изъ рукъ въ руки, но также и фактъ добыванія,
когда князь силой захватывалъ тотъ или иной княжескій престолъ.
Такое же явленіе имѣетъ мѣсто въ актѣ единоборчества. Актъ
единоборчества и рѣшается вопросъ, кому быть правителемъ: стар-
шему брату или младшему. Если побѣдитъ младшій, то онъ и дѣла-
ется правителемъ. Начало наследственности еще не упрочилось. Ес-
ли Вы вспомните, какую роль играли поединки между представите-
лями отдѣльныхъ общественныхъ группъ, то Вы поймете значеніе
этихъ данныхъ этнографическаго характера для выясненія вопроса
о происхожденіи государства.

Если мы спросимъ себя въ настоящее время, чѣмъ вызывает-
ся эта необходимость руководительства, проявлявшаяся, какъ вид-
но изъ сказаннаго, въ разнообразнѣйшихъ сферахъ жизни, то ед-
ва ли будетъ возможно дать ей иное объясненіе помимо психоло-
гическаго. Необходимость приспособляться къ новымъ обстоятель-
ствамъ, каковыя можетъ быть даже такой наипростѣйшій фактъ, какъ
рафинированіе племени и параллельное ему сокращеніе добычи, по-
лучаемой отъ охоты въ предѣлахъ прежняго района, очевидно тре-
буетъ затраты не одной мускульной, но и психической энергіи;
онъ необходимо предполагаетъ личность той степени изобрѣтатель-
ности: на которую неспособно большинство. Немудрено, поэтому,
если въ сказаніяхъ всѣхъ народовъ, въ томъ числѣ и только что
разсмотрѣнныхъ наиболѣе отсталыхъ племенъ земнаго шара, про-

исхождение старейшинства или руководства, принимающего форму постоянного учреждения, связывается съ памятью о какомъ нибудь новаторѣ, изобрѣтателѣ, кудесникѣ. Такъ у австралійцевъ ходитъ сказаніе о нѣкоемъ Окни - Рабатѣ, терминъ, означеній "великаго учителя" и доселѣ примѣняемый къ мудрѣйшимъ, наиболѣе посвященнымъ въ знаніе мѣстныхъ обычаевъ и способныхъ обучить имъ другихъ. Лица, именуемая такимъ образомъ, признаются въ сказаніяхъ древнѣйшими руководителями. Къ нимъ возводится установленіе извѣстныхъ обычаевъ, порядковъ, церемоній, ставяшихъ себѣ цѣлью или опредѣлить условія дозволеннаго сожитія съ тѣми, а не другими женщинами племени, или тѣ магическіе акты, которые должны быть совершаемы въ интересахъ размноженія племени. На нихъ возлагается избраніе особыхъ видовъ кудесничества, которые наиболѣе дѣйствительны для достиженія благопріятныхъ результатовъ. Однимъ изъ такихъ актовъ кудесничества является актъ, послѣдствіемъ котораго долженъ быть дождь. Вотъ лица, совершавшія эти акты, "дждепроизводители", выдѣляются изъ числа другихъ членовъ рода и нрѣдко добиваются руководства.

У американскихъ племенъ, какъ говоритъ лучшей знатокъ ихъ религіозныхъ вѣрованій, Бринтонъ, также имѣются сказанія о мифическихъ изобрѣтателяхъ обычаевъ и полезныхъ искусствъ, объ открывателяхъ питательныхъ свойственныхъ или другихъ растений и т.д. На островахъ Новой Британіи такому мифическому предку приписывается установленіе не только тѣхъ или другихъ добрыхъ обычаевъ и обрядовъ, но и порядки постройки домовъ, устройства различныхъ приспособленій для улова рыбы и т.д. Сопоставьте съ этимъ сказанія китайцевъ о Фуги, основателѣ ихъ имперіи и изобрѣтателѣ способовъ прирученія животныхъ, сѣтей для улова рыбы, наконецъ, самаго учрежденія брака. Это сказаніе въ послѣдней своей части довольно близко къ тому, какое афиняне сложили про Кекроуса, своего перваго короля.

Такимъ образомъ не одна физическая сила, но и умственная, духовная, необходимо предполагается въ тѣхъ, кто выдѣляясь изъ толпы, становится руководителемъ. Необходимость же подчиняться чужимъ указаніямъ и велѣніямъ обуславливается не только большей способностью опредѣленныхъ лицъ давать желательное направленіе общественнымъ процессамъ, но и естественнымъ, природен-

ными влеченіямъ большинства воздерживаться отъ той затраты умственной энергии, которая необходима для всякаго производительнаго почина. Одинъ американскій социологъ, Мемфордъ, справедливо указываетъ на то, какое эмоціонное разстройство вызываетъ въ большинствѣ индивидовъ необходимость въ виду новыхъ условій отказаться отъ старыхъ привычекъ, обычаевъ и учреждений. «Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ вспомнить, говоритъ онъ, панику, порождаемую физическими бѣдствіями. Замѣтательство въ мысляхъ, нерѣзительность въ дѣйствіяхъ и большая способность подчиняться внушенію, проявляется каждый разъ, когда обычные порядки ассоціаціи нарушаются введеніемъ новаго фактора. Въ такихъ условіяхъ чувствуется особый запросъ на чужую инициативу, чужое руководство, направленное къ достиженію новыхъ задачъ, необходимость которыхъ вызывается наступившею переменою. Въ каждой общественной группѣ найдутся люди, которые въ силу особыхъ свойствъ своего темперамента, большой ловкости и остроты ума, наконецъ, большого знанія, не теряютъ присутствія духа передъ хорошо сознаваемой ими опасностью новаго положенія и продолжаютъ за себя и за другихъ управлять общественными процессами, приспособляясь къ вновь возникшимъ условіямъ. Такие люди обыкновенно изобрѣтательны, смѣлы, отличаются даромъ предвидѣнія и выдержанностью - все - качество, которыхъ не встрѣчаются въ массахъ. Продолжительное вниманіе, концентрація его на извѣстныхъ предметахъ, необходимы для того, чтобы открыть новыя точки зрѣнія, давая выходъ изъ созданныхъ обстоятельствами затрудненій. Но это возможно только при наличности такихъ качествъ, какъ оригинальность, опытность, энергія, способность къ продолжительному усилію, - все свойства, которыя встрѣчаются только у меньшинства. Большинство же испытываетъ только одну крайнюю умственную усталость и упадокъ психической энергии отъ чрезмѣрнаго напряженія, а потому охотно идетъ за тѣми, кто дѣлаетъ для него такое напряженіе излишнимъ, приспособляется къ ихъ указаніямъ и воленіямъ, подчиняется ихъ воздействию. Выражаясь терминологіей Парда, масса заимствуетъ и подражаетъ, тогда какъ руководитель принадлежитъ починъ и изобрѣтенію.*)

*) См. The American Journal of Sociology за 1906г. „ The origins of leadership“ - Eben Mamford. Стр. 232 - 237.

§ 2.

Въ новѣйшее время сдѣлана была въ Англіи попытка выставить въ небомъ свѣтѣ вліяніе, какое на возникновеніе всякаго старѣйшинства и руководительства суждено было сыграть тому, что за отсутствіемъ положительнаго знанія заступило его мѣсто. Я разумѣю колдовство, или магію. Никто болѣе Фразера не содѣйствовалъ упроченію той вѣрной, на мой взглядъ точки зрѣнія, что магія стоитъ въ тѣснѣйшемъ отношеніи къ возникновенію древнѣйшихъ вѣрованій и къ происхожденію искусствъ, какъ пластическихъ, такъ и тоническихъ, въ частности музыки и поэзіи, наконецъ къ зарожденію духовнаго и свѣтскаго начальства. Въ главномъ своемъ трудѣ „Golden Lough“ (Золотой Лукъ) Фразеръ (Fraser) собралъ богатый матеріалъ для характеристики различныхъ формъ магіи, распространенныхъ на низшихъ ступеняхъ культуры. Въ числѣ задачъ, нерѣдко весьма практическаго характера, какія ставитъ себѣ магія или колдовство, мы находимъ и такія, какъ размноженіе пищи, вызваніе дождя, устраненіе враговъ съ помощью производства дѣйствій, довольно близкихъ по природѣ къ тому *envolement*, о которомъ еще недавно сообщалось въ французскихъ газетахъ. Чародѣемъ, вызывающимъ болѣзнь и смерть, можетъ сдѣлаться каждый, во власти котораго окажется предметъ, бывшій въ обладаніи его жертвы, такъ какъ широко распространено представленіе, что чародѣйство, произведенное надъ частью, отдѣлившейся отъ цѣлаго, сообщается и этому послѣднему. Отсюда обшераспространенное суевѣріе, доселѣ державшееся въ простонародьи, хотя бы наприимѣръ, у насъ, и которое извѣстно было еще древнимъ ассиріянамъ, суевѣріе, что волосы и ногти, разъ попадавшіе въ руки враговъ, могутъ сдѣлаться источникомъ бѣдствій для того, кому они принадлежали, а потому и должны быть истребляемы, зарываемы въ землю, сожигаемы огнемъ и т.д. и т.д. Противъ чародѣйства можно дѣйствовать чародѣйствомъ, какъ противъ яда — противоядіемъ. Необходимо только открыть источникъ, изъ котораго направилось зловерное теченіе, и обратить на него затѣмъ такое же магическое воздѣйствіе. Лѣченіе на первыхъ порахъ и сводится къ магіи, направляемой противъ того, чѣмъ колдовствомъ вызвана была болѣзнь или увѣчья.

Если вначалѣ чародѣйство, или колдовство, иначе магія, признается доступнымъ каждому, то со временемъ, по мѣрѣ развитія того

процесса дифференціації, въ которомъ Спенсеръ видѣлъ одно изъ проявленій поступательнаго движенія, или прогресса; *) извѣстныя люда, обладавшія высшимъ опытомъ, разумомъ или ловкостью, — качества, встрѣчаемыя не у однихъ только стариковъ, пріобрѣтають въ глазахъ сосѣдства значеніе преимущественныхъ агентовъ въ оборудованіи магической силой. Это — „шаманы" Сибири, „попи" шавовъ и хевсуръ, „волхвы" или чародѣи" русскаго сказочнаго эпоса и русскіихъ лѣтописей, „друиды" древнихъ кельтовъ и произошедшіе отъ нихъ, согласно догадкѣ Мена, „брегоны" древней Ирландіи. Мнѣ самому пришлось посѣтить народности, у которыхъ официальное христіанство, ни въ чемъ почти не проявляясь, оставляетъ широкій просторъ для дѣятельности всякаго рода колдуновъ. У хевсуровъ Шавовъ, Сванетовъ нашего Кавказа колдунъ сплестъ и рядомъ отдѣсняють на задній планъ рѣдко когда появляющихся священниковъ и сами попадаютъ въ положеніе, близкое къ жреческому. Факты подобнаго рода были болѣе или менѣе общимъ явленіемъ всюду, гдѣ при низкомъ уровнѣ культуры едва зачиналась дифференціація духовнаго сословія.

Новѣйшія изслѣдованія въ области этнографіи подтвердили ранѣе высказанную догадку, что кудесники и были первыми жрецами. Тайное знаніе всякаго рода „заговоровъ" и обрядностей, тщательно скрываемыхъ отъ постороннихъ и перелагаемое по наслѣдству, сдѣлалось однимъ изъ условій преемственности въ отправленіе жреческихъ функций и придавало характеръ замкнутого сословія, или касты, тѣмъ, кто бралъ на себя роль посредника между людьми и невидимыми силами, управлявшими ихъ судьбами. Такъ какъ жречество имѣетъ своимъ источникомъ кудесничество, и то же кудесничество заступало мѣсто медицинскаго искусства, то немудрено, если въ тѣсномъ общеніи съ жречествомъ стоитъ въ ранній періодъ культуры и лѣчебное дѣло, если одну касту съ жрецами составляли и лѣкаря. Такъ какъ, съ другой стороны, въ этой средѣ по характеру господствующихъ въ ней интересовъ всего естественнѣе должны были сохраняться всякаго рода легенды, заклинанія, магическія формулы, нерѣдко излагаемыя стихами съ цѣлью болѣе легкаго удержанія ихъ въ памяти, то немудрено, если опять таки, въ тѣсномъ общеніи съ жречествомъ стоитъ долгое время и та профессія, которую можно передать терминомъ „народнаго сказа-

*) Другимъ проявленіемъ, въ его глазахъ, являлась интеграція, т.е. все большая и большая концентрація однохарактерныхъ функций, иногда осуществлявшихся разными субъектами, въ одномъ.

тѣльства". Немудрено, если барды, раходы и т.д. выходятъ изъ тѣхъ же родовъ, что и всякаго рода заклинатели и жрецы. Положеніе кудесника - жреца, какъ посредника въ сношеніяхъ съ сверхъчужественными силами, руководящими судьбой живущихъ, облекало людей, предававшихся этой профессіи, такимъ почетомъ и уваженіемъ въ глазахъ ихъ соплеменниковъ, что послѣднимъ совершенно естественно было выбирать ихъ въ рѣшителей междуродовыхъ, а позднѣе и междусемейныхъ распрей. Память объ однажды постановленныхъ приговорахъ сохранялась между потомствомъ лицъ, ихъ произнесшихъ. Знаніе такихъ старинныхъ посредническихъ рѣшеній, нерѣдко тщательно скрывааемыхъ отъ постороннихъ, становилось источникомъ вліянія, причиной того, что къ обладателямъ такого знанія, а не къ кому другому прибѣгали за разбирательствомъ новыхъ тяжбъ, междуродовыхъ и междусемейныхъ столкновеній.

Тѣ немногія свѣдѣнія, какими мы располагаемъ на счетъ друидовъ Галліи, благодаря описаніямъ Цезаря, находятъ себѣ существенное восполненіе въ свидѣтельствахъ древнихъ ирландскихъ источниковъ о такъ называемыхъ брегонахъ. Брегоны - это посредники, примѣнявшіе старинныя рѣшенія, имъ однимъ извѣстныя, къ вновь возникавшимъ судебнымъ случаямъ. При замѣнѣ христіанствомъ язычества отъ кельтскаго жречества, отъ друидовъ сохранились одни переживанія его свѣтскихъ функцій, въ томъ числѣ и функцій судебно-посредническихъ.

Никто болѣе Мена не выяснилъ намъ дѣйствительную природу ирландскихъ брегоновъ, рѣшенія которыхъ составили обширную литературу юридическаго характера. Всѣ сборники древняго ирландскаго права являются ни болѣе ни менѣе, какъ сборниками рѣшеній этихъ древнихъ посредниковъ, брегоновъ, вышедшихъ изъ рядовъ жреческаго класса. Со временемъ къ дѣйствительнымъ постановленіямъ брегоновъ начинаютъ присоединяться многочисленныя категоріи, за одними комментаріями слѣдуютъ другіе, при чемъ одни комментаторы не понимаютъ своихъ предшественниковъ. Въ концѣ концовъ возникаетъ дѣлое трехъ или четырехъ этажное зданіе. Эти сборники переведены въ настоящее время на англійскій языкъ, и находятся въ рукахъ исследователей даннаго вопроса. Но разобраться въ нихъ можно только, отбросивъ всѣ комментаріи. Такъ началъ весті кнго Ментъ, а за нимъ и другіе исследователи.

На Кавказѣ мнѣ пришлось встрѣчаться съ зарожденіемъ чего то однохарактернаго. Въ Койсугѣ, плоскостной части Дагестана,

до водворенія нашего владычества уже зародилась государственная власть. Представитель государственной власти назывался удмия, т.е. судья, разбиратель тяжб. Когда мы пожелали узнать источники возникновения его власти, то этот источник был указан в сборнике судебных рѣшеній, который был составлен одним из предков удмѣльскаго рода, нѣкимъ Рустемъ-Ханомъ, который слылъ мудрѣйшимъ из жителей Койтага и оставил сборникъ судебных рѣшеній, который хранился какъ тайна въ потомствѣ Рустемъ-Хана. Эта тайна сказывается уже въ самомъ заголовкѣ сборника. Онъ начинается словами: „Кто умѣетъ хранить языкъ за зубами, голова того будетъ пѣла“. Такъ какъ единственными обладателями этого сборника были потомки Рустемъ-Хана, то рѣшено было выбирать старѣйшинъ изъ среды его семьи, его династии для того, чтобы воспользоваться благотвѣніями отъ примѣненія старинныхъ рѣшеній. Если бы вспомните о той роли, какую судьи сыграли въ зарожденіи еврейскаго государства, то Вамъ станетъ понятнымъ, что происхождение не только духовной, но и свѣтской власти, стоитъ въ тѣсной связи съ колдовствомъ, чародѣйствомъ, со значеніемъ судебныхъ рѣшеній.

Но рядомъ съ брегонами — посредниками мы встрѣчаемъ и родственную имъ группу брегоновъ — бардовъ, или пѣвцовъ, обладающихъ знаніемъ того, что можно назвать народнымъ эпосомъ, сказаніями, легендами о болѣе или менѣе мифическихъ герояхъ ирландскаго прошлаго. Выводы этнографіи встрѣчаются такимъ образомъ съ данными древнѣйшихъ литературныхъ и юридическихъ памятниковъ и укореняютъ въ нашемъ умѣ представленіе, что рано накопленное знаніе, разумѣется, не законовъ природы, а той суммы суевѣрій и обрядностей, въ которой при нѣскомъ уровнѣ культуры, ищутъ средствъ воздействия на природу и людей, было однимъ изъ важнѣйшихъ факторовъ въ образованіи того, что можно назвать духовнымъ сословіемъ, или духовной кастой. Оно предшествовало возникновенію свѣтской аристократіи, такъ какъ въ періодъ архаическаго коммунизма не было условій, благоприятныхъ накопленію. Последнее имѣетъ необходимымъ результатомъ увеличеніе суммы возможныхъ воздействій однихъ людей на другихъ, суммы ихъ вліянія, стѣ большаго или меньшаго размѣра которой зависитъ и степень самого ихъ руководительства, въ сферѣ свѣтскихъ интересовъ. Несомнѣнно, что съ момента начала накопленія, которое, какъ мы сказали, не могло развиваться у первобытныхъ охотниковъ и рыболововъ ранѣ изобрѣтенія ими спо-

соба добывать огонь и сохранять съ его помощью пищевые продукты, появляется и зародки того сословія, за которыми будет признано руководительство простымъ людямъ въ свѣтскихъ дѣлахъ. Съ переходомъ къ скотоводству и земледѣлію обстоятельства складываются благопріятнѣе для его роста. Размноженіе стада даетъ возможность владѣющимъ имъ семьямъ ставить въ экономическую зависимость отъ себя лицъ неимущихъ. Не случайностью объясняется поэтому тотъ фактъ, что у древнихъ ирландцевъ дворянствомъ считались такъ называемые **бозире**, т.е. владѣльцы коровъ, ссужаемыхъ лицамъ неимущимъ, которыя взаимно принимали по отношенію къ своимъ „олагодѣтелямъ“ тѣ или другія служебныя обязанности. Въ связи съ сказаннымъ не лишено значенія, что и римскій терминъ „rescua“ происходитъ отъ того же корня, что и „rescus“ — скоть, и что въ названіи „феода“ — составною частью входитъ понятіе скота „фе“, т.е. „Vieh“. Очень характерно также то названіе, подъ которымъ въ Испаніи долгое время извѣстны были члены высшаго дворянства — ричъ именовали „ricos hombres“ — богатые люди, чѣмъ прямо указывалось на захиточность, какъ на ближайшій источникъ выдѣленія ихъ изъ массы населенія. Исслѣдованія, сдѣланныя нашими историками права, и никѣмъ въ большей степени, чѣмъ проф. Сергѣевичемъ, привели къ тому заключенію, что и бояринъ — прежде всего человекъ захиточный.

§ 3.

Если, такимъ образомъ, возникновеніе того, что привлекли называть общественной дифференціаціей, обуславливается накопленіемъ умственнаго и матеріальнаго достатка или запаса, что бы не сказать капитала, то самъ собою возникаетъ вопросъ, нельзя ли въ томъ же фактѣ видѣть и источникъ развитія власти племенного старѣшины, или князя. Немногія свидѣтельства древнихъ писателей, восполняемыхъ показаніями народнаго эпоса и раннихъ памятниковъ письменности и права, какъ будто направляютъ нашу мысль въ сторону скорѣе личной доблести, какъ ближайшаго фактора княжеской власти, нежели въ сторону накопленія знанія, практическаго опыта и матеріальныхъ сокровищъ. Въ охотничьемъ быту вѣтъ, какъ мы уже сказали, благопріятныхъ условій для накопленія. Немудрено поэтому, если среди австралійскихъ племенъ, все еще живущихъ по

преимуществу охотой, старшинство не стоит ни въ какомъ опредѣленномъ отношеніи къ накопленію имущества. Старшины, или лица преклоннаго возраста, или лица, обнаружившія исключительныя качества хорошихъ охотниковъ, борцовъ, ораторовъ, кудесниковъ, врачей-лѣей, вызывателей дождя, знатоковъ обычаевъ и преданій.*)

Болѣе или менѣе тѣми же условіями опредѣляется существованіе старшинскихъ функцій между краснокожими племенами центральной части Сѣв. Америки, такъ, напримѣръ, у племенъ *Ciu*. Но у сѣверо-западныхъ племенъ, въ томъ числѣ у *Тлинкитовъ*, которымъ извѣстно рабство и у которыхъ къ первообтнннмъ промысламъ присоединяется ремесленная и торговая дѣятельность, однимъ изъ обычныхъ условій для того, чтобы сдѣлаться старшиной, является накопленіе имущества, въ частности запасовъ пищи. Оно дѣлаетъ возможнымъ устройство цѣршествъ и раздачу подарковъ, чѣмъ въ свою очередь поддерживается и расширяется вліяніе захиточныхъ. Владѣніе большимъ числомъ рабовъ, по показаніямъ Краузе, такъ, позволяетъ тому или другому *Тлинкиту* не только занять положеніе старшины, но и сдѣлать это званіе наследственнымъ, обыкновенно, въ материнской линіи. Старшинство переходитъ въ томъ же порядкѣ, что и собственность, т.е. запасы и рабы. **)

Основатели греческихъ королевствъ - легендарные герои, или полубоги, въ родѣ *Тезея*, освободителя Атики отъ населявшихъ ее разбойниковъ. Древніе германцы по свидѣтельству *Тацита*, избираютъ своихъ герцоговъ, т.е. военачальниковъ, за ихъ доблесть - „*Duces ex virtute sumunt*“. Первые правители на Руси - пришлые князья, стояшіе во главѣ военныхъ бандъ или дружинъ. Кельтискіе роды объединяются на время войны подъ начальствомъ избраннаго за его доблесть „вергобрета“.

Но на ряду съ этими фактами этнографы указываютъ намъ и на другіе совершенно иного порядка. Греческій „*basileus*“, или король, въ то же время исполняетъ и жреческія функціи; по свидѣтельству *Аристотелевой „политики“*, короли древней Греціи стояли въ тѣсномъ отношеніи къ сохраненію вѣчнаго огня на городскомъ очагѣ. *Фразеръ (Fraser)* въ своихъ недавнихъ лекціяхъ по „Ранней исторіи королевской власти“ собралъ немало данныхъ, указывающихъ, что и въ *Митленгахъ*, и въ *Хіосѣ*, и на островѣ *Косѣ*, король и городской очагъ приводились постоянно въ тѣсную связь между собою. Совершенно однохарактерная данная извѣстна намъ изъ быта нѣкото-

*) См. „Американскій журналъ социологій“ за 1907 г. Январь, стр. 504 (***) См. стр. 92)

рых племенъ Южной Африки. Такъ, у племени Матабелей король въ то же время верховный жрецъ. Онъ возноситъ молитвы не только душамъ своихъ предковъ, но и собственному своему духу, такъ какъ считается происходящимъ отъ божества. Точно также короли Спарты почитались потомствомъ Зевса и совершали жреческія функціи при жертвоприношеніяхъ въ его честь.

Еще болѣе раннюю ступень представляютъ въ исторіи развитія княжеской власти тѣ племенные старѣйшины, которые, начиная съ австралійскихъ дикостей и восходя до негритянскихъ племенъ внутренней Африки, вмѣстѣ съ тѣмъ являются знаменитыми чародѣями, слышатъ за лицъ, способныхъ вызвать своими заклинаніями и символическими дѣйствіями наступленіе ливня или исцѣлить болящаго раскрытіемъ дѣйствительнаго виновника постигшей его напасти, того скрытаго врага, который своимъ чародѣйствомъ обусловилъ его заболѣваніе. У южныхъ племенъ Австраліи, въ томъ числѣ у племени Вираджури, старѣйшиною является кудесникъ или лѣкаръ. Онъ собираетъ народъ для совершенія тѣхъ обрядовыхъ актовъ, которые связаны съ наступленіемъ періода половой жизни и съ нимъ уже разсматриваетъ вопросы, касающіеся управленія.*) У Ліари племенной начальникъ былъ не только славнымъ воиномъ, но и могущественнымъ кудесникомъ-лѣкаремъ. У жителей Меланезіи власть старѣйшинъ, по показаніямъ Кондрилтона, стоитъ въ прямой связи съ представленіемъ объ ихъ тѣсномъ общеніи съ тѣнями покойниковъ и о возможности воздѣйствовать на нихъ въ направленіи благопріятномъ для интересовъ племени. На Новыхъ Гебридахъ племенное старѣйшинство переходитъ отъ отца къ сыну потому, что имѣется представленіе объ унаслѣдованіи послѣднимъ знанія магическихъ заклинаній и пѣсней, а также обладаніе тѣми амулетами, которые даютъ доступъ къ неземнымъ силамъ. У Барого, племени Восточной Африки, живущаго въ предѣлахъ германскихъ владѣній, власть старѣйшинъ зависитъ отъ приписываемой имъ способности вызывать дождь. У Массавъ англійской Уганды верховнымъ вождемъ является кудесникъ-лѣкаръ.**)

Я не стану приводить массу данныхъ изъ быта разнообразнѣйшихъ народовъ земного шара, которые собраны Фразеромъ, съ цѣлью доказать тѣсную связь, въ какой старѣйшинство стоитъ съ представле-

*) Lectures on the early of the Kingship. стр. 108.

**) Ibid. стр. 112 - 113.

(**) къ стр. 91. См. Ibid. стр. 513.

ніемъ, что лицо, къ нему призваннсе, обладаетъ условіями, необходимыми для производства магическихъ воздѣйствій. Нерѣдко основаніемъ къ такому предположенію является обладаніе старѣйшиной известными чародѣйственными амулетами и талисманами. Вотъ почему, у многихъ малайскихъ племенъ, изученныхъ Скитомъ, въ случаѣ возстанія противъ старѣйшины мятежники прежде всего озабочены мыслью о томъ, какъ бы заватить эти талисманы. „Подобно тому, какъ евреи, говоритъ Фразеръ, носили съ собою ковчегъ Завета, такъ точно племенной старѣйшина, идя на войну, уноситъ съ собою эти своего рода регалии, ожидая отъ нихъ магическаго вліянія побѣды надъ непріателемъ“.*) Нѣчто подобное такимъ регалиямъ представляютъ знамена во власти нѣкоторыхъ шотландскихъ клановыхъ старѣйшинъ. Съ тѣмъ, которымъ владѣли Маклесды, связано было представленіе о чудодѣйственной силѣ. Она сказывалась между прочимъ въ томъ, что стоило его развернуть, чтобы вызвать обильный урожай картофеля.**)

Переживаніемъ того отдаленнаго періода, когда племенной старѣйшина являлся вмѣстѣ съ тѣмъ и чародѣемъ, можно считать удержавшееся не только въ средніе вѣка, но и еще въ XVII столѣтіи представленіе, что король однимъ только возложеніемъ рукъ, однимъ прикосновеніемъ, можетъ исцѣлить нѣкоторыя болѣзни, напр., золотуху и свинку. Людовикъ Святой лѣчилъ отъ послѣдней, настаивая на томъ, что онъ унаслѣдовалъ эту чудодѣйственную силу отъ Хлодвига, а англійскіе же короли изъ династіи Стюартовъ производили свою магическую силу врачеванія отъ Эдуарда Исповѣдника. Карлъ I незадолго до своей казни еще возлагалъ руки на золотушныхъ, и свидѣтелемъ такого же лѣченія ихъ Карломъ I былъ известный авторъ „Мемуаровъ“ Пэппи. Докторъ Джонсонъ, біографія котораго, составленная Босвилемъ, принадлежитъ къ числу наиболѣе читаемыхъ въ Англіи книгъ, въ дѣтствѣ своемъ лѣчимъ былъ отъ золотухи королевой Анной, приложившей къ нему съ этой цѣлью свою руку.***)

На ряду съ фактами, указывающими на то, что обладаніе своего рода умственнымъ капиталомъ, все содержаніе котораго исчерпывается

*) Ibid. Стр. 121.

***) Ibid. Стр. 125.

****) См. Ibid. Стр. 126 - 27.

нерѣдко чародѣйствомъ, открываетъ путь къ верховной власти или служить зрѣдствомъ къ ея сохраненію въ рукахъ потомства, можно указать на такія дѣянія, какъ упроченіе за нисходящими знаменитаго своею мудростью судьи - посредника старѣйшинской власти. Примѣръ этому мы находимъ въ нашемъ Закавказьѣ. Семья знаменитаго судьи - посредника (Уцмія) хранила въ тайнѣ, какъ драгоценное наследіе, постановленныя имъ рѣшенія. Самый сводъ ихъ начинался словами: „Кто умѣетъ хранить языкъ за зубами, голова того будетъ цѣла“. Фактъ, о которомъ я говорю, восходитъ не далѣе, какъ къ серединѣ XVII столѣтія и имѣлъ мѣсто въ плоскостной части Дагестана, въ такъ называемомъ Койтагѣ.

Изъ всего сказаннаго, какъ мнѣ кажется, не трудно вывести то заключеніе, что вопросъ о добровольномъ рабствѣ, поставленный еще Монтенемъ, рѣшается современной социологіей въ томъ смыслѣ, что источникъ его надо видѣть въ психической преградѣ чловѣка, въ преобладаніи въ ней чувства надъ разумомъ, въ естественномъ отраженіи къ напряженію мыслительныхъ способностей, въ происхожденіи отсюда склонности держаться стараго, все равно суевѣрія или обычая, въ предпочтеніи пассивнаго воспріятія самостоятельному творчеству. Отсюда готовность подчиняться чужому руководительству тѣхъ, кто признается обладателемъ большей физической или психической энергіи. Эта послѣдняя выступаетъ въ совершаемыхъ имъ актахъ магіи или чародѣйства, направленныхъ на благо членовъ одного съ нимъ рода или племени. Она сдвигается также къ военной храбрости или доблести (Virtus), затрачиваемой на пользу тѣхъ, кто подчиняется руководительству. Не въ какомъ-то, никогда не имѣвшемъ мѣста договорѣ народа съ избраннѣйшимъ имъ вождемъ надо поэтому искать источникъ возникновенія власти и государства, по примѣру писателей XVII и XVIII вѣковъ, а въ психическомъ воздѣйствіи личностей, способныхъ къ инициативѣ, къ творчеству, на массы, неспособныя ни къ чему иному, какъ къ подчиненію своей дѣятельности чужому примѣру, чужому руководительству. Общераспространенная легенда о полубогахъ, или герояхъ, какъ основателяхъ государственнаго общежитія, заключаетъ въ себѣ такимъ образомъ нѣкоторую долю истины, а это значитъ въ концѣ концовъ, что и въ дѣлѣ созданія государства, какъ и въ области религіи, искусства или права, инициаторами являлись изобрѣтатели, лица способныя затратить избытокъ своей физической и умственной силы, нерѣдко

также взаѣмнѣ послѣдней, одной только фантазіи и хитрости, на дѣйствительное или мнимое служеніе пассивной массѣ, способной только къ воспріятію, т.е. другими словами, къ однимъ полужизненнымъ процессамъ.

Выдающаяся личность является, такимъ образомъ, творцомъ государства не въ силу выбора, не на основаніи договора съ подвластными, а благодаря тому *могучему* вліянію, какое ей удается оказать на ищущую чужого руководства толпу. Личность собираетъ вокругъ себя дотолѣ разрозненные и нерѣдко враждующіе между собой роды и племена, расширяетъ тѣмъ самымъ предѣлы той замиренной среды, въ которой нетерпимо кровное возмездіе, направляетъ совокупныя усилія всѣхъ на отстаиваніе независимости родины, принимая на себя съ этой цѣлью руководство вышними предпріятіями и отраженіе всякихъ нападений извнѣ. Въ то же время она распространяетъ на всѣхъ подвластныхъ мирѣ, какимъ пользуется ея собственный очагъ, и который раздѣляютъ съ нимъ все члены его семьи и рода. Мѣсто кровнаго возмездія, осуществляемого родственниками жертвы, занимаетъ отнынѣ насильственное удаленіе преступника изъ замиренной и имѣ обезпеченной среды, границы которой начинаютъ совпадать съ границами вновь возникшихъ государствъ. Идея кровнаго возмездія смѣняется идеей наказанія, въ которой разрушеніе жилища виновнаго, то что извѣстно древнему русскому праву подъ названіемъ „потока и разграбленія“, предшествуетъ по времени общимъ или частичнымъ конфискаціямъ (штрафамъ) и имѣетъ цѣлью побудить виновнаго къ выселенію.

Замѣйте, что объективно разрушаютъ жилище лица, нарушившаго миръ въ предѣлахъ сперва того района, на который распространяется власть племеннаго старѣйшины, а затѣмъ всего района, совпадающаго съ границами всего государства, которое пользуется благодѣяніями королевскаго мира. Рассматриваемое явленіе чрезвычайно распространено. Оно встрѣчается въ древнемъ германскомъ правѣ. Лицо, оскорбившее родъ насильственнымъ актомъ, направленнымъ противъ родственника, получаетъ названіе *vargus'a*. Нѣмцы разрушаютъ жилища этихъ лицъ, послѣ чего они бродятъ по окрестностямъ, какъ голодные волки, нигдѣ не находя пристанища до того момента, когда они будутъ усыновлены другимъ родомъ. Вы знаете, что историки русскаго права болѣе ранняго періода остановились на той мысли, что русскіе язгои очень близки по своей природѣ къ германскому *vargus'u*. Эти лица не имѣютъ ни рода, ни племени до

тѣхъ поръ, пока не будутъ приняты какой нибудь общественной группой въ свою среду. Конечно, кавказское абречество тоже относится къ этой категоріи явленій. Абрекъ это - нарушитель мира въ родственной средѣ. Путемъ разрушенія его жилища его заставляютъ покинуть ту общественную среду, въ которой онъ родился и выросъ. Такимъ образомъ съ возникновеніемъ старѣйшинства, возникаетъ представленіе о распространеніи имъ того мира, которымъ пользуется близкая ему родственная среда и на всю ту территорію, которая подпадаетъ подъ его власть.

Мы могли бы прослѣдить постепенно развитіе этого королевскаго мира въ исторіи права любого изъ новыхъ европейскихъ народовъ. Но, быть можетъ, ни у кого онъ не выступаетъ съ такой наглядностью какъ у англичанъ. Вотъ почему въ первой своей работѣ „Возникновеніе мѣстнаго самоуправленія въ Англіи“, я посвятилъ цѣлую главу вопросу о развитіи королевскаго мира.

Разминая свои мысли въ нѣсколькихъ словахъ, я долженъ сказать слѣдующее: въ данныхъ этнографіи мы находимъ наглядное подтвержденіе того, что государственные порядки зарождаются у племенъ, выходящихъ изъ условій родового быта.

Германскій конунгъ и славявскій князь не только стоятъ во главе войска, но и держатъ при себѣ отрядъ добровольцевъ, такъ называемую дружину, германскій *Geleit* или *comitatus*. Они въ то же время обезпечиваютъ внутреннее спокойствіе постепеннымъ расширеніемъ же извѣстныхъ лицъ той специальной охраны, какой пользуется ихъ собственная резиденція, ихъ дворъ или очагъ и всѣ тѣ, кто приходилъ съ ними въ постоянное и даже временное общеніе. Характерный примѣръ въ этомъ отношеніи представляетъ намъ Англія въ эпоху первоначальнаго образованія тѣхъ небольшихъ княжествъ, соединеніе которыхъ сперва въ семи-княжіе, а затѣмъ въ единокняжіе и положило начало англійскому государству. Въ древнѣйшихъ законахъ саксовъ Англіи мы находимъ еще слѣды родовыхъ порядковъ и связаннаго съ ними преслѣдованія преступника кровнымъ родственникомъ жертвы. Убийство самого правителя ведетъ къ уплатѣ голвенничества или выкупа его роду. Объ этомъ говорится еще въ томъ памятникѣ, который извѣстенъ подъ именемъ законовъ короля Енн. Но въ позднѣйшихъ по времени законахъ не только королевская резиденція пользуется охраной особаго мира, нарушеніе котораго сопровождается уже наказаніемъ, а не родовымъ возмездіемъ, но тотъ же миръ распространяется на всѣхъ, кто временно поставленъ въ вѣвов-

87

возможность рассчитывать на заступничество своего рода или по характеру своей профессии не может прибегать къ нему: на странствующих и путешествующих столько же, сколько же и на духовныхъ. Отсюда миръ, которымъ пользуются дороги и храмы. Послѣдніе поставлены подъ защиту не одного церковнаго, но и королевскаго мира. Король беретъ подъ свое покровительство всѣхъ безродныхъ, а потому иностранцевъ, пребывающихъ въ предѣлахъ его государства, а также вдовъ и сиротъ. Въ концѣ концовъ миръ королевскій получаетъ такое широкое распространеніе, что сливается съ земскимъ миромъ. Это значитъ, что настала концы родовому возмездію и всѣ одинаково признали для себя обязательнымъ переносить на разбирательство короля свои распри. Король судить самъ, и лѣтописецъ Жуэвиль еще рисуесть намъ образъ популярнаго монарха Людовика XI Святого, постановляющаго приговоры подъ Венсенскимъ дубомъ; это тотъ же образъ, какой въ оперѣ Вагнера „Лоэнгринъ“ выступаетъ въ личности императора Генриха Птицелова, разбирающаго распри регента Брабантскаго съ матерью исчезнувшаго малютки — правителя.

Но королю, разумѣется, самому не управиться со всѣми тяжбами. Онъ назначаетъ поэтому взаимно себя великаго судью, или „юстиціарія“ — *magnus justiciarius*, котораго мы встрѣчаемъ въ Англии въ періодъ ранняго владчества нормановъ и въ лицѣ аррагонскаго великаго судьи, который игралъ такую важную роль въ смыслѣ контроля конституціонности законодательныхъ актовъ. Но скоро королю на удасться разборъ хотя бы только главнѣйшихъ жалобъ; разбирательство ихъ не подъ силу и верховному судью, тогда король обращается къ созданію судебныхъ палатъ. И въ высшей степени интереснымъ моментомъ англійской исторіи является моментъ установленія подобныхъ палатъ, называвшихся „палатами королевской скамьи“. Самый фактъ, что древніе англійскіе судьи носятъ названіе судей королевскихъ скамей, указываетъ на существованіе представленія о томъ, что король самъ разбираетъ всѣ дѣла. Господство такихъ порядковъ продолжается въ Англии до того момента, когда англичане добиваются „Великой хартіи вольностей“ и вмѣстѣ съ ней пріобрѣтаютъ право особенныхъ судовъ для обывоченныхъ тяжбъ. Король, такимъ образомъ, приходится

Общее ученіе о государствѣ.
Изд. Студ. Кассы Взаимопомощи.
Литографія Трофимова.

Проф. М. М. КОВАЛЕВСКАГО.
СПб. Политехн. Институтъ.
СПб. Мохайская 3.

Л. 7.

Составитель
Ф. Шмиттов

постоянно восполнять свою деятельность назначением двора ряда лиц для выполнения судебной функции, причем некоторые из них в этих делах разъезжают по странам. Так создаются такие порядки, которые мы встречаем в Англии, с некоторыми исключениями, конечно, и в настоящее время. Верховные судьи, число которых равно 15, и къ которым недавно было прибавлено еще два, призваны разъезжать по странам и председательствовать на, так называемых, уголовных ассизах, на уголовных разбирательствах, въ которых и роль обвинителя и роль судей не только въ вопросах факта, но и въ вопросах права, принадлежат присяжным судьям. Причем, как Вы знаете, обвинение составляется обвинителемъ жюри, а судебное решение предлагается судебнымъ жюри.

Король не только возглавляет и судит, но он также законодательствует, восполняя местный обычай, въ образовании которого не мудрено отыскать следы деятельности как ранних посреднических судов, так и позднейших королевских. Собственными приказами или указами, так называемыми, въ древней Германии „*Warta*“ король видоизменяет и дополняет обычай. Если обратиться къ „Русской Правде“, то можно будет убедиться, что, хотя въ основу ее и положено обычное право, впоследствии къ этому послѣднему и присоединяются постановленія князя Ярослава и его сыновей. Но эти обязательныя нормы предписываются или не иначе, какъ съ вѣдома и участія княжескаго совѣта, въ составъ котораго принадлежат не одни старшіе члены их дружины и лица, призванные управлять княжеским дворомъ, но и всѣ второстепенные старейшины, которые стоятъ въ главѣ отдѣльных племенъ и родовъ. Проф. В. О. Ключевскій, говоря о Княжеской Думѣ временъ первых Рюриковичей, считал возможным отождествлять родовых старейшинъ съ упоминаемыми летописью „старцами градскими“. Я не знаю, насколько эта точка зрѣнія можетъ быть поддерживаема послѣ работъ проф. М. Владимирскаго. — Вуданова и Е. И. Сергѣевича. Но что бы мы ни думали на этот счетъ, несомненно одно, что въ древних славянскихъ и германскихъ, какъ и у древних германцевъ, на ряду съ народнымъ судомъ мы встречаемъ и совѣтъ старейшинъ. О немъ свидѣтельствуютъ одинаково и арабскіе и византийскіе источники. Что касается до древних германцевъ, то показаніе Тацита не оставляетъ на это счетъ никакого сомнѣнія. Тацитъ говоритъ буквально слѣдующее: о ченьшихъ делахъ совѣтуется старейшины (*principes*), о болѣе

важнихъ -въ (de minoribus principes consultant, de majoribus omnes) (Gerganius). Тѣ же зародки болѣе тѣснаго совѣта народнаго собранія можно открыть и въ порядкахъ древне-греческихъ королевствъ и республикъ и въ начальный періодъ римской исторіи. Буле и эклезія, senatus и народная комиція по трибамъ и цензуріямъ занимають въ государственномъ устройствѣ народовъ классической древности то же мѣсто, какое у народовъ средневѣковья имѣютъ совѣты князя или думы съ одной стороны, и народныя сходы и вѣча съ другой, вѣча, преодолевшія держаться въ городскихъ республикахъ Италіи подъ именемъ „говорилень“, а „gingha“ и „rag-lalactiu“ и переживаніемъ когортовъ во Франціи надо считать мартовскія и майскія поля.

Англійскій историкъ Фриманъ не прочь бы признать такіе порядки общими всемъ аріядцамъ. Но данныя этнографіи позволяютъ расширить его утвержденіе и примѣнить его къ разнороднымъ народамъ земного шара въ періодъ, непосредственно слѣдующій за возникновеніемъ государства. Совѣтъ старѣйшинъ на ряду съ общимъ сходомъ встрѣчаются уже у австралійскихъ негритосовъ. Ранѣе упомянутой нами Диалина изъ племени Діери разбираетъ дѣла, касающіяся интересовъ всего народа, подчинявшася его власти, съ членами своего совѣта, составленнаго изъ людей пожилого возраста, извѣстныхъ воиновъ, ораторовъ, колдуновъ и врачей, а также старѣйшинъ отдѣльныхъ родовъ или точнѣе тотемовъ.*

О такихъ же точно порядкахъ говорятъ намъ этнографы, изучавшіе бытъ краснокожихъ племенъ Америки. Такъ, у племени Сіу по словамъ Макъ Джи, правитель совѣщается въ вопросахъ мира со старѣйшинами и вождями. (**)

У Ирокезцевъ, такъ обстоятельно изученныхъ Морганомъ, одинаково существуютъ и тѣсныя совѣты и народныя сходы. Абсолютная власть, какой пользовались или пользуются владѣльцы африканскихъ деспотій, въ томъ числѣ недавно упраздненнаго французами Дагомейскаго царства/отнюдь не можетъ считаться древѣйшимъ порядкомъ политическаго устройства, какъ нельзя считать имъ и деспотію древняго Востока.

*) Американскій журналъ социологін. „The origins of leadership“, Mayford 1906 - 07 г.г. стр. 393.

**) Ibid. стр. 509.

Сама княжеская власть лишь съ теченіемъ времени и постепенно становится наследственной. Эта наследственность долгое время встрѣчаетъ противовѣсъ въ стремленіи обезпечить руководство наиболее доблестнаго, разумнаго и популярнаго вождя, славнаго своей силой и ловкостью или своимъ геройствомъ.

Мы указали выше примѣры перехода княжеской власти въ руки младшаго брата или сына послѣ счастливаго единоборства его со старшимъ. Наследственность тогда возникаетъ, какъ послѣдствіе передачи изъ рукъ въ руки амулетовъ или не менѣе драгоценныхъ сокровищъ - хранимыхъ въ тайбѣ рѣшеній предка посредника. Сама она не предполагаетъ necessarily перехода власти стъ отца къ сыну, а замѣненіе выбывшаго за смертью вождя старшимъ въ его родѣ, которымъ, разумѣется, надсчитывать не лицъ въ нисходящей линіи. Въ древней Ирландіи власть унаследовалась поэтому старшимъ братомъ покойнаго и этотъ порядокъ, известный подъ именемъ law of tanistry, какъ показываетъ исследование Поля Біоле *), долгое время опредѣляя собой переходъ стола у многихъ народовъ древняго и новаго міра. Онъ извѣстенъ, между прочимъ, и намъ въ ранній періодъ нашей исторіи. Великое княженіе доставалось не сыну, а старшему брату покойнаго правителя.

Государство въ моментъ его возникновенія и многіе вѣка спустя не ставятъ себѣ болѣе сложныхъ задачъ, кромѣ тѣхъ, какими являются внѣшняя власть и сохраненіе внѣшняго мира. Безопасность и правосудіе исчерпываютъ содержаніе правительственной программы. Культурныя задачи такому государству неизвѣстны. Область воспоминаній остается въ вѣдѣніи частыхъ тѣхъ обширныхъ семей, которыя сохраняютъ память о родскихъ порядкахъ, частки церкви и создаваемыхъ ею учреждений. Та же церковь несетъ заботы объ общественномъ призрачійи.

Такимъ образомъ, давши отвѣтъ на вопросъ о томъ, какимъ образомъ на низшихъ ступеняхъ развитія князь въ сообществѣ совѣта старѣйшинъ и народнаго вѣча печется о военныхъ нуждахъ и земскомъ мирѣ, мы исчерпали тѣмъ самымъ содержаніе дѣятельности государства.

§4.

Отвѣчая въ настоящее время на общій вопросъ о роли личности въ образованіи государства, вопросъ, носильнымъ отвѣтомъ на ко-

*) Memoire sur la tanistry, presente a l'Academie des sciences morales et politiques.

формы и долженъ, между прочимъ, служить настоящій „Историческій очеркъ происхожденія государства“, намъ придется сказать, что во-первыхъ инициаторомъ созданія политическаго союза, ставяшаго себѣ задачей охрану мира внутри и независимости извнѣ, является всегда выдающаяся личность, обладающая физическими или психическими свойствами, обеспечивающими ей роль руководителя; во-вторыхъ, что та же личность далеко не требуетъ себѣ безграничнаго подчиненія и исключительнаго господства. Она осуществляетъ свою власть при участіи и съ совѣта старѣйшинъ, обязанныхъ, въ свою очередь своимъ выдавшимся положеніемъ наличности условій, при которыхъ вообще становится возможнымъ руководство. Этими условіями могутъ быть въ такой же степени старыи возрастъ, житейская опытность, личная доблесть, какъ и накопленіе имущества, матеріальнаго или духовнаго, причемъ подѣ послѣднимъ приходится разумѣть знаніе истинныхъ обычаевъ и тѣхъ обрядовъ, совершеніе которыхъ связано съ производствомъ тѣхъ или другихъ актовъ магіи или врачеванія, вызванія дождя и т. д. и т. д.

Преслѣдуя лишь опредѣленную задачу государственная власть не поглощаетъ индивида, & открываетъ довольно широкій просторъ для его самодѣятельности. Внутренній человекъ остается свободнымъ настолько, насколько онъ не связанъ не вполне еще разорванными оковами родового быта и суевѣрій, порождаемыхъ магіей и первобытною религіей, насколько онъ не обязанъ подчиняться въ своемъ поведеніи брачнымъ и имущественнымъ запретамъ, тѣмъ многочисленнымъ „табу“, которыя ограничиваютъ выборъ имѣ невѣсть въ такой же степени, какъ и право пользованія извѣстными предметами, изъятыми изъ общаго обладанія съ помощью магическихъ формулъ и обрядовъ.

§ 5.

Вопросъ о происхожденіи государства былъ поставленъ уже въ классической древности и съ тѣхъ поръ ученые различныхъ странъ давали и дакъ довольно не сходныя рѣшенія этого вопроса. Если мы спросимъ себя, какъ относилась древность къ вопросу о происхожденіи государства, то любознательно будетъ отмѣтить тотъ фактъ, что возникновеніе государства считалось явленіемъ настолько естественнымъ, настолько связаннымъ съ самой общежительной природой человѣка, что когда Аристотелю приходилось поднимать этотъ вопросъ, то онъ довольствуется указаніемъ на то, что человѣкъ есть не только общежительное существо, но и существо политическое: *человѣкъ это ζῷον πολιτικόν*. Аристотель не можетъ представить себѣ человѣка, который существовалъ бы внѣ государства. Правда, существуютъ варвары, но варвары живутъ въ деспотическихъ государствахъ, и является сомнительнымъ вопросъ о томъ, насколько по своей природѣ варваръ отвѣчаетъ понятію «человѣкъ». Только тамъ, гдѣ начинается эллинь, начинается для Аристотеля существо не только общежительное, но и политическое. А возникновеніе государства вытекаетъ изъ самой природы человѣка, какъ существа политическаго. Что предшествуетъ, по мнѣнію Аристотеля, возникновенію государства? Семья. При этомъ семья понимается въ смыслѣ обширной семьи, въ составъ которой входятъ не только отецъ и мать семейства, но и домочадцы, т.е. дѣти, происшедшія отъ семейнаго союза, а кромѣ того, и рабы. Соединеніе этихъ семей, въ составъ которыхъ входятъ рабы, образуетъ государство. Всѣ тѣ слѣдующія другъ за другомъ фазы общественнаго развитія между семьей и государствомъ, которыя выдвигаются теоріей XIX столѣтія, и существованіе которыхъ подтверждается данными топографіи, какъ напримѣръ, родъ, или, такъ называемое, гражданское общество, — объ этихъ общественныхъ организаціяхъ, предшествующихъ по времени возникновенію государства у древнихъ греческихъ писателей нѣтъ и помину.

Если отъ теорій греческихъ мыслителей мы перейдемъ къ теоріямъ латинскихъ писателей, которые касались вопросовъ политики и государственнаго устройства и касались **нѣтъ** по преимуществу случайно въ своихъ рѣчахъ, какъ, напримѣръ, Цицеронъ, или вообще въ

своихъ сочиненіяхъ, то здѣсь мы не найдемъ никакого отличія отъ взглядовъ Аристотеля. У Цицерона государство есть союзъ людей, союзъ постоянный (*socius perfectus*) и имѣющій тотъ признакъ, что онъ объединенъ единствомъ власти и единствомъ права. И здѣсь этотъ союзъ настолько естествененъ, что не стоитъ поднимать вопроса объ его происхожденіи.

Если, далѣе, мы перейдемъ къ среднимъ вѣкамъ, то прежде всего у средневѣковыхъ мыслителей мы встрѣгнмся съ религіозно анархическимъ отношеніемъ къ государству, которое въ значительной степени навѣваемо было христіанской доктриной. Христіанство долгое время было преслѣдуемой сектой, и потому легко могло сложиться такое представленіе, какое сложилось у Блаженнаго Августина, именно представленіе о томъ, что Римская Имперія, какъ государство безъ справедливости, ничѣмъ не отличается отъ разбойничьей шайки. Государство настоящее - это то государство, которое идетъ насъ за гробомъ. И только нѣкоторымъ приближеніемъ къ нему было государство земное, если бы оно было построено по образцу царства Божьяго - *Civitas Dei*, которое рисуетъ Блаженный Августинъ. Сочиненія Блаженнаго Августина имѣютъ для насъ чрезвычайно важное значеніе, такъ какъ въ нихъ Блаженный Августинъ развивалъ мысли многихъ древнихъ мыслителей, напримѣръ, Цицерона, сочиненія которыхъ до насъ не дошли. Долгое время сочиненіе Цицерона „*De republica*“ и притомъ въ отрывкахъ было извѣстно только по сочиненіямъ Блаж. Августина. Точно также Вл. Августинъ пользовался сочиненіями Плутарха, тоже до насъ недошедшими, и только, благодаря немногимъ отрывкамъ изъ сочиненій Плутарха, приведеннымъ въ „*De civitate Dei*“ да въ сочиненіи Іоанна Салисберійскаго, мы знакомимся съ нѣкоторыми воззрѣніями Плутарха.

Изъ всѣхъ этихъ недошедшихъ до насъ сочиненій, о которыхъ мы знаемъ только по передачѣ Вл. Августина и Іоанна Салисберійскаго мы узнаемъ, что органическая теорія государства, которой такъ гордится органическая школа социологій въ Англии въ главѣ съ Герберомъ Спенсеромъ, а въ Германіи съ Шерфле, зародилась уже въ эпоху классической древности. Дѣйствительно у Блаженнаго Августина и у Плутарха по сочиненіямъ Іоанна Салисберійскаго мы находимъ сопоставленіе частей государства съ органами животнаго организма, съ руками, ногами, головой, сердцемъ и т.д. И ученіе древнихъ мыслителей о

томъ, что государство есть большой человекъ, ученіе, которое вы найдете уже въ трактатѣ Платона „Государство“, и которое отъ Платона перешло къ Плутарху, и отъ Плутарха къ Іоанну Салисберійскому и Вл. Августину, является прообразомъ всего того, что въ XVII вѣкѣ скажетъ авторъ „Деріафана“ — Гоббсъ, а въ XIX вѣкѣ — Герберъ Спенсеръ, который заявитъ, что онъ будто бы не читалъ ни Платона, ни Гоббса и этимъ незнаніемъ будетъ оправдывать себя, смотря на себя, какъ на родоначальника органической доктрины.*) Уже въ древности имѣлось воззрѣніе на то, что человекъ по природѣ своей есть существо общественное и политическое и какъ таковой человекъ, разумѣется, могъ создать государство, какъ явление совершенно естественное и органическое. Органическая теорія является лишь восполненіемъ ученія древности о государствѣ, какъ общественномъ союзѣ, естественно развившемся.

Но во всѣхъ сочиненіяхъ древности мы не находимъ упоминанія о томъ, что государство можетъ быть вызвано къ жизни с в о б о д н о й в о л е й л ю д е й, соединившихся для его основанія и положившихъ основаніе государству путемъ, такъ называемаго, общественного договора. Теорія общественного договора есть теорія новаго времени, не извѣстная классической древности. Когда зарождается эта теорія? Можно сказать, что въ средніе вѣка теорія эта не могла возникнуть благодаря отсутствію необходимыхъ условій ея возникновенія. Средніе вѣка были проникнуты мыслью что „нѣсть власти, иже не отъ Бога“. Богъ создалъ двоякаго рода власть: власть духовную, съ одной стороны, и власть свѣтскую съ другой. — Папамъ — наместникамъ Бога, непосредственнымъ преемникамъ св. Петра — Богъ поручилъ управление душами людей, и ихъ духовной жизнью, вручилъ имъ духовный мечъ, а своему непосредственному помазаннику — императору — Богъ поручилъ управление нашими тѣлами, снабдивъ его мечемъ свѣтскимъ. Сопоставленіе папы и императора настолько же обычно въ средневѣковой литературѣ, насколько обычно сопоставленіе ихъ съ двумя мечами. Но источникомъ всякой власти является самъ Богъ, потому что текстъ Новаго Завѣта гласитъ: „нѣсть власти, иже не отъ Бога.“

Задаваясь вопросомъ о томъ, въ какой степени ученіе о двухъ властяхъ, двухъ мечехъ, этотъ дуализмъ власти свѣтской и духовной можетъ считаться оригинальнымъ творчествомъ среднихъ вѣковъ, не-

*) Это оправданіе представляется до нѣкоторой степени вѣроятнымъ, такъ какъ Спенсеръ совершенно не получилъ классическаго образованія и отличался способностью не прочитывать и 20 страницей книги, съ мыслями автора которой онъ не соглашался.

обходимо признати, что первый, кто подчеркнул эту мысль, был знаменитый Жозеф де Местр. В своем трактатѣ «О папѣ» онъ высказываетъ пожеланіе о возникновеніи не только неограниченной свѣтской власти или абсолютизма, но о восстановленіи такой власти, которая будучи неограниченной по отношенію къ сословному представительству или народнымъ палатамъ, была бы въ то же время подчинена до нѣкоторой степени руководительству духовнаго владыки — папѣ. Идеаль Жозефа де Местра, или идеаль средневѣковья былъ осуществленъ въ эпоху, напримѣръ, папы Иннокентія III (папа съ 1198 — 1216 г.), подготовленную папой Григоріем VII (Гильдебрандомъ). Трактаты Григорія VII ясно проводятъ мысль, что свѣтская власть должна быть подчинена духовному руководительству папы, но въ эпоху Гильдебранда, заставившаго императора Генриха IV отправиться въ Каноссу просить прошенія у могущественнаго папы, мысль эта была еще несущественной надеждой: Генрихъ IV и его преемники продолжаютъ борьбу съ папой, которая заканчивается договоромъ, ставящимъ извѣстныя границы для власти папѣ и власти императорской. Въ эпоху же Иннокентія III почти проводится въ жизнь тотъ идеаль, къ которому желалъ бы вернуть насъ Жозефъ де Местр. Папа не только лицо, помазующее императора на царство, но императоръ и подчиняется папѣ. А Іоаннъ безземельный, напримѣръ, не прочь былъ признать себя ленникомъ папы, если бы не противодействіе Верховнаго Совѣта, который заявилъ, что онъ не желаетъ, чтобы англійскіе законы были изменены, то по всей вѣроятности Англія была бы уступлена въ ленное владѣніе папѣ Иннокентію III. Замѣтите, что возникавшія въ то время на востокѣ Европы, не безъ участія папѣ государства, напримѣръ государство Арагонской династіи, различнаго рода славянскія государства на Балканахъ, входили въ переговоры съ папой Иннокентіемъ III и признавали его своимъ верховнымъ сужерекомъ.

Въ такихъ условіяхъ не было ничего благопріятнаго для возникновенія теоріи происхожденія государства договорнымъ порядкомъ.

Можно сказать, распространяя наше изслѣдованіе и на магометанскій міръ, что въ средніе вѣка существуютъ двѣ теоріи, сильно отличающіяся другъ отъ друга. Одна теорія, это теорія объ единствѣ власти свѣтской и духовной, теорія, соединяющая и ту и другую власть въ рукахъ одного лица — преемника пророка, калифа^д, отсюда ученіе калифата объ единствѣ власти. Глава калифата — калифъ держитъ въ своихъ рукахъ верховенство власти. Философское обоснованіе эта теорія находитъ въ писаніяхъ арабскихъ мыслителей, которые продолжали развивать ученіе Аристотеля и Платона до зарожденія евро-

пейской науки, главным образом, в сочинениях Авиценны (980-1037) и Аверроэса (1126 - 98 г.) Авиценна считает, что владычество над миром должно быть сосредоточено в руках мудрейшего, Богом избранного - калифа. Согласно с этой теорией единства власти все владычествующие в мире владычествуют по уполномочию калифа. В католико христианском мире возникает другая теория, теория о двух властях. Эти две теории, из которых одна идет с запада, а другая с востока, одно время сливаются у европейских мыслителей и тогда в средневекowych писателей, кто всего больше содействовал распространению воззрений арабов - английский монах Роджер Бэкон в своих сочинениях проводит взгляды арабского писателя Авиценны. Р. Бэкон говорит, что пожелания последнего осуществляются в римском папе, ставленнике Волею, преемнике св. Петра, которому I. Христос передал ключи от царства своего и предоставил право связывать, обещая, что кто будет связан на земле, будет связан и на небесах.

Наряду с этой теорией, которая является в Европу новшеством, продолжает держаться теория о двух властях. Конечно, обе эти теории не удовлетворяют пробуждающуюся, эмансипирующуюся мысль и сторонники той и другой теории начинают искать поддержки своих взглядов у совершенно новых воззрений. И тут то зарождается теория договорного происхождения, но не теория о происхождении государства вообще, а о происхождении одного из элементов государства, именно государственной власти. В чем же ищут обоснование своей власти и папы и императоры? Они находят таковое в толковании мифического, никогда не существовавшего римского закона *Lex regia*, якобы изданного во времена императора Августа, закона, благодаря которому римский народ добровольно передал власть одному лицу - императору. Сперва канонисты, т. е. писатели, толкующие законодательство церковное - затем юристы, толкующие *Дигесты* или *Истинанов кодекс*, отталкиваясь от этого, никогда неизданного закона, стараются обосновать одни власть римских пап, - другие власть императоров, доказать одни преимущества власти пап над императорской властью. Канонисты выдвигают то соображение, что папы получили свою власть, если не непосредственно, то посредственно от народа, так что, будучи помазанниками Бога, они в то же время - ставленники народа. Епископы раннего периода / епископская власть возникает не ранее II века / являются еще выборными лицами, эти выборные епископы в свою очередь выбирают из своей среды кардиналов.

а коллегія кардиналовъ выбираетъ папу, который, такимъ образомъ, является, если не непосредственнымъ, то посредственно ставленникомъ народа.

Противъ этой теоріи поборники независимости свѣтской власти выступаютъ въ лицѣ Марсилія Падуанскаго, вышедшаго изъ знаменитой Волонской школы кристовъ, занимавшаго постъ директора Парижскаго университета Сорбонни, и выставляютъ теорію созданія императорской власти, а слѣдовательно и имперіи, народомъ. Сочиненіе, въ которомъ впервые высказывается эта доктрина, основанная опять таки на произвольномъ толкованіи никогда не издавнаг.с закона *Lex regia* — это такъ называемое *Defensor pacis*, (защитникъ мира) сочиненіе на латинскомъ языкѣ, напечатанное въ XIV столѣтіи. Въ этомъ сочиненіи проводится мысль, что императоры имѣютъ перевѣсъ въ свѣтскихъ дѣлахъ надъ папами, потому что они ставленники народа, такъ какъ императоры Священной Римской Имперіи — преемники Римскаго императора Августа, и этотъ послѣдній попалъ на престоль, благодаря изданію римскимъ народомъ закона *Lex regia*, въ силу котораго римскій народъ отказался отъ всѣхъ своихъ правъ и перенесъ ихъ на императора.

Вотъ въ какой формѣ впервые возникаетъ договорная теорія. Но этимъ договоромъ устанавливается государственная политическая власть, это договоръ подчиненія — *tractus subjectionis*, въ силу котораго народъ поручаетъ власть императорамъ. Въ теоріи господству *уцѣивъ* средніе вѣка, нѣтъ мѣста договору соединенія — *tractus uniois*, посредствомъ котораго образуется общество, образуется нѣчто цѣльное; единое, народъ, имѣющій единую волю, и съ которымъ намъ придется встрѣтиться въ XVII и XVIII столѣтіи.

Если отъ времени Марсилія Падуанскаго мы перейдемъ къ эпохѣ реформаціи, то въ это время встрѣтимся со школой, такъ называемыхъ монархомаховъ или монархоотрицателей, которые опять таки стараются провести тѣтъ взглядъ, что монархическая власть не создана непосредственно Богомъ, и государства поэтому не могутъ считаться созданіемъ Бога или созданіемъ его ставленниковъ — папъ, а что власть монарховъ и сами государства возникли благодаря тому, что люди въ концѣ концовъ пришли къ сознанію необходимости въ интересахъ мира и общей защиты создать государство и перенести свои права на одного челоуѣка и его наслѣдниковъ, на монарха. Представители раз-

сма триваемаго направлення расходятся между собою только во взглядахъ на тѣ права, которыя люди переносятъ на своихъ верховныхъ правителей. Одни монархомахи стараются сдѣлать этихъ правъ, тогда какъ другіе расширяютъ ее. А нѣкоторые изъ французскихъ и шотландскихъ писателей стараются къ этимъ общимъ соображеніямъ присоединить то, что они считаютъ историческимъ фактомъ и что на самомъ дѣлѣ совершенно не заслуживаетъ этого названія. Таковы придуманные ими договоры, которые якобы были заключены древними франками или позднѣйшіе договоры, которые были заключены въ эпоху Капетинговъ; къ категоріи этихъ же фактовъ должно быть отнесено то положеніе французскихъ монархомаховъ, согласно которому самое возникновеніе и существованіе Генеральныхъ Штатовъ обязаны договору, заключенному между подданными и верховнымъ правителемъ, причѣмъ подданные, заключая этотъ договоръ, позаботились оставить, какъ можно больше правъ за собою.

Всѣ изложенныя доктрины объединяются писателями XVII вѣка въ болѣе стройное ученіе, причѣмъ Г у г о Г р о ц і й, одинъ изъ основателей науки международного права, соединяетъ въ своей точкѣ зрѣнія и античную теорію, еще высказанную Аристотелемъ и новое ученіе монархомаховъ о государствѣ и государственной власти, какъ возникающихъ путемъ договора подданныхъ съ правителями. Откуда его ученіе о такъ называемомъ природномъ человѣчскомъ влеченіи къ общественной жизни. Всѣ будутъ возвращаться къ этой мысли. Но сама эта мысль представляетъ ничто иное, какъ перефразировку положенія Аристотеля, что человекъ есть ζῷον πολιτικόν. Къ этому Гуго Гроцій присоединяетъ ученіе монархоотрицателей о томъ, что государство и государственная власть возникаетъ путемъ договора, и онъ (Гроцій) старается выговорить одну сторону человеческой личности отъ всякаго вмѣшательства какой бы то ни было посторонней силы, это - свободу личнаго сужденія и потому свободу слова. Такимъ образомъ, уже у Гуго Гроція мы находимъ защиту этой свободы какъ чего то, что не подлежитъ ограниченію со стороны государства, такъ какъ никто отъ свободы внутренняго сужденія отказаться не можетъ. Но другое дѣло выраженіе этого сужденія во внѣшнихъ формахъ. И здѣсь Гуго Гроцій допускаетъ вмѣшательство государственной власти: онъ стоитъ на точкѣ зрѣнія Вестфальскаго мира - *suius est regio, ejus religio*. Такъ что, что касается внѣшнихъ актовъ культа, то по мнѣнію Гуго Гроція они должны предопредѣляться для подданныхъ вѣроисповѣданіемъ ихъ верховнаго правителя. От-

сюда раздѣленіе Европы на двѣ половины: въ одной правители - протестанты и ихъ подданные-протестанты, тамъ же, гдѣ правители повѣдуютъ католическую вѣру, и подданные - католики.

Такимъ образомъ, основная точка зрѣнія Гуго Гроція та, что государство возникаетъ, благодаря врожденному влеченію людей къ общенію, къ общежитію, а государственная власть возникаетъ потому, что порядокъ въ этомъ общежитіи возможенъ только тогда, когда члены этого общежитія уступятъ свои права представителю верховной власти.

Съ этой доктриной приходится считаться писателямъ XVII вѣка. Одинъ изъ нихъ Г о б б с ъ доходитъ до признанія, что люди изъ естественнаго состоянія, изображеннаго имъ, какъ война всѣхъ противъ всѣхъ (*bellum omnium contra omnes*), не могутъ выйти иначе, какъ отказавшись отъ всѣхъ своихъ правъ и передавши ихъ одному правителю, отъ котораго зависятъ права подданныхъ, который опредѣляетъ, что право и что не право. Отсюда то послѣдствіе, что лишь государство создаетъ право собственности, такъ какъ въ естественномъ состояніи собственности нѣтъ, разъ у каждаго каждый можетъ все отнять, но если собственность является достояніемъ государства, то послѣднее можетъ ее и отнимать. Верховнымъ же правителемъ государства и создается понятія справедливости. Одними она могутъ быть въ одномъ государствѣ, другими въ другомъ. Теорія Гоббса есть теорія довольно революціонная и нѣтъ ничего удивительнаго, если въ 1789 и слѣдующіе годы такъ называемые "сторонники аграрнаго закона" ссылаются на Гоббса въ противовѣсъ Локку, который училъ, что собственность возникла, благодаря приложенію труда и государство призвано охранять собственность.

Итакъ, въ XVII столѣтіи изъ договорной теоріи происхожденія государственной власти дѣлаются два вывода. Одни мыслители дѣлаютъ тотъ выводъ, что государство не можетъ существовать иначе, какъ при концентраціи въ рукахъ одного человека всѣхъ тѣхъ правъ, которыми люди владѣли до выхода изъ естественнаго состоянія, а другіе - , и между ними Спиноза, полагаютъ, что передача правъ можетъ быть произведена только въ пользу всей совокупности людей, образующихъ го-

сударственное сообщество. Изъ этого положенія Спиноза въ своемъ „Богословско-политическомъ трактатѣ“ и въ позднѣйшемъ „Политическомъ трактатѣ“ выводитъ тотъ взглядъ, что единственно правильной формой правленія, согласной со справедливостью и первой по времени является демократія, такъ какъ только при этой формѣ правленія, т.е. при раздѣленіи власти между всеми людьми, вошедшими въ составъ государственнаго общества, люди, отказываясь отъ своихъ правъ, въ сущности ни отъ чего не отказываются. Они этия правами владѣютъ, но на правахъ членовъ извѣстнаго общества. Не Жанъ Жакъ Руссо, какъ обыкновенно думаютъ, а Барухъ Спиноза является родоначальникомъ ученія о томъ, что единственно правильной формой правленія является демократія. Ж. Ж. Руссо повторяетъ эту доктрину въ „Общественномъ договорѣ“, какъ нѣчто ему принадлежащее, какъ нѣчто оригинальное, но мы имѣемъ всѣ данныя утверждать, что онъ Спинозу читалъ, такъ какъ въ его дневникѣ и другихъ сочиненіяхъ имя Спинозы повторяется неоднократно, и слѣдовательно, весьма вѣроятно, что Руссо заимствовалъ это ученіе у Спинозы.

Такимъ образомъ, договорная теорія выливается въ различныя формы. По одному ученію государственная власть связана, такъ какъ она не можетъ ничего предпринять противъ свободы личности и неприкосновенности собственности, поскольку эта собственность является результатомъ приложенія труда /Локкъ/. Другіе говорятъ о цѣлостномъ перенесеніи всѣхъ правъ /Гоббсъ/.

Но никто еще не различаетъ договора соединенія *растium univris* и договора подчиненія *растium subjectionis*. Можно сказать, что прежде всего у Пурфендорфа мы находимъ проведеніе точки зрѣнія на существованіе двухъ договоровъ, причемъ однимъ изъ нихъ договоромъ соединенія - *растium univris*, кладется основанію общежитію, организуется нѣчто цѣльное и единое, общество, а другимъ договоромъ подчиненія - *растium subjectionis*, кладется основаніе государственной власти.

Въ какой же мѣрѣ Ж. Ж. Руссо повторяетъ вѣками ранѣ сложившуюся договорную теорію, въ какой степени онъ слѣдуетъ за Пурфендорфомъ? Нужно сказать, что Ж. Ж. Руссо признаетъ договоръ соединенія; его „Общественный договоръ“ объясняетъ не происхожденіе государственной власти, а происхожденіе самого государственнаго общенія, пере-

несение людьми тѣхъ правъ, которыми они пользовались въ естественномъ состояніи. Но если все, къ государственная власть возникаетъ, то это происходитъ не въ силу договора, а является вѣщью инымъ, какъ передачей по довѣрію. Король, представитель верховной власти, не является и не можетъ являться стороною въ договорѣ съ народомъ, онъ - приказчикъ народа, его слуга, на котораго возлагается осуществленіе определенной функціи неотчуждаемой отъ народа суверенной власти. Правители - это довѣренныя лица; это тѣ лица, которыя и по настоящее время называются просто уполномоченными народа. Ученіе с томъ, что сановники являются уполномоченными народа, что народъ не заключалъ съ ними договора объ установленіи власти, однимъ словомъ, то обстоятельство, что не было никакого договора подчиненія - *actus subjectionis* всего болѣе подчеркиваетъ Ж.Ж. Руссо. Въ этомъ, какъ и въ положеніи, что обещаніе возникаетъ договорнымъ путемъ, заключаются существенныя черты доктрины Руссо.

Нечего и говорить, что всѣ послѣдователи исконной точки зрѣнія на власть, какъ происходящую отъ божества, относились отрицательно ко всякимъ теоріямъ объ общественномъ договорѣ, якобы лежащемъ въ основѣ обещанія и положившемъ начало государственной власти, и выставили другое ученіе, ученіе патріархальное. Патріархи и первосвященники, слѣдовательно, не только Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ, но и Мельхиседекъ получили свою власть отъ Бога, точно так же, какъ получили ее отъ Бога и Мойсей съ Аарономъ. Отсюда то ученіе, что другой власти, кромѣ власти, имѣющей своимъ источникомъ Бога, быть не можетъ. Поэтому догматамъ религіи противорѣчить всякое представленіе о томъ, что власть монарха можетъ быть получена снизу. Народное самодержавіе противорѣчитъ религіознымъ воззрѣніямъ. Стоя на этой точкѣ зрѣнія, Жозефъ де Местръ разноситъ ученіе объ общественномъ договорѣ, считая его революціоннымъ въ томъ смыслѣ, что оно противорѣчитъ исконнымъ христіанскимъ воззрѣніямъ.

Въ этой доктринѣ, говорящей о томъ, что власть идетъ непосредственно отъ Бога, нужно различать отличныя другъ отъ друга воззрѣнія. Одной изъ ходячихъ доктринъ, о которой я кажется уже упоминалъ вамъ, является та доктрина, которая нашла свое выраженіе въ половинѣ XVII вѣка въ сочиненіи «Патріархъ, или естественная власть королей» ФИЛЬМЕРА. Въ этомъ сочиненіи проводится мысль, что англійскій

король есть преемник не только древних патриарховъ, но и родоначальникъ всѣхъ патриарховъ - праотца Адама. По ученію Фильмера Богъ еще въ раю далъ Адаму власть надъ Евою, а потому и надъ ихъ дѣтьми: затѣмъ власть переходила отъ старшаго сына къ старшему же сыну, но когда возникло много народовъ, она стала принадлежать въ каждомъ народѣ старшему въ немъ, т.е. патриарху; короли и суть истинные преемники патриарховъ, и имъ принадлежать все права отцовъ надъ ихъ дѣтьми. Критиковать эту теорію серьезно - трудно. Тѣмъ не менѣе она была настолько распространена, что Дж. Локкъ посвятилъ ей одинъ изъ своихъ раннихъ трактатовъ. Съ этой доктриной соглашается и Руссо, когда, возражая противъ нея, онъ заявляетъ, что если таково дѣйствительное происхожденіе государства и верховной государственной власти, то я лично былъ бы очень заинтересованъ въ томъ, чтобы мои родственныя связи съ Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ были точно установлены. Можетъ быть въ силу этого родства, я болѣе призванъ къ осуществленію власти надъ всѣмъ міромъ, нежели всѣ теперешніе правители.

Теорія извѣстнаго сподвижника Льюиса XIV, епископа города Мо, Б о с с ю э т а , выражается въ его сочиненіи "Политика, основанная на текстѣ священнаго писанія", обходится уже безъ патриарховъ. Боссюэтъ говоритъ, что папы и вообще верховные правители - земные помазанники Бога. Въ своей "Всемирной исторіи" онъ указываетъ на то обстоятельство, что человекъ постоянно волнуется что онъ сплосъ и рядомъ для достиженія своихъ цѣлей предпринима-етъ то то, то другое, то третье, и только Богъ постоянно окрываетъ человека, выводитъ его изъ бѣды, направляетъ его на правный путь. Богъ достигаетъ этого путемъ установленія власти, путемъ передачи власти тому или иному ставленнику своему, причемъ самъ Богъ выбираетъ этого ставленника. А такъ какъ пути Божіи неисповѣдимы, такъ какъ Богъ воленъ для наказанія людей послать на нихъ различныя бѣдствія въ родѣ тирановъ, то слѣдуетъ повиноваться даже и этимъ послѣднимъ. Эта мысль проходитъ красною нитью черезъ всѣ сочиненія Боссюэта и находитъ свое отраженіе въ его многочисленныхъ проповѣдяхъ.

Эта доктрина получила свое распространеніе и въ XIX столѣтіи. Доктрина Священнаго Союза, основаніе которому было положено на Вѣнскомъ конгрессѣ въ 1815 году, мало чѣмъ отличается отъ доктрины Боссюэта.

Господство, такъ называемаго, историзма, а за послѣднее, время рѣшительный перевѣсъ социологіи. сдѣлали то, что, обѣ только, что. изложенія доктрина постепенно утрачиваютъ свое прежнее, значеніе. Только, въ видѣ переживанія можно, встрѣтить упоминаніе, о божественномъ, происхожденіи верховной власти. Въ настоящее, время никто, не, думаетъ о томъ, что, единственнымъ основаніемъ и исторяникомъ власти является Богъ (основаніе, власти находится въ самомъ текстѣ конституціи) точно, также, какъ никто, не думаетъ, что, власть возникаетъ не иначе, какъ путемъ общественнаго договора, и потому договорная теорія *Достойна* забвенія такъ же, какъ и теорія божественнаго происхожденія власти. Оста-ется, такимъ образомъ, только, теорія историческаго, происхожденія государства, которая особенно настойчиво проводится въ современныхъ социологическихъ ученіяхъ.

Нужно, сказать, что, государствовѣды послѣдняго времени постепенно, отказываются отъ поднятія вопроса объ историческомъ происхожденіи государства. Послѣднимъ сочиненіемъ по, государ-ственному праву, въ которомъ разбирается этотъ вопросъ, явля-ется знаменитая "Энциклопедія государственныхъ наукъ" Робер-та Моля, гдѣ излагается 12 - 18 теорій объ историческомъ про-исхожденіи государства. Въ настоящее, время этотъ вопросъ уже, вышелъ изъ области тѣхъ, которые, обсуждаются государственнымъ правомъ и перешелъ въ область тѣхъ, которыми интересуется социоло-гія.

Въ такомъ же положеніи находится и другой вопросъ, чрез-вычайно, сильно, интересовавшій прежнихъ государствовѣдовъ, - воп-росъ о, ц ѣ л и государства, быть можетъ, потому, что, все государ-ствовѣды сошлись на той мысли, что, "государство, само для себя, существуетъ." Поэтому, все разговоры о цѣли государства отнесе-ны въ настоящее время къ области метафизики. Сказать, что, воп-росъ этотъ можетъ быть рѣшенъ научно, нельзя. Вотъ почему я не буду заниматься въ своемъ курсѣ этимъ вопросомъ: тѣмъ изъ васъ, кто, пожелалъ бы ознакомиться съ этимъ вопросомъ, я предлагаю

Общее, ученіе, о, государствѣ.
Изд. Студ. Казен. Взаимопомощи.
Литографія Грѣфинова.

Проф. М.М. КОВАЛЕВСКАГО,
СПБ. Политехн. Институтъ.
СПБ. Можайская 3.

Л. 8.

Сост. Филипповъ

сдѣлать это по "Энциклопедіи государственныхъ наукъ" Роберта Моля, которая содержитъ 15 - 20 теорій, такъ или иначе этотъ вопросъ разрѣшающихъ.

Глава IV.

УЧЕНІЕ О СОСТАВНЫХЪ ЭЛЕМЕНТАХЪ ГОСУДАРСТВА.

§ 1.

Слѣдующимъ вопросомъ, подлежащимъ вѣдѣнію государствозѣдовъ, является вопросъ о составныхъ элементахъ государства. Каковы необходимыя составныя части государства?

На этотъ вопросъ даются различныя отвѣты. Одни ученые говорятъ, что государство существуетъ только у осѣдлыхъ народовъ, и считаютъ территорію необходимымъ элементомъ государства; въ противоположность имъ иные утверждаютъ, что государственная организація существуетъ ила, по крайней мѣрѣ, можетъ существовать и у кочевыхъ народовъ. Другимъ составнымъ элементомъ считаются люди, такъ какъ государство существуетъ для людей. Наконецъ, третьимъ элементомъ государства является государственная власть.

Я избавлю себя отъ необходимости обоснованія той мысли, что территорія необходима для государственнаго общенія. Мнѣ кажется, что вопросъ этотъ довольно ясенъ и что можно обойтись безъ обоснованія этого положенія.*)

Я лично присоединюсь къ мнѣнію тѣхъ писателей, которые думаютъ, что въ понятіи государства нельзя обойтись безъ двухъ элементовъ, безъ населенія и безъ власти. Безъ этихъ элементовъ

*) Когда-нибудь въ этомъ убѣдиться я отсылаю къ слѣдующимъ сочиненіямъ: Геллинекъ. Право современнаго государства, 1-й т. и Черинъ. Общее государственное право. Томъ I.

нельзя представить себя государство, как таковое. Поэтому то, в последнее время почти всё государствовѣдн сходятся въ признаніи необходимости вводить въ ученіе о составныхъ элементахъ государства, по крайней мѣрѣ, двѣ главы: они обязательно говорятъ о заселеніи съ одной стороны, и о государственной власти, съ другой. Относительно же территоріи еще можетъ быть нѣкоторое разногласіе. Можно, на примѣръ, поставить вопросъ о существованіи государства Массачузетской бухты въ то время, когда "отцы - пилигримы," плывшіе на кораблѣ "Майскій цвѣтокъ" (Maiblune) обосновали государство и распредѣлили между собой государственныя функціи. Можно также поставить вопросъ о томъ, существовало ли государство въ Калифорніи въ то время, когда всякій сбродъ, явившійся сюда для наживы, съ цѣлью положить конецъ постояннымъ спорамъ и дракамъ создалъ власть, а между тѣмъ особой территоріи не имѣлось. Сбродъ этотъ былъ англосаксонскій, а территорія на которой онъ обосновался, считалась принадлежащей Испаніи. Когда же возникло государство? Тогда ли, когда была создана государственная власть, или государство возникло только тогда, когда Калифорнія была признана территоріей Северо Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. По моему мнѣнію, нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что трудно говорить о государствѣ до тѣхъ поръ, пока его подданные не оуются гдѣ нибудь на твердой почвѣ, а не будутъ, на примѣръ, плавать на кораблѣ. И слѣдовательно, вопросъ о необходимости территоріи для государственнаго обленія долженъ считаться до поры до времени рѣшеннымъ.

Вопросъ о двухъ другихъ элементахъ государства - о власти и населеніи необходимо подвергнуть болѣе подробному разсмотрѣнію. Намъ прежде всего предстоитъ поставить и рѣшить вопросъ о томъ, каковы признаки верховной государственной власти. Чѣмъ должна отличаться верховная власть отъ всякаго рода другой власти? Вѣдь, несомнѣнно, что есть власть и у городского головы, есть власть и у губернатора, и у предсѣдателя земской и городской управы и т.д. Но, всё эти власти не могутъ считаться властью верховной. Почему?

Далѣе я перейду къ разсмотрѣнію вопроса о другихъ составныхъ элементахъ государства - населеніе, и покажу вамъ, что рѣшеніе, даваемое этому вопросу современными государствовѣдами и заключается въ томъ, что, въ лицѣ подданнаго, мы находимъ также,

и гражданина, — (рѣшеніе, очень новое.), что на переломъ порахъ понятіе, подданства не, совпадало съ понятіемъ гражданства. Уравненіе подданнаго съ гражданиномъ получило свое осуществленіе, только въ Европѣ новѣйшаго времени: въ Англіи со времени торжества парламента надъ королемъ, во Франціи съ эпохи Великой революціи (1789 г.) / а въ нѣкоторыхъ государствахъ не, получило своего, осуществленія до сихъ поръ. Отсюда разслоеніе, населенія на различныя пласты, въ которыхъ можно, отмѣтить три главныя вѣтви: организацію к а с т о в у ю, организацію с о с л о в н у ю и, наконецъ, организацію к л а с с о в у ю. Нужно ли считать кастовое, устройство, необходимой стадіей, которую проходятъ все народы? Оно, несомнѣнно, существовало, въ Индіи и въ Египтѣ, слѣды его, подмѣчены и во многихъ другихъ государствахъ, но можно ли говорить, что, оно, — общее, явленіе, необходимый фактъ въ исторіи культуры всехъ народовъ? На этотъ вопросъ намъ придется отвѣтить отрицательно. Загѣмъ мы познакомямся съ тѣмъ, какія общія черты существуютъ въ сословномъ устройствѣ разныхъ народовъ, какія соціальныя и политическія условія вызвали къ жизни это, устройство, чѣмъ оно поддерживается и въ какой стадіи перекиванія сословнаго, устройства сохранились и по настоящее время. Наконецъ, мы коснемся вопроса о, классовомъ строеніи современнаго общества.

§2.

Г О С У Д А Р С Т В Е Н Н А Я В Л А С Т Ъ .

Обращаясь къ вопросу о томъ, каковы характерный признаки государственной власти, безъ чего, нельзя представить себѣ государства, къ вопросу о томъ, чѣмъ государственная власть отличается отъ всякой другой власти, необходимо прежде всего, сказать, что, въ этомъ вопросѣ намъ приходится имѣть дѣло, съ данными богатой литературы, принявшей, особенно за послѣднее время, прямо.

таки огромные размеры. Неромыбно, что есть всякая власть: есть власть директора Политехнического института, есть власть общинного начальника и власть городского головы, и сказать, что эти лица не могут издавать общеробязательных норм, аналогичных нормам, издаваемым законодательными учреждениями, значило бы идти против истины. Полицейские регламенты иногда представляют для жителей столь же недрятные неожиданности, как и издаваемые парламентом законы. Во всяком случае власть городского головы или общинного начальника связывает свободные проявления личности, как связывает их нормы, исходящие от законодательных учреждений.

Все это говорится для того, чтобы объяснить Вам, почему человек, занимающий в настоящее время кафедру государственного права в Берлинском университете — Freuss: счел возможным посвятить целое исследование вопросу о том, какая же в сущности имеется разница между властью, положим, общинного или городского начальника издавать обязательные постановления, властью государства издавать законы и властью международного союза опять таки связывать своими нормами и отдельные государства и подданных отдельных государств, властью, проявляющейся очень ясно хотя бы в вопросе об авторской конвенции. Можно связывать волю подданного, я будучи городским головой, я будучи директором Политехникума, я будучи главой верховного правительства — председателем совета министров, или путем конвенции между самостоятельными государствами. Возникает вопрос, что же отличает государственную власть от всех других властей, властей подчиненных?

Этим самым вопросом очень много занимался профессор Геллинек в своих ранних сочинениях, например, в том, которое он посвятил изучению федеративной связи, существующей между государствами, в „*Lehre von den Staatenverbindungen*“. И мне кажется, что интересующий нас вопрос никем не был выяснен так обстоятельно, как именно проф. Геллинеком. Не имея возможности знакомить Вас со всей литературой, имеющейся по вопросу об отличительных признаках государственной власти, я познакомлю Вас с конечными выводами, на которых остановилась эта литература и в особенности нѣмкая наука.

Эти выводы принадлежать къ числу тѣхъ немногихъ выводовъ нѣмцкой государственной науки, которые принимаются и за предѣлами Германіи нѣкоторыми французскими государствовѣдами, а также и англійскими.

Отличительнымъ, характернымъ признакомъ государственной власти, говоритъ нѣмецкая школа, является то, что эта власть - власть с а м о д о в л ѣ ю щ а я, т.е. н е д о п у с к а ю щ а я к о н т р о л я ч л о с т о р о н н е й в л а с т и и я в л я ю щ а я с я и с т о ч н и к о м ъ в с я к и х ъ д р у г и х ъ в л а с т е й в ъ г о с у д а р с т в ѣ. Въ своей „Lehre von den Staatenverbindungen“ (учени о союзахъ, возникшихъ между государствами) Гейлинекъ говоритъ: „Чтобы рѣшить вопросъ, слѣдуетъ ли считать ту или иную публично - правовую корпорацію государствомъ или подчиненнымъ ему союзомъ, надо задѣться вопросомъ, сама ли она создаетъ право или нѣтъ, т.е. получаетъ его отъ другого.“ И въ государствѣ, конечно, не одна государственная власть имѣетъ право создавать юридическія нормы. Тоже можно сказать и о самоуправляемыхъ союзахъ. Но ихъ самотворческая дѣятельность осуществляется или во имя государства или подъ контролемъ государства. Органы самоуправления осуществляютъ функціи государства. Когда послѣднее надѣляетъ ихъ автономіей или даетъ свое признаніе, проявленіямъ власти этихъ органовъ, оно только утилизируетъ ихъ для своихъ цѣлей, переноситъ на нихъ право осуществлять свою волю въ опредѣленной сферѣ. Государство налагаетъ въ данномъ случаѣ на подданныхъ тѣ или другія обязательства не непосредственно, а чрезъ посредство другой силы, которая - или его собственное, созданіе, или существовала раньше его и включена была имъ въ его организацію. Эта мощь не только состоитъ въ непосредственной зависимости отъ государства, но и подчинена въ отношеніи къ осуществляемымъ его функціямъ ежечасно. Примѣняемому праву верховнаго контроля (*jus supremae inspectio-nis.*)

Изданіе, правовыхъ нормъ, творчество, учрежденій въ силу ему одному принадлежащаго и безконтрольнаго права - специфическая особенность государства. Одно государство имѣетъ неподлежащую контролю публично - правовую власть. Одни его инициативы не могутъ быть ни приостановлены, ни измѣнены помимо его собствен-

ного почина. И это справедливо по отношению ко всей государственной деятельности. Мы можем сказать поэтому, что каждый раз, когда тот или другой политический союз в любом из направлений государственной деятельности по собственному праву издаст обязательные нормы, такой союз и является государством, **и отсюда возможность считать существенным и необходимым признаком государства *с а м о у п р а в л я е м о с т ь*, связывание самого себя им же принимаемыми нормами. Если такое право абсолютно не встречает никаких ограничений, мы имеем право говорить о *с у в е р е н н о м ь г о с у д а р с т в ь*. Н е с у в е р е н н ы м ь же надо признать такое, которое допускает связывание его в известных вопросах другим недремлемо суверенным государством. Принятие обязательств исключительно по собственной воле, то, что Геллинек называет: „*Verpflichtbarkeit durch eigenen Willen*," надо считать поэтому юридическим признаком государства.*)

Я сдѣлалъ для Васъ этотъ переводъ изъ сочиненія Геллинека „*Lehre von den Staatsverbindungen*," потому что переведенное мѣсто въ весьма скастой формѣ и на мой взглядъ наиболѣе ясно передаетъ то рѣшеніе разсматриваемаго вопроса; надъ выработкой котораго работалъ цѣлый рядъ знаменитыхъ публицистовъ Германіи и главнымъ образомъ Преиссъ и Геллинекъ.

Дѣло, повидимому — очень просто: Университетъ Петербургскій и Московскій по закону 27 августа 1905 года есть автономное учрежденіе. Въ силу своей автономіи университетъ имѣетъ право издавать известныя опредѣленія, напримѣръ, объ отношеніи студентовъ къ университетской администраціи. Онъ дѣлалъ это по своему разумію, такъ какъ замѣнь другихъ полномочій получилъ отъ правительства бѣлый листъ, на которомъ стояло только автономіа. Въ настоящее время этотъ листъ покрывается разными предписаніями, идущими со стороны правительства и болѣе или менѣе, противорѣчащими автономіи. А такъ какъ власть автономнаго союза, каковымъ является университетъ, не есть власть самоодѣлывающая, неподлежащая контролю другой власти, то этому союзу и приходится

*) Ibid. стр. 34.

** Указ. соч. Геллинека стр. 40.

видозмѣнять свои распоряженія, регулирующія отношенія студенчества къ университету, сообразно съ тѣмъ, что написано. нынѣшними представителями верховной власти на этомъ бланковомъ листѣ. Вотъ положеніе, въ которомъ находится издающее, обязательныя нормы учрежденіе въ силу того, что ему принадлежитъ власть подчиненная, а не государственная: оно является только агентомъ государства, получаеиъ свои директивы отъ государства.

Возьмите съ другой стороны, такія дѣйствія государства, какъ дѣянія австрійскаго правительства, направленное на обращеніе Босніи и Герцеговины въ австрійскія провинціи. На Берлинскомъ конгрессѣ для того, чтобы сдѣлать непріятность Россіи, австрійское правительство было приглашено въ роли педагоговъ по отношенію къ двумъ турецкимъ провинціямъ Босніи и Герцеговины, въ которыхъ турки не могли якобы исполнять функцій, принадлежащихъ имъ по ихъ праву. Такъ какъ турки были въ то время побиты, то они съ этимъ вынуждены были согласиться и уступить свои провинціи Австріи для болѣе подлекачаго управленія имъ. Когда же Россія потерпѣла цѣлый рядъ пораженій во время русско-японской войны и заключила позорный Портсмутскій миръ съ Японіей, а въ Турціи произошелъ государственный переворотъ, руки у Австріи оказались развязанными, и она воспользовалась удобнымъ моментомъ для того, чтобы въ силу самодовлѣющей власти, принадлежащей государству, объявить своими провинціями Боснію и Герцеговину, которыя въ сущности принадлежали не ей, а Турціи. Такой захватъ вызвалъ здесь большое, недовольство въ Турціи и, что особенно любопытно, въ сосѣднихъ государствахъ, правительства которыхъ, быть можетъ, были тоже, не прочь въ силу своей самодовлѣющей власти присвоить себѣ Боснію и Герцеговину. Но не въ этомъ дѣло. Дѣло въ томъ, что Австрія позволила себѣ такой шагъ. Почему? Да потому, что власть государственная есть власть самодовлѣющая и не, подлежащая контролю. Я не говорю, конечно, что въ виду этого, всѣ поступки государства должны отвѣчать требованію справедливости. Вѣдь, еще Вл. Августинъ сказалъ, что государство безъ справедливости есть ничто иное, какъ шайка разбойниковъ, и эти слова Вл. Августина подтверждаются какъ эпохой, когда онъ жилъ, такъ и всей послѣдующей исторіей. Актъ аннексіи Босніи и Герцеговины былъ произведенъ Авст-

ріей въ силу самодовляющей власти.

Представимъ себѣ, что Хорватія и Славонія, австрійскія провинціи, задумали произвести такой актъ. Весьма естественно, что и имъ тоже пріятно было бы присоединить Боснію и Герцеговину. Но онѣ не, смогли бы этого, сдѣлать, такъ какъ у Хорватіи и Славоніи нѣтъ безконтрольной и самодовляющей власти, тогда какъ у Австріи эта власть имѣется. Она не, подлежитъ контролю австрійскихъ подданныхъ и австрійскихъ провинцій, но, конечно, подлежитъ контролю общественнаго мнѣнія своей страны и общественному мнѣнію другихъ, а тѣмъ болѣе, заинтересованныхъ государствъ. Возбужденіе этого, общественнаго мнѣнія можетъ быть настолько, велико, его отношеніе къ акту аннексіи Босніи и Герцеговины можетъ быть въ такой степени отрицательно, что Австрія будетъ вынуждена измѣнить свою политику по отношенію къ Босніи и Герцеговинѣ. Очевидно, сама Австрія слѣдуетъ здѣсь примѣру правительствъ другихъ государствъ, которыя покупали провинціи и у тѣхъ же, ту-рокъ и у другихъ народовъ. И Австрія, конечно, будетъ считать эти провинціи присоединенными къ своей государственной территоріи въ силу пользованія своей самодовляющей властью, но чтобы крѣпче, укрѣпить ихъ за собой, она готова уплатить Турціи нѣсколько, миллиардовъ франковъ. Хотя объ Австріи еще, въ средніе, вѣка сложилась поговорка:

Bella gerant, alii, tu, felix Austria, nube,

Nam quod Mars, alii: dat, tibi Venus.

т.е. пусть другіе, ведутъ войны, а ты, счастливая Австрія, заключай браки, потому, что, тебѣ, Венера даетъ то, что, другіе, получаютъ отъ Марса. несомнѣнно, что, и въ Австріи всегда дѣло, обстоитъ, такимъ образомъ, что, Марсъ сплошь и рядомъ помогаетъ Венерѣ.

Изъ сказаннаго, ясно, что, дѣло, съ опредѣленіемъ государственной власти не, такъ просто. Хотя самоопредѣляемость и составляетъ существенный признакъ государственной власти, но, есть нѣкоторый контроль и за этой, самоопредѣляющей властью, контроль со, стороны международного союза. Вотъ почему Прейосъ говоритъ рѣшительно, объ этой самоопредѣляемости, допуская возможность контроля, введенія въ извѣстныя рамки этой самоопредѣляемости

со стороны членовъ, такъ называемого, европейскаго концерта. Международные интересы требуютъ, чтобы эта самоопредѣляемость была, хотя бы до нѣкоторой степени, стѣснена. И несомнѣнно, что эта самоопредѣляемость была стѣснена, когда рѣчь шла о нашей самоопредѣляемости на Берлинскомъ конгрессѣ. Примѣры прошлаго доказываютъ, что самоопредѣляемости государственной власти ставятся извѣстныя границы путемъ международныхъ соглашеній. Самодовлѣбная власть русскаго правительства въ лицѣ министра иностранныхъ дѣлъ князя Горчакова пользуется раздоромъ Франціи и Пруссіи для того, чтобы избавиться отъ тѣхъ ограниченій нашей самоопредѣляемости, отъ тѣхъ обязательствъ, которыя были наложены на Россію Парижскимъ миромъ по отношенію къ содержанію флота на Черномъ морѣ.

Итакъ, мнѣ кажется, что вопросъ о томъ, чѣмъ отличается государственная власть отъ всякой другой власти, политической, хотя бы и автономной, а тѣмъ болѣе ограниченной власти органовъ мѣстнаго самоуправленія, вполне выясненъ тѣми замѣчаніями, или тѣми рѣшеніемъ, которыя представлены были Геллинекомъ еще въ 1882 г. Не удивительно потому, если въ своемъ новѣйшемъ сочиненіи "Право современнаго государства", Геллинекъ въ сущности ничего не прибавляетъ къ тому, что было сказано имъ уже въ 1882 году. Вы можете убѣдиться въ этомъ изъ слѣдующей цитаты: "Государство должно властвовать, пишетъ онъ, т.е. повелевать безъ условно и вѣри и уждать къ исполненію повелѣніаго. Власть, надѣленная такой силой есть власть государственная. Господство является тѣмъ критеріемъ, который отличаетъ государственную власть отъ всѣхъ другихъ властей. Въ тѣхъ случаяхъ, когда мы находимъ такую власть господствованія у одного изъ лицъ или союзовъ, входящихъ въ составъ государства, такая власть можетъ быть только проиэводной."*)

Въ средніе вѣка существовали многочисленныя союзы негосударственнаго характера, имѣвшіе свою самостоятельную, не дарованную государствомъ власть господствованія. Такимъ союзомъ прежде всего была церковь. Рядомъ съ ней такими союзами могли быть и свѣтскіе союзы. Геллинекъ указываетъ на феодальный союзъ.

*) Право современнаго государства. т. I. стр. 313.

Очевидно, что о примѣненіи къ такому союзу критерія государственной власти, выставленнаго выше, не можетъ быть и рѣчи. Трудно будетъ сказать, кому принадлежала государственная власть во Франціи въ то время, когда въ ней воцарились Капетинги. Известенъ отвѣтъ, данный однимъ изъ французскихъ графовъ, т.е. высшихъ феодальныхъ владѣльцевъ цѣлой областью, когда Гуго Капетъ позволилъ себѣ задать ему слѣдующій вопросъ, имѣя въ виду самодовлѣщій характеръ своей власти: "Кто тебя поставилъ графомъ?" На этотъ вопросъ графъ отвѣтилъ: "а тебя кто поставилъ королемъ?" Очевидно, что въ то время за королемъ Франціи еще не признается самодовлѣющая власть. Но такъ какъ Гуго Капетъ и его ближайшіе преемники всѣми правдами и неправдами старались укрѣпить владичество французскаго короля, то, напримѣръ, уже при Филиппѣ IV Красивомъ никто изъ французскихъ вельможъ и не осмѣлился бы задать королю вопроса объ источникахъ его королевской власти, какъ дѣлалъ это одинъ изъ графовъ Гуго Капетъ. И съ этого только времени проведено было въ жизнь то начало, что государственная власть есть единственная самодовлѣющая и не контролируемая власть. Нагляднымъ доказательствомъ этого служить вся практика французскаго законодательства. Можно сказать, что французское государство, какъ и вообще всякое средневѣковое государство, было поставлено въ необходимость отчуждать свои верховныя права отдѣльнымъ владѣтельнымъ князьямъ — феодаламъ до такихъ предѣловъ (право держать висѣлицы, право суда надъ жителями феодала, право облагать налогами лицъ, провозившихъ свои товары черезъ владѣнія феодала и т.д.), въ которыхъ естественно возникаетъ вопросъ о томъ, принадлежитъ ли самодовлѣющая власть одному только верховному правителю или многимъ, болѣе мелкимъ правителямъ отдѣльныхъ областей. И такое важное право феодаловъ, какъ право держать висѣлицы — одно изъ тѣхъ правъ, которыя отмѣняются еще въ 1789 году во Франціи. Нечего говорить, конечно, что имъ не пользовались уже давно, что Людовикъ XIV едва ли бы допустилъ возможность примѣненія этого права хотя бы однимъ французомъ, но формально это право не было отмѣнено до 1789 года. Что же было сдѣлано французскимъ правительствомъ въслѣдствіи для разрѣшенія этого вопроса? Уже въ эпоху Филиппа II Августа достаточно было королю узнать, что тѣмъ или другимъ феодальнымъ

владѣльцемъ отказано въ правосудіи однимъ изъ его подданныхъ или рѣшено неправильно, то или иное дѣло, какъ французскій ко- роль требовалъ въ силу, такъ называемой, эвокаціи дѣло на разбирательство своего парламента, своего верховнаго суда, а то и просто комиссаровъ своего правительства. По мѣрѣ же усиленія государственной власти, она ведетъ все болѣе усиленную и энергичную борьбу съ правами и властью самостоятельныхъ союзовъ государственнаго характера и отдѣльныхъ феодальныхъ владѣльцевъ. Въ этой борьбѣ постепенно происходитъ поглоченіе власти союзовъ и лицъ государственной властью. Современное государство, хотя и признаетъ за каждымъ индивидомъ и каждымъ союзомъ определенную закономъ сферу свободы отъ вмѣшательства государственной власти, но признать самостоятельную власть, или государственное оно ни за однимъ изъ нихъ не можетъ.

Слѣдовательно, ея н е п р о. и з в о. д. н о. с т. ѣ., ея с а м о. д о. в л. ѣ. м. о. с т. ѣ., ея с а м о. о. п. р. е. д. ѣ. л. я. е. м. о. с т. ѣ. и ея б е. з. к. о. н т. р. о. л. ь. н. о. с т. ѣ. - вотъ что должно считаться существенными и необходимыми признаками государственной власти.

Когда все эти признаки характеризуютъ данную государственную власть, только тогда можно говорить о томъ, что эта власть с у в е р. е. н. а . На русской языкъ это можетъ быть передано терминомъ с а м о. д. е. р. ж. а. в. і. е., и никто иной, какъ проф. Ключевскій весьма убѣдительно доказалъ, что самодержавнымъ русское государство сдѣлалось съ того момента, когда прекратился платежъ всякой дани по отношенію къ владѣльцамъ Золотой Орды, что „самодержавный“ есть буквальный переводъ греческаго термина *αὐτοκρατος*, что „самодержавіе“ значило, что русский государь не состоитъ отнимъ* вассаломъ другого государства, а это всегда и обозначалось терминомъ „суверенный“ по отношенію къ государству и государю до тѣхъ поръ, пока и государство и государь совпадали.

Ученіе о суверенитетѣ возникаетъ тогда, когда правители отдѣльныхъ государствъ Европы начинаютъ настаивать на признаніи ихъ независимости отъ главы всего христіанскаго католическаго міра - императора Священной Римской Имперіи, въ теоріи презвѣщавъ

власти римскаго императора Августа, который опять таки въ гео- ргiа и съ явнымъ нарушенiемъ исторiи въ силу никогда, неиздан- наго закона *Lex regia*, получили всё права римскаго народа, благо- даря добровольной передачи народомъ этихъ правъ въ его руки. Съ того момента, когда отдѣльные правители обнаружили желанiе не считаться вассалами германо- римскаго императора, былъ по- ставленъ на очередь вопросъ о томъ, не является ли существеннымъ признакомъ государственной власти ея суверенитетъ. Такъ какъ разумѣется, всё государства и по настоящее время не желаютъ быть зависимыми, то и суверенный характеръ власти является однимъ изъ обычныхъ признаковъ государственной власти. Но нужно замѣтить, что не всё государства пользуются суверенитетомъ, и если Болга- рiа въ силу пользованiя самодовлѣющей властью сдѣлалась суверен- ной и получила своего царя, то это явленiе недавняго времени, такъ какъ съ эпохи Сакъ - Стефанскаго и Берлинскаго мира Болга- рiа не была сувереннымъ государствомъ: она не могла, напри- мѣръ вести войны безъ вѣдома правительства турецкаго государ- ства, которое по отношенiю къ Болгарiи являлось государствомъ сувереннымъ.

Въ исторiи политическихъ ученiй понятiе суверенитета имѣеть самая разнообразная значенiя. И нужно сказать, что доб- рая половина изъ того, что говорится о суверенитетѣ, къ этому ученiю не имѣеть никакого отношенiя. Одни ученые говорили и говорятъ о суверенитетѣ государства, другiе говорятъ о суверени- тетѣ народа, а третьи утверждали, что суверенитетъ принадле- жить только разуму. Но все это подчасъ никакого отношенiя къ самому вопросу о суверенитетѣ не имѣеть. Въ дѣйствительности вопросъ о суверенитетѣ есть вопросъ о самостоятельности или несамостоятельности государства. Такъ какъ въ среднiе вѣка со времени Карла Великаго возникло государство, которое пожелало достигнуть владычества въ предѣлахъ всего мiра одного импера- тора, на этотъ разъ императора Священной Германо- римской Имперiи, то съ момента ослабленiя этого государства и его при- гязанiй на всемiрное господство впервые былъ поставленъ вопросъ о суверенитетѣ. Довольно любопытно отмѣтить, что у писателей на рубежѣ среднiхъ вѣковъ ^и новаго времени уже поднимается вопросъ о томъ, какiя же государства могутъ быть признаны суверенными.

И этот вопрос решается в том смысле, что Англия, как государство, никогда не входившее в состав Священной Римской Империи, должно считаться государством суверенным. На этот счет никакого разногласия у юристов и публицистов в конце средних веков и начала нового времени не возникает. Правда, были моменты, когда и Англия могла утратить свой суверенитет, это тогда, когда Англия угрожала опасности попасть в зависимость, или не от светского главы католического мира - императора, то от духовного его главы - папы. В эпоху разногласия со своими великими баронами, до издания Великой Хартии вольностей, Иоанн Безземельный задумывает ради изыскания средств на борьбу с баронами объявить, что Англия является членом апостольского стола, т.е. превратить Англию из суверенного государства в государство зависимое от римского папского престола. Заметьте, что это время было эпохой необычайного усиления папской власти. Папский престол занимал Иннокентий III, который считал своим ленным имуществом Королевство Обихь Сицилии. Во время владения Анжуйского дома в Неаполитанской области и Сицилии верховным правителем их являлся папа Иннокентий III. Та же претензия на верховенство, или суверенитет папа Иннокентий III предъявлял к существовавшим или вновь возникавшим славянским государствам на Балканском полуострове. В этот момент Иоанн Безземельный согласился обратиться Англию в ленное владение римского папы. Но собравшийся Большой Совет заявил, что он не желает, чтобы законы Англии были изменены, чтобы английское государство, хотя бы только в церковных делах подчинилось власти римского папы, и король должен был отказаться от своей мысли обратиться из-за корыстных целей в вассала папы. С этого времени уже не ставится вопрос о том, является ли Англия суверенным государством. Ответ ясен: Англия государство суверенное.

Когда публицисты конца XVI и начала XVII века ставят вопрос о том, какие государства - суверенны, то во главе за Священной Римской Империей на втором месте они ставят Англию и присоединяют к этим двум государствам с одной стороны, Францию и с другой, Арагонское королевство. Вот четыре

государства, которые признаются суверенными; всё же, остальные считаются государствами зависимыми.

Если мы рассмотрим политическую карту Европы более позднего времени, то мы не можем признать суверенным государством, например, Маркграфство Бранденбургское, так как оно находится в ленной зависимости от польского короля. Так называемая, наследственная земля Габсбургского дома, входившая до начала XIX столетия (1806 года) в состав Священной Римской Империи, так же не составляет суверенного государства. Можно говорить о том, что Италия того же времени была самостоятельным государством? Италии собственно не было. Была Ломбардо - Венецианская область, которая после немногих лет освобождения снова подпала под владчество Австрии и вошла в состав Австрийских земель. Объединенной Италии в то время не было. Следовательно, можно сказать, что число суверенных государств стало уменьшаться только за последнее время.

Но тут возникает новый вопрос. Многие из них (государств) вошли в состав федеративных государств. Можно ли считать суверенным государством например, Баварию, которая входит в состав германской Империи, которая не может воевать, если не двинется вся Германская Империя или не будет отдлено распоряженіе, о мобилизація войск во всей Империи? Мы приходим впоследствии говорить о так называемом, союзном государстве и союзе государств, объединя реальный и личный. Вы увидите тогда, что вопрос о суверенитетѣ не может быть решенъ въ томъ смыслѣ, что всякое государство потому только, что оно государство, - суверенно. Въ этомъ смыслѣ высказываются цѣлый рядъ нѣмецкихъ публицистовъ. Но этотъ взглядъ встрѣчаетъ рѣшительный отпоръ во Франціи, например, со стороны бордосскаго профессора Дюги, который высказываетъ цѣлый рядъ соображеній, главнымъ образомъ, историческаго характера, направленныхъ противъ этого признанія.

Ученіе о суверенитетѣ - ученіе новаго времени. Оно было высказано на рубежѣ новаго времени Боденомъ въ его сочиненіи „Les six livres de la германііа“, въ которомъ уже поставлены многіе изъ основныхъ вопросовъ государственнаго права, и

между прочимъ, выдвинуть и въ Россіи о суверенитетѣ. Какъ сборникъ того, чтобы Франція считалась государствомъ, имѣющимъ самодовлѣющую власть, онъ выставилъ ученіе о томъ, что необходимымъ признакомъ государства является суверенитетъ и что этотъ суверенитетъ неотчуждаемъ и недѣлимъ. Такимъ образомъ, можно сказать, что Боденъ является родоначальникомъ ученія, которое вы найдете въ "Общественномъ договорѣ" Руссо, только произведшаго переибычу въ лицѣ субъекта. Боденъ говоритъ о суверенитетѣ г о с у д а р с т в а , какъ необходимомъ признакѣ государства, а Ж. Ж. Руссо — переноситъ понятіе суверенитета на народъ. Сувереномъ является народъ. Ученіе Ж. Ж. Руссо, признающаго, что народный суверенитетъ неотчуждаемъ и недѣлимъ, есть ничто иное, какъ прямое перенесеніе съ одного субъекта — государство, на другой — на народъ понятія о неотчуждаемомъ и недѣлимомъ суверенитетѣ. Нѣмкѣз, публицисты, не желая признавъ сувереннаго народа, оставили вѣрными доктринѣ Эана Бодена. Они утверждаютъ, что г о с у д а р с т в о и е о б ъ е д и н е н н о о б л а д а е т с я суверенитетомъ, и что такой суверенитетъ неотчуждаемъ и недѣлимъ.

Вотъ, господа, гѣ основныя представленія, какія связаны съ понятіемъ суверенитета. Суверенитетъ — это самодовлѣющая государственная власть, недопускающая надъ собой контроля никакой посторонней силы. На русскомъ языкѣ этого нельзя передать иначе, какъ словомъ самодержавіе: самодержавіе Россійской Имперіи. Россійская Имперія такъ же самодержавна, какъ д самодержавна Французская Республика, какъ самодержавно Англійское Королевство. Но англичане передаютъ это самое понятіе суверенитета и самодержавія нѣсколько иначе. Они говорятъ: нѣтъ на землѣ большей власти, чѣмъ та, которая принадлежитъ англійскому парламенту, и этотъ парламентъ состоитъ изъ трехъ неравныхъ составныхъ частей: короля, палаты лордовъ и палаты общинъ. Все въ предѣлахъ физической возможности можетъ быть осуждено парламентомъ. Конечно, парламентъ не можетъ отиѣнить электричество, но парламентъ можетъ отиѣнить палату лордовъ и королевскую власть, разумѣется подъ однимъ условіемъ, если составныя части парламента: король, лорды и палата общинъ сойдутся въ этомъ

желанія. Итакъ, то самое, понятіе самодовлѣющей государственной власти, которое въ одномъ мѣстѣ передается терминомъ: самодержавіе, въ другомъ - терминомъ суверенитатъ, въ третьемъ мѣстѣ можетъ передаваться описательно. - въ смыслѣ всемогущества англійскаго парламента. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы имѣемъ дѣло съ однимъ и тѣмъ же понятіемъ.

Есть то, немногое, что я считалъ нужнымъ сказать Вамъ о государственной власти, какъ необходимомъ составномъ элементѣ самого понятія государства. Гдѣ нѣтъ самодержавной государственной власти, гдѣ нѣтъ всемогущности самоопредѣленія для государства, тамъ нѣтъ, конечно, и самого государства.

§ 3.

НАСЕЛЕНІЕ.

Рядомъ съ государственной властью, какъ верховной и являющейся источникомъ всѣхъ другихъ властей въ государствѣ, составнымъ элементомъ послѣдней является населеніе. Оно состоитъ изъ лицъ и семействъ, связываемыхъ въ своей дѣятельности волею государства, т.е. чужой для нихъ волей. Не можетъ подлежать никакому сомнѣнію, что населеніе является необходимымъ составнымъ элементомъ въ понятіи государства. Немыслимо представить себѣ государство безъ населенія.

Основнымъ вопросомъ въ главѣ о населеніи является слѣдующій: совпадаетъ ли понятіе подданства съ понятіемъ гражданства? Въ современномъ государствѣ считается по крайней мѣрѣ желательнымъ, чтобы эти понятія совпадали. И подданные въ

Общее ученіе о государствѣ.
Изд. Студ. Кассы Взаимопом.
Литографія Трофимова.

Проф. М.И. КОВАЛЕВСКАГО.
СПб. Политехн. Институтъ.
СПб. Мокайская 3.

Сост. Филипповъ. Л. 9.

современномъ правовомъ, или конституціонномъ государствѣ являются одновременно. и участниками въ дѣлѣ осуществленія государственной власти; въ этомъ смыслѣ они должны почитаться его гражданами. Вѣроятно, каждому изъ Васъ бросается въ глаза это стремленіе современнаго государства къ уравниенію подданнаго и гражданина. Но, разумѣется, только пустымъ краснорѣчіемъ можно было бы объяснить, если бы лѣтъ 20 - 25 тому назадъ въ обращеніи къ Государю или къ какому нибудь другому представителю власти я расписался гражданиномъ Россіи. Тогда у насъ понятія не покрывали другъ друга. Несомнѣнно, что у передовыхъ народовъ Европы они другъ друга покрываютъ.

Однимъ изъ первыхъ сочиненій, въ которомъ всего раньше былъ рѣшенъ вопросъ о соотношеніи понятій подданства и гражданства, было извѣстное сочиненіе Руссо "Общественный договоръ" (*Contrat social*). Я напомню Вамъ подлинныя слова Руссо Руссо еще раньше обнаруженія своего политическаго трактата очень любилъ говорить о себѣ, какъ о членѣ сувереннаго государства, - „*membre du souverain*“ - и потому и его гражданинѣ. Этимъ сувереннымъ государствомъ былъ городъ Женева, который, однако, обнаружили впоследствии свое отношеніе къ своему подданному и гражданину Ж.Ж.Руссо. только въ томъ смыслѣ, что изгнали его изъ своихъ предѣловъ за его сомнѣнія въ правомѣрности правящей въ Женевѣ аристократіи, сомнѣнія, высказываемыя въ его сочиненіи. Въ „Общественномъ договорѣ“ Руссо даетъ такое опредѣленію понятію „*citoyen*“: „*citoyen*“ это - „*participant, a l'autorité souveraine*“. Эти его слова встрѣчаются прежде всего въ стихотвореніи, въ которомъ онъ описываетъ неудобства междуусобной борьбы, происходившей въ то время въ его отечествѣ. Эта, хотя и некрополитная революція подвергала сомнѣнію будущность Женевы, такъ какъ ея существованію угрожала французская абсолютная монархія. Страхъ передъ ея притязаніями примиряетъ враждующія партіи въ Женевѣ. Тогда Руссо поетъ гимнъ миру, въ которомъ онъ и говоритъ, что подданный Женевы, онъ, являясь членомъ сувереннаго государства, является и его гражданиномъ. А затѣмъ эта доктрина находитъ свое философское обоснованіе въ трактатѣ

„Общественный договор“.

Въ этомъ своемъ трактатѣ, разсматривая вопросъ о томъ, какъ путемъ общественнаго договора люди выходятъ изъ естественнаго состоянія и передаютъ все свои права всей совокупности людей, образующихъ государственное сообщество, Руссо заявляетъ, что съ заключеніемъ этого договора люди ничего не теряютъ, такъ какъ свои права они уступили всей совокупности, а оттого, что личное выступленіе отдѣльнаго человѣка замѣнилось выступленіемъ всей совокупности, индивидъ не только ничего не потерялъ, но, наоборотъ, приобрѣлъ большую силу. Какъ же стали называться люди послѣ того, какъ они перешли изъ естественнаго въ государственное состояніе? Каждый въ отдѣльности индивидъ по отношенію ко всей совокупности является подданнымъ, но такъ какъ вся совокупность осуществляетъ права, принадлежавшія въ сущности отдѣльнымъ индивидамъ, положившимъ основаніе государству, то я, какъ часть этой совокупности, являюсь частью сувереннаго государства, слѣдовательно я гражданинъ. Или какъ говоритъ самъ Руссо: „Люди, образуя государство, принимаютъ коллективное названіе народа и именуется каждый въ отдѣльности гражданиномъ, какъ участвующій въ верховной власти, и подданнымъ, какъ подчиненный государственной власти“. *)

Такимъ образомъ, понятіе „подданный“ и „гражданинъ“ сливаются. Очевидно, что для полнаго совпаденія понятія подданнаго и гражданина необходимо было бы, чтобы все жители государства безъ различія пола и возраста принимали участіе въ осуществленіи верховной государственной власти, т.е. власти законодательной, необходимо было бы, чтобы все они были надѣлены избирательными правами. А этого въ дѣйствительности нѣтъ на лицо, и этимъ, повидимому, не былъ озабоченъ и самъ Руссо, не упоминающій ни единымъ словомъ объ избирательныхъ правахъ женщинъ.

Волюе, послѣдовательнымъ въ этомъ отношеніи является цѣликомъ принимающій ученіе Руссо знаменитый К о н д о р с е .

*) Р у с с о . Общественный договоръ. ч. I. гл. VI.

Этотъ послѣдній впервые на континентѣ Европы признаетъ то, за что впоследствии будетъ ратовать Дж. Ст. Милль, - начало равноправія половъ. Но вы знаете, что за исключеніемъ небольшого числа штатовъ Эвверо-Американской федераціи, болѣе близкихъ къ Тихому океану, нежели къ Атлантическому, штатовъ молодикъ и весьма не густо населенныхъ, заприѣрь, штатовъ Вайоминга, (я, конечно, Финляндіи) нигдѣ избирательное право женщинамъ на государственныхъ выборахъ не предоставлено.

Другое дѣло избирательное право на земскихъ выборахъ. Такими правами женщины обладаютъ во многихъ наиболее демократическихъ государствахъ. Поэтому всегдѣ остается нерѣшеннымъ вопросъ, въ какой мѣрѣ подданный является гражданиномъ. Если гражданиномъ долженъ быть участникомъ въ осуществленіи верховной власти, если признать, что каждый, участвующій въ политической жизни, есть участникъ въ дѣлѣ осуществленія государственной власти, то можно сказать, что такими участниками и, слѣдовательно, гражданами является только взрослое мужское населеніе страны. Но нельзя сказать, что это начало распространяется и на женщинъ, и тѣмъ болѣе на подростковъ.

Теоретики государственнаго права, которые тѣмъ не менѣе, желали бы защитить доктрину Гуссо, о томъ, что подданство совпадаетъ съ гражданствомъ, стали проводить во Франціи различіе между, такъ называемыми, публичными правами и правами политическими. Публичныя права это тѣ, такъ называемыя, необходимыя вольности, которая какъ свобода физическихъ и нравственныхъ проявленій личности, т.е. свобода передвиженія, свобода отъ задержанія, свобода совѣсти, слова, печати и т.д., признаются за всеми подданными независимо отъ его пола, наличности или отсутствія постоянного мѣста жительства и обладанія какими либо имуществомъ. Что касается до политическихъ правъ, то государство даетъ эти права тѣмъ или инымъ, отвѣчающимъ неизвѣстнымъ условіямъ, категоріямъ подданныхъ, имѣя въ виду, что представительное устройство есть такое устройство, которое ставить задачу управленія страной лучшими людьми, т.е. людьми, наиболее проникнутыми чувствомъ законности и чувствомъ патриотизма.

Отсюда возникшее, давно уже, учение, о томъ, что право участия въ осуществленіи законодательной власти могутъ обладать только тѣ, кто имѣеть постоянный интересъ въ государствѣ. Слѣдовательно, не лица, владѣющія движимой собственностью или капиталомъ, которыя держатъ свои богатства сегодня въ парижскомъ банкѣ, а завтра, въ случаѣ проведенія прогрессивно-подходнаго налога во Франціи, переносятъ ихъ, скажемъ, въ бельгійскій банкъ, а только тѣ, которые владѣють имуществомъ, не подлежащимъ такому перенесенію въ иностранныя банки, т.е. недвижимостью. Вотъ почему многими писателями проводилось то учение, что политическими правами должны быть надѣлены только люди, имѣющій постоянный интересъ въ государствѣ въ формѣ недвижимаго имущества опредѣленнаго размѣра. Цѣлостныя сужденія избирательнаго права сводятся къ одному: только владѣніе недвижимостью даетъ право быть участникомъ въ осуществленіи государственной власти.

Можно сказать, что было сдѣлано большой шагъ впередъ, когда Учредительное Собраніе 1789 года, задавшись вопросомъ объ избирательномъ правѣ, разбилось на два лагеря: меньшинство и большинство, но не вопросу о томъ, давать ли право избранія только обладателямъ недвижимой собственности, но и по вопросу о томъ, нужно ли вообще какое нибудь обезпеченіе, для того, чтобы индивидъ могъ пользоваться политическими правами. Въ то время, какъ Гоберньеръ и его единомышленники выступили сторонниками всеобщаго права голосованія, другіе члены Учредительнаго Собранія высказывали соображенія въ пользу установленія ценза независимо отъ рода собственности. Эти послѣдніе встали на ту точку зрѣнія, что лишь нѣкоторый достатокъ даетъ возможность человѣку приобрести тѣ элементныя знанія, безъ которыхъ трудно сознательно голосовать въ законодательное собраніе страны. Этотъ достатокъ они опредѣляли довольно скромно: этотъ достатокъ имѣлся платѣжемъ налоговъ, равняющихся, по крайней мѣрѣ, трехдневной заработной платѣ. Тѣ, которые имѣли этотъ достатокъ, получили названіе активныхъ гражданъ - *citoyens actifs* и пользовались правомъ участвовать въ избирательномъ собраніи; тѣ, ко-

торые не имѣли этого достатка, остались въ категоріи гражданъ пассивныхъ - *citoyens passifs* -. Довольствуясь такимъ, собственно говоря, очень скромнымъ цензомъ для выборовъ, законодатель конституціи французской 1791 года установилъ сравнительно уже высокій цензъ для избираемыхъ. Для того, чтобы попасть въ выборщики, нужно было быть собственникомъ или usufructуаріемъ имущества, доходъ съ котораго не былъ меньше, 200-дневной заработной платы или нанимателемъ жилища, доходность котораго установлена была въ размѣрѣ не менѣе 150 дневной заработной платы. Необходимость такого высокаго ценза для избираемыхъ мотивировалась тѣмъ, что выборные должны имѣть возможность составлять опредѣленные сужденія по вопросамъ государственнаго устройства, подчасъ довольно сложнымъ. Для того, чтобы съ честью выполнять трудныя обязанности народныхъ представителей, нужны знанія, а эти знанія могутъ быть приобрѣтены лишь людьми значительнаго достатка.

Отсюда теорія, которая находитъ сторонника въ лицѣ В е н ж а м е н а - К о н с т а н а , которая будетъ повторена Г и з о , которая развѣется въ доктрину суверенитета разума. Начало этой теоріи, особенно выдвигавшей Гизо, можно сказать было положено еще въ Англіи королевскими призывными письмами ХІУ столѣтія и раньше. Этими письмами признавались лучшіе люди страны, проникнутые духомъ законности и патріотизма, помогать королю въ дѣлѣ управленія англійскимъ королевствомъ. Основное требованіе этой доктрины отвергнуто въ настоящее время во Франціи, хотя до нѣкоторой степени удержалось въ другихъ государствахъ, наприѣръ, въ Италіи, которая дѣлаетъ одно только исключеніе изъ всеобщаго избирательнаго права: въ Италіи правомъ голоса пользуются всѣ полноправные граждане, знающіе грамоту. Это то же самое исключеніе, которое предлагается въ Австріи въ законопроектѣ выработаннымъ, не такъ давно, Андрашъ. Этотъ послѣдній выработалъ проектъ избирательнаго закона, вызвавшій очень большое недовольство въ странѣ, проектъ, который требовалъ извѣстнаго уровня знаній отъ людей, желающихъ получить голоса на выборахъ въ законодательныя учрежденія страны. На практикѣ это ограниченіе чрезвычайно важ-

но, такъ какъ большинство низшихъ классовъ венгерскаго населенія принадлежитъ къ славянскому и мадярскому племени и не можетъ удовлетворить указаннымъ въ законопроектѣ требованіямъ. И для теоретическаго обоснованія своего законопроекта Андраши, выдвигаетъ соображенія, приводимыя доктриной суверенитета разума. Его затаянная цѣль заключается, конечно, въ томъ, чтобы устранить отъ участія въ выборахъ наиболѣе демократическіе эллы населенія.

Итакъ, для того, чтобы оправдать представленіе о томъ, что подданный непреимѣнно потому самому — гражданинъ, придумана была теорія, отличающая публичныя права отъ правъ политическихъ, причемъ политическими правами признается право участія въ осуществленіи верховной государственной власти.

Противъ этой доктрины можно возразить слѣдующее. Не нужно быть русскимъ для того, чтобы пользоваться въ Россіи публичными правами. Если у насъ будетъ проведенъ законъ, отъвѣчающій англійскому закону Habeas Corpus, если у насъ будетъ отмѣнена паспортная система, то этимъ воспользуются не только коренные жители Россіи, но и всякій французъ, англичанинъ и иной иностранецъ. Общее для всѣхъ современныхъ государствъ стремленіе состоитъ въ томъ, чтобы обезпечить всѣмъ жителямъ вселенной свободу физическихъ и нравственныхъ проявленій личности. Слѣдовательно, сказать, что пользование публичными правами обращаетъ человѣка въ гражданина было бы невѣрно. Нѣтъ необходимости быть гражданиномъ для того, чтобы въ современныхъ передовыхъ государствахъ пользоваться свободой физическихъ и нравственныхъ проявленій личности. Можно не быть гражданиномъ Англіи и пользоваться всѣми публичными правами англичанина. Нельзя сказать, что только одни англичане могутъ издавать газеты или журналы въ Англіи, — тогда бы Герцену не пришлось издавать „Полярной Звѣзды" и „Колокола", такъ какъ онъ не былъ англійскимъ гражданиномъ. Нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія, что отъ Герцена никто не требовалъ, чтобы онъ принесъ присягу въ признаніи супрематіи королевы Викторіи; слѣдовательно, онъ пользовался свободой совѣсти, не будучи гражданиномъ Англіи. Если бы Герцену желательно было обсудить со своими единомышлен-

никами какойнибудь вопрося, то никакыхъ препятствій этому не чинилосьъ бы со стороны англійской администраціи. Следовательно, свобода физическихъ проявленій личности признается въ современныхъ перадовихъ государствахъ точно такъ же, какъ и свобода нравственныхъ проявленій личности, не только для подданныхъ государства, но и для иностранцевъ. А если такъ, то нельзя сказать, что, если я пользуюсь свободой физическихъ и нравственныхъ проявленій личности, то я — не только подданный, но и гражданинъ даннаго государства. Отсюда тотъ выводъ, что съ понятіемъ гражданства связывается представленіе объ участіи въ осуществленіи политической власти.

Въ наши дни Германская юридическая школа въ лицѣ Іедлинека замѣняетъ французскую доктрину публичныхъ и политическихъ правъ доктриной правъ объективныхъ и субъективныхъ. Въ самихъ общихъ чертахъ это ученіе можетъ быть передано словами того же Іедлинека въ слѣдующемъ видѣ: „Признаніе индивида лицомъ служить основой всѣхъ правоотношеній,“ говоритъ Іедлинекъ; индивидъ, будучи лицомъ, подчиненъ лишь ограниченной власти. Всякое притязаніе государства къ индивиду должно имѣть правовое основаніе. Та возможность индивидуальныхъ проявленій личности, которая остается на лицо, за вычетомъ правовыхъ ея ограниченій, образуетъ сферу ея свободы. Оставшаяся за личностью возможность проявлять эту свободу и есть ея субъективное право. Современное государство стремится распространить это позваніе, субъективными правами или, по крайней мѣрѣ, частью ихъ не только на всѣхъ своихъ подданныхъ, но и на иностранцевъ. Равенство этихъ правъ, вытекающае изъ понятія „законъ одинъ для всѣхъ“, свидѣтельствуетъ требованіямъ той революціи, къ которой по вѣрному замѣчанію Г а л л а м а , стремились еще древнія Арины, которая достигнута была Римомъ со времени императора Каракаллы, то есть въ моментъ широкаго ограниченія субъективныхъ правъ императорскою властью. Въ новое время идеология представляется намъ на первыхъ порахъ въ болѣе скромныхъ границахъ прирощеннаго права жителей той или иной страны, въ частности Англій. „Bright“ называетъ его реви-

тель гражданского уравнения, низелляторъ или лезеллеръ, Д ж о н ъ Л и л ь б о р н ъ во. Срединѣ XVII вѣка. Но уже у Л о к к а прирочденное право англичанина уступаетъ мѣсто прирочденному праву челоуѣка, и школа, такъ называемаго, естественнаго права подготолвляеть рѣшеніе считать эти права „преимущественными во. времени и высшего. порядка сравнительно съ тѣми, которыя создаются закономъ государства“. Мы слѣдуемъ терминологіи знаменитой „Declarations des droits de l'homme“.

А. К а с т о в о е у с т р о й с т в о .

Какъ указано было. выше, современное государство характеризуется стремленіемъ достигнуть того, чтобы подданство сливалось съ гражданствомъ. Но такое стремленіе совершенно не замѣчается на раннихъ ступеняхъ развитія гражданственности. Идея равенства, идея гражданства — идея сравнительно новая, которую, разумѣется, такъ же мало пойметъ средній челоуѣкъ, взятый, положимъ, изъ индусскаго общества, какъ мало пойметъ средній челоуѣкъ изъ нишей среди то. взаимное, отвращеніе, которое. питають другъ къ другу подданные одного государства, разъ они принадлежать къ различнымъ кастамъ.

Спрашивается теперь, можно ли говорить о томъ, — какъ это дѣлалось и дѣлается во многихъ трактатахъ по исторіи, по философіи и по объему государственному праву — что. въ порядкѣ развитія идея подданства нужно всегда начинать съ кастового устройства, какъ представляющаго. собой самое. рѣзкое выраженіе, исключительности отдѣльныхъ общественныхъ группъ, какъ антиподъ. представленію о гражданскомъ равенствѣ, которое. современныя государства проводятъ въ своихъ законодательствахъ, а затѣмъ уже. переходить отъ кастового устройства сперва къ сословному устройству, а послѣ того. къ устройству классовому, которое. можетъ удерживаться и при томъ гражданскомъ равенствѣ, при

той изополити, которая составляла идеаль Афинь, была до нѣко-
торой степени осуществлена Римомъ во времена Каракаллы и стала
осуществляться на дѣлѣ на континентѣ Европы лишь съ 1789 года?
Если бы вернулись Вы къ тому времени, когда мнѣ приходилось
держатъ магистерскій ^{еу} замѣнь, если бы Вы обратились къ поятеннымъ
сочиненіямъ профессора В л ю н ч л и , который доучалъ намъ когда-то,
какъ теперь доучаетъ Вамъ профессоръ Іедлинекъ, то Вы нашли бы въ
его сочиненіяхъ эту самую градацию: касты, сословія, классы. Вы
найдете ее отчасти и въ знаменитой "Энциклопедіи государственныхъ наукъ" Р о б е р т а М о л я ,
которая дастъ представленіе, о самыхъ разнообразныхъ взглядахъ,
которыхъ можно держаться на одинъ и тотъ же предметъ, если не
обратиться къ индуктивно-дедуктивному методу изученія. Это
сочиненіе, прямо таки невѣроятно, уже по одной своей обширности:
оно занимаетъ три большихъ тома in quarto. И оно особенно
интересно для насъ, потому что нѣтъ ни одного русскаго
ученаго, который не почерпнулъ бы своей учености изъ этой
"Энциклопедіи". Когда Вы найдете въ различныхъ русскихъ
сочиненіяхъ ссылки на ученыхъ Klüber'a, Zachariae, Zbrfl'я и
многихъ другихъ, то знайте: эти ссылки заимствованы изъ
"Энциклопедіи государственныхъ наукъ" Роберта Моля.

Несмотря на всю эту ученость и послѣ выхода въ свѣтъ
этого сочиненія, вопросъ о томъ, стоятъ ли касты, сословія и
классы въ отношеніи умоляющей исключительности, остается
болѣе, чѣмъ спорнымъ. Высказывается въ нозѣйшее время мнѣніе,
что кастовое устройство вовсе не составляетъ общаго явленія,
какъ склонны были думать раньше. Для того, чтобы оно
возникло, требуются совершенно исключительныя условія,
которыя нигдѣ не привились въ такой степени, какъ въ Индіи.
Можетъ быть это покажется страннымъ, но вопросъ о кастахъ,
который изучается самое меньшее лѣтъ полтора ста, до сихъ поръ -
наименѣе изученный вопросъ изъ всѣхъ вопросовъ исторіи,
этнографіи и государственнаго права.

Вы, вѣроятно, все еще изъ гимназіи вынесли тѣ элементарныя
свѣдѣнія, которыя даются о происхожденіи кастъ. Обыкновенно
это сводится къ разсужденію, которое имѣется еще въ

зборникъ древняго индусскаго обычнаго права „Ману“. Въ сборникѣ „Ману“ говорится, что Б р а м а , одинъ изъ трехъ высшихъ существъ, признававшихся религіей индусовъ: Б р а м а - созиданій міръ, В и ш н у - сохраняющій и С и в а - разрушающій міръ (Т р и м у р т и), положилъ основаніе дѣленію индусскаго народа на нѣсколько наследственныхъ кастъ, что изъ головы Брами крещи, или браминн, изъ его рукъ вышли воины или, такъ называемые кшатриі, изъ живота Брами вышли скотоводы, и, наконецъ, изъ его ногъ вышли слуги, или такъ называемые, судрасы. Затѣмъ, уже, безъ помощи Брами появляются на свѣтъ Божій паріи (группы лицъ, не принадлежавшихъ ни къ одной изъ только что указанныхъ четырехъ кастъ), которыхъ Брама не создавалъ и которые существуютъ на зло всѣмъ кастамъ, вышедшимъ изъ Брами.

Долгое время имѣлось представленіе, что индусское общество распределяется на эти четыре касты, изъ которыхъ двѣ первыя, т.е. каста крещовъ и воиновъ были высшими кастами. Оказывается, однако, что вся эта доктрина нисколько не отвѣчаетъ истинѣ. Когда лѣтъ 30 тому назадъ вышелъ цензъ индусскаго населенія, то одной изъ подробностей его было доказательство существованія многихъ сотенъ кастъ въ Индіи. Это было новинкой для всѣхъ, за исключеніемъ лицъ, исполнявшихъ обязанности англо-индусскихъ чиновниковъ. Оказывается, что дѣленіе на касты вызывается не только раздѣленіемъ труда. Вы увидите в^слѣдствіи, что не только послѣдовательность занятій вызываетъ особеніе лицъ, занятыхъ опредѣленнымъ ремесломъ, въ одну касту, но и цѣлый рядъ внѣшнихъ условій. Такъ, получаютъ различныя касты въ зависимости отъ того, исполняютъ ли люди, занятые тѣмъ или инымъ дѣломъ, свою работу, сидя или стоя и т. д.

Первый, кто воспользовался этими свѣдѣніями былъ Л я й э л л ь , сынъ извѣстнаго англійскаго геролога Чарльза Ляйэлла. Его сочиненіе, посвященное вопросу о кастовомъ устройствѣ, весьма популярное, въ англійскомъ обществѣ, было затѣмъ переведено на всѣ языки міра, и, такимъ образомъ, мало-по-малу распространилось представленіе о томъ, что, въ Индіи, несмотря на свидѣтельство „Ману“ имѣется не четыре, а сотни кастъ,

и что предстоит еще выяснить причины зарождения касты. С тех пор в английской литературе появилось очень много, весьма ценных трактатов по интересующему нас вопросу, написанных, главным образом, англо-индусскими чиновниками на местах. О кастах одной северо-западной Индии вышли четыре тома *in quarto*, столько же, приблизительно, четыре тома, занимающее другое сочинение, посвященное кастам Пенджаба.

За последнее время вопросы о кастах обратили на себя внимание социологов в связи с изучением роли, какую играют дифференциация общественных функций и в том числе разделение труда. Одновременно в Берлине и в Бордо два известных обществоведы *Зиммель* и *Дюркгейм* пытались определить влияние этого фактора одинаково на структуру и поступательный ход общества. Один из учеников Дюркгейма, ныне профессор социологии в Париже — *Бугле*, преследуя задачи определения роли уравнивательных идей, т.е. изополигии, в сферах общественного прогресса, остановился на мысли изучать порядки общества типа противоположаемого современному, т.е. опирающегося на расчленение народа, на наследственные группы, сторонящиеся друг от друга и приуроченные к определенным видам занятий. Отсюда его недавно обнародованный отдельной книгой сборник этюдов "О кастовом устройстве". Он вышел в Париже в 1908 году. Бугле старается определить характерные признаки кастового устройства и считает таковыми следующие три: наследственность занятий, пользование членами касты известными привилегиями, исключительность и замкнутость, недопускающая заключения браков и общения иначе, как с членами той же касты. С этими тремя признаками касты, по его мнению, выступает только в Индии.

Необходимо задать вопрос, да откуда же возникло

это кастовое устройство, составляет ли оно особенность какой-либо национальности или какой-либо культуры или встречается у разных народов, в различные времена, и существует ли исключительное преемство между кастами и условиями. С этими решениями, которые Бугле дает этим вопро-

Замь, я познакомлю Вась въ замьхь общихь чертахь.

Нужно прѣжде всего замьтить, что отдьльные черты, свойственныя кастовому устройству, встрьчаются и въ другихь цивилизаціяхь. О чемь то подобномь кастамь мы находимь свьдѣнія у Геродота, когда онь описываеть Египеть. Онь говорить, что въ Египтѣ существуеть цѣлый рядь группь, образующихся на почвѣ раздѣленія труда: группы эти наследственны, ведуть замкнутое существованіе, стараются не входить въ общеніе другь съ другомь. По словамь Геродота египтяне раздѣлены были на крестовь - священниковь, воиновь, волсвниковь, свинопасовь, купцовь, толмачей, кормчихь, слугь - носителей воды. Нужно думать, что это неисчерпывающее перечисленіе замкнутыхь группь, существовавшихь въ Египтѣ, а, такь сказать, только примѣръ ихь. Одни священники и воины вправѣ были ожидать оть другихь актовь внѣшняго признанія или уваженія. Особня премуущества были приурочены къ этимь пластамь населенія. Они свободны были оть нереція всякихь вьгостей въ пользу государства. Діодорь Сицилійскій говорить о специализаціи занятій, какь о чемь то вынуждаемомь закономь по отношенію къ отдьльнымь кастамь. Она выступила въ меньшей степени въ средѣ высшихь касть, крестовь и воиновь, такь какь крестескія функціи не исключали возможности одновременаго занятія и военнымь дѣломь.

Слѣдующее упоминаніе, какое мы имьемь о группахь, обособленныхь другь оть друга наследственностью занятій, это - свидѣтельство о подраздѣленіи афискаго народа на четири фьлы. Самое названіе этихь фьлъ позволяеть думать, что существовали какія то наследственныя занятія, обособлявшія лиць, ими занимавшихся, въ особня группы. Какихь - либо другихь упоминаній о наследственности и замкнутости въ образованіи общественныхь слоевь, мы не имьемь.

Возникаеть вопрось, какь объяснить происхожденіе касть. Для объясненія источника происхожденія касть предложено было нѣсколько теорій. Одна изь нихь сближаеть кастовое устройство съ тѣмь, что мы знаемь о наследственной организаціи труда въ средніе вѣка, при цеховомь устройствѣ, в.е. о гильдіяхь и цехахь, и видить источникь тѣхь и другихь, т.е.

касть и гильдій въ обособленіи отдѣльныхъ видовъ труда. Эта аналогія какъ бы сама напрашивается. Замѣтите, что гораздо раньше, возникновенія средневѣковыхъ цеховъ еще въ Римской Имперіи существовали организаціи довольно близкія по типу къ цехамъ среднихъ вѣковъ. Вы знаете, что М о м з е н ь занимался вопросомъ объ этихъ организаціяхъ, что его рукопись посвященная этому вопросу, была сожжена, что затѣмъ цѣлый рядъ его учениковъ продолжаетъ работать надъ этимъ вопросомъ, и одинъ изъ нихъ, К у л и к о в с к і й , написалъ диссертацию: „Цехи въ древнемъ Римѣ“. Въ этомъ сочиненіи можно встрѣтить первое упоминаніе о древнихъ обществахъ, имѣвшихъ много общихъ чертъ съ цеховымъ устройствомъ. Въ міровой исторической и экономической литературѣ до сихъ поръ однимъ изъ спорныхъ вопросовъ является вопросъ о томъ, существуетъ ли какая-нибудь фліліація, какое-нибудь преемство между римскими „collegia sodalitia“ и средневѣковыми гильдіями, известными въ Италіи подъ латинскимъ названіемъ „artes“. Этому вопросу я также посвятилъ главу въ 3-ьемъ томѣ моего сочиненія „Экономическій ростъ Западной Европы“. Сказать, что мы пришли къ разрѣшенію этого вопроса, въ настоящее время безусловно нельзя.

Замѣчательно, что римскія организаціи, подобныя цехамъ, продолжали держаться и въ Византійской Имперіи, которая ^и послѣ паденія Рима, продолжала придерживаться римскихъ традицій, римской системы въ организаціи администраціи, римскаго по-дѣленія общества на классы. Одному жековскому ученому удалось открыть приказъ константинопольскаго префекта своего рода градоначальника, приказъ, отданный разнымъ цехамъ города Константинополя, изъ котораго видно, что въ Константинополѣ долгое время держалась наслѣдственность занятій, что однѣ и тѣ же семьи поставляли людей, занимавшихся опредѣленнымъ промысломъ; напримѣръ, одни семьи разносили воду по домамъ, другія занимались рыбнымъ дѣломъ и т.д. Въ предѣлы Византійской Имперіи входилъ Равенскій экзархатъ. Интересно задать вопросъ о томъ, въ какой степени въ городѣ Равеннѣ сохранились слѣды этой наслѣдственности занятій. Оказыва-

ется, что цехъ рыболововъ, существующій по настоящее время и известный по каким то причинамъ подъ страннымъ названіемъ „Сумашедшаго Дома“, ведетъ свое существованіе съ тѣхъ самыхъ временъ, когда существовала наследственная организація занятій въ самой Италіи.

Наконецъ, благодаря необычайно счастливой находкѣ, сдѣланной въ антикварномъ магазинѣ мюнхенскаго торговца Аккермана М о н т и к о л о , явилась возможность дополнить небольшое число страницъ, оставшихся незаполненными въ древнѣйшей запискѣ Бенедіанскаго права. При соединеніи этихъ двухъ рукописей стало возможнымъ подробное изученіе цехового устройства въ Венеціи, въ результатѣ котораго оказалось, что либеральныя и нелиберальныя профессіи уже въ X вѣкѣ были организованы въ наследственные цехи. А такъ какъ Бенедія долгое время находилась подъ культурнымъ и политическимъ вліяніемъ Византіи, такъ какъ венеціанскій дожъ явился только на смѣну трибунамъ и такъ какъ само названіе „дожъ“ есть только простонародная передѣлка латинскаго „dux“, то естественнo возникаетъ предположеніе, что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ послѣдствіями, съ филиаціей византійскихъ, а, слѣдовательно, и римскихъ порядковъ.

Если Вы примите, сказанное во вниманіе, то Вамъ станетъ понятнымъ, почему первая попытка объяснить существованіе кастъ состояла въ томъ, чтобы сблизить цеховую организацію съ организаціей кастъ. И въ той и другой организаціи есть нѣчто общее: наследственность занятій, большая замкнутость, которая не допускаетъ отпавленія ремесла иначе, какъ лицами, принадлежащими къ цехамъ или кастамъ. Я знаю, что имѣется доктрина, по которой замкнутость цеховъ появилась только въ послѣдствіи, въ результатѣ ихъ развитія. Быть можетъ это справедливо по отношенію къ Германіи, но замкнутость цеховъ въ Италіи существуетъ съ самаго начала ихъ существованія. А наследственность занятій есть черта характерная для кастъ Индіи. Это опредѣленно известно изъ свидѣтельствъ магометанскихъ писателей IX вѣка по Р. Хр. и изъ индусскихъ источниковъ, относящихся къ VI вѣку. Изъ древнихъ писателей еще Стра-

бонь указывали на то, что каждый классъ въ Индіи имѣетъ свое ремесло. Саккунтала же, устами рыбака, котораго попрекають въ жестокое обращеніи съ рыбами, говоритъ: „ми никогда не должна оставлять ремесло нашихъ предковъ, какъ бы неизменно оно не было.“ Въ Индіи попадаются тѣмъ не менѣе случаи оставленія цѣлой касты или частью ея своего ремесла и перехода ея къ другимъ занятіямъ. Но частаго перехода къ занятіямъ неизвѣстнымъ предкамъ, мы въ Индіи не встрѣчаемъ. Если наследственность занятій есть черта, общая кастѣ съ ремесленнымъ цехомъ съ гильдіей, то съ другой стороны послѣдней совершенно неизвѣстно отсутствіе всякаго общенія, всякаго совмѣстнаго принятія пищи и заключенія брачныхъ узъ между членами разныхъ кастъ.

Быть можетъ, касты и произошли, какъ объясняетъ Н е с с е й л ь д ь по мѣрѣ обособленія занятій или роста спеціализаціи, такъ что низшими кастами оказались бы тѣ, которыя приучены къ занятіямъ, извѣстнымъ самымъ примитивнымъ обществамъ, какъ то занятіямъ рыбнымъ промысломъ и охотой, но можно ли только раздѣленіемъ труда и наследственностью занятій объяснить происхожденіе кастового устройства. Это можно было бы сдѣлать, если бы въ кастовомъ устройствѣ не встрѣчались группы, которыя не находятъ объясненія въ раздѣленіи труда. Эти черты не поддаются юридическому описанію, это — черты бытовныя, черты, сказывающія во взаимномъ отвращеніи, питаемомъ членами одной касты къ членамъ другой. Тѣ самыя предрассудки, которыя заставляютъ челоуѣка изъ простонародья отплевываться, когда онъ встрѣчается со священникомъ, тѣ самыя черты выступаютъ и въ настоящее время въ отношеніяхъ кастъ между собой. Браминь, вошедшій въ общеніе съ представителемъ одной изъ низшихъ кастъ, будетъ обмываться и обтираться, чтобы избавиться отъ слѣдовъ той профанаціи, которая была вызвана этимъ общеніемъ. Навоющій браминь считаетъ себя совершившимъ большой грѣхъ, если этанетъ ѣсть и пить изъ одной чашки съ лицомъ, принадлежащимъ не къ одной кастѣ. Если бы это казалось только кривозъ, то это еще было бы объ-

яснимо. Но это взаимное отвращение встречается и в отношениях между всеми другими кастами. Заключение браков возможно только между членами одной и той же касты. Существуют, например, две касты: одна занимается выделкой металлических изделий из черного металла - "лагоры", другая занимается выделкой металлических предметов из белого и желтого металлов - "сопары". Члены почтенной касты считаются людьми почтенными, тогда как лагоры считаются людьми презрительными, так как черный цвет является пагубным в глазах индийцев, и золото и серебро кажется им комбинацией двух священных элементов - воды и огня. Браки между членом касты, обрабатывающей золото и серебро, не может иметь места с женщиной, принадлежащей к касте, обрабатывающей железо или свинец. Принятие пищи лицом, принадлежащим ко второй касте у лица, принадлежащего к первой касте, совершенно невозможно. При объяснении причин исключительности касты по отношению друг к другу, взаимного отвращения или питаемого, не может считаться с общераспространенным в среде далеко не арийских рас обычаям "табу", или запретом самого прикосновения к известному предмету. Считаются, например, низкими касты, которые имеют дело с обработкой кожи мертвых животных. Касты брадобревы - цирюльничков повсюду признаются кастой презрительной. Почему? Да потому, что они имеют дело с волосами и кровью, так как цирюльники одновременно исполняют обязанности хирургов, и всякий, кто имел дело с волосами и кровью, считался существом презрительным. Общение с таким человеком унижительно для членом других каст, и требуются многочисленные смовения в реке Ганг для того, чтобы смыть следы этого общения. Более почтенной считается каста рыболовов, чем каста охотников, в виду священного характера воды, с которой первые имеют дело.

Все это объяснить одним разделением труда нельзя. Приходится, следовательно, отказаться от только что изложенной гипотезы и поискать других. Чем в самом деле объясняется такой факт, что некоторые касты носят довольно странные названия: одна и именуется именем оленя, другая - именем жабы, третья - именем дракона и т. д. ? Очевидно, что в кастах приходится иметь дело с продуктом весьма сложных и разнообразных явлений. Для того,

Общее учение о государстве. Проф. М. М. Ковалевского.

Изд. Студ. Кассы Взаимоп. При СПб. Политехн. Инст.

Литография Трофимова Можайская 3.

Л. 10.

Корректировал С. Ковалев

чтобы объяснить происхождение кастъ приходится принять въ расчетъ, помимо раздѣленія труда и расовыя различія, ту вѣковую борьбу, которую вели представители туземнаго индусскаго населенія съ покорителями пришельцами съ сѣвера - арийцами. А кромѣ того необходимо считаться съ сохранившеюся въ средѣ индусскаго населенія своеобразной организаціей, которую Вы найдете и среди нѣкоторыхъ другихъ народовъ, напримѣръ у австрійскихъ племенъ, которая связана съ понятіемъ о томъ, о культѣ извѣстнаго животнаго, растенія или предмета неорганической природы, которая считается патронами, покровителями и даже родоначальниками даннаго племени, которымъ запрещается вкушать, истреблять и потреблять, за исключеніемъ одного дня праздника, когда для того, чтобы войти въ непосредственное общеніе съ этимъ родоначальникомъ, всѣ прививаются къ вкушенію тѣла этого животнаго или растенія. Является вопросъ о непосредственномъ общеніи, общеніи, которое всего легче можетъ быть произведено путемъ съѣденія, о непосредственномъ общеніи потомства съ родоначальникомъ въ томъ предположеніи, что свойства родоначальника перейдутъ къ потомкамъ и количество австрійскихъ покровителей увеличится. Откуда же съѣденіе стариковъ ранѣе владенія ихъ въ древность, производимое для того, чтобы ихъ свойства, физическія и нравственныя, перешли къ ихъ потомкамъ.

Вотъ значитъ къ какой древности приходится восходить для того, чтобы объяснить нѣкоторыя черты кастоваго устройства, аналогичныя, напримѣръ, съ исключеніемъ всѣхъ, кто не принадлежитъ къ данному тотемистическому союзу отъ той формы общенія, въ которой оно признается болѣе близкимъ и болѣе непосредственнымъ, отъ вкушенія мяса животнаго - покровителя. Если мы примемъ во вниманіе это обстоятельство, то намъ станетъ понятно, почему люди, принадлежащіе къ одному тотемистическому союзу не могутъ принимать лица внѣтъ съ членомъ другого тотемистическаго союза. И если въ кастовомъ устройствѣ проявляется эта черта, то эта черта болѣе архаическая, идущая отъ той эпохи, когда существовала тотемистическая организація общественныхъ группъ. Если мы зададимся вопросомъ, почему браки не возможны между членами различныхъ кастъ, то мы опять таки должны будемъ возвратиться къ этой же отдаленной эпохѣ. Или если мы себя спросимъ, почему касты носятъ странныя названія различныхъ животныхъ и растеній, то объясненіе можетъ быть найдено въ существованіи тотемистическихъ союзовъ.

черезъ всю индусскую исторію проходитъ соперничество аріевъ и дайсиевъ. И антропологическія измѣренія показываютъ, что населеніе

Индіи составляет, по крайней мѣрѣ, два этнографическихъ типа. Два англичанина Р и с л э и Н р у к ъ, специально занявшіеся вопросомъ о кастовомъ устройствѣ, одинъ въ Бенгалѣ, другой въ сѣверо - западныхъ провинціяхъ Индіи постоянно указываютъ на этнографическія различія, существующія между кастами. У дравидійскихъ кастъ многія названія происходятъ отъ именъ жившихъ и растений, истребленіе и сѣденіе которыхъ считается запретнымъ для ихъ членовъ. А это уже все признаки тотемистическихъ союзовъ*. Тѣ же тотемистическія прозвища встрѣчаются и между подраздѣленіями арійскихъ кастъ, такъ на примѣръ, прозвище козла, черепахи и дракона.**

Такимъ образомъ, сказанное заставляетъ насъ предполагать, что въ основѣ кастового строя лежитъ не только раздѣленіе труда, не только расовыя различія, но что на возникновеніе кастъ оказала сильное вліяніе одна изъ раннихъ формъ общественной организаціи, какой является тотемистическій союзъ, предшествующій по времени родовому союзу. А такъ какъ тотемистическая организація не вездѣ имѣла мѣсто, то и не вездѣ проводится начало наследственности занятій и замкнутости отдѣльныхъ группъ, не вслду проводится ихъ исключительная общность. Вотъ почему не вслду встрѣчаются и касты. Вотъ почему существуютъ общества, въ которыхъ исторію неравенства нужно вести не отъ кастового устройства, а отъ сословій. Мы не можемъ указать такого періода въ исторіи русскаго, германскаго и англійскаго народовъ когда у нихъ существовало бы кастовое устройство, потому что мы можемъ прослѣдить процессъ развитія сословной организаціи у этихъ народовъ. Исторія неравенства несомнѣнно можетъ открываться въ этихъ цивилизаціяхъ среди этихъ расъ и національностей исторіей сословій, а не исторіей кастъ.

Чѣмъ вызваны къ жизни сословія, каковы отличія сословій отъ кастъ и отъ классовъ, насколько фундаментъ сословной организаціи отличенъ и не совпадаетъ съ основаніемъ классового строя общества?

* См. К р у к ъ. Касты и племена сѣверо-восточныхъ провинцій Индіи. т. I. стр. СLXX и стр. СLXXXII

** См. К р у к ъ. Вступленіе въ народныя вѣрованія жителей сѣверо-западныхъ провинцій Индіи. " стр. 282.

Б. С О С Л О В І Я .

Вопросъ о сословіяхъ, объ ихъ возникновеніи и развитіи можетъ быть изученъ только путемъ историко-сравнительнаго изученія относящихся къ этому вопросу явленій. Изъ литературы, посвященной этому вопросу, съ очевидностъю вытекаетъ, что развитіе сословій началось еще раньше возникновенія самого государства и что прежде всего это развитіе сказалось въ существованіи свободныхъ и несвободныхъ. Я уже говорилъ Вамъ, что развитію государства предшествовали цѣлый рядъ общественныхъ стадій, изъ которыхъ позднѣйшей по времени, т.е. ближайшимъ моментомъ по стисненію къ возникновенію государства является періодъ родовыхъ союзовъ. И вотъ, если Вы обратитесь къ изученію этихъ родовыхъ обществъ, изученію, начало которому положено давно и въ нѣмецкой литературѣ и въ французской и въ англійской, то Вы повсюду встрѣтитесь съ однимъ и тѣмъ же фактомъ, заключающемся въ томъ, что общества, еще не перешедшія къ государственной стадіи общежитія, уже знаютъ различія между свободными и несвободными, полноправными и рабами.

Изъ сочиненій, которыя подымали этотъ вопросъ, т.е. вопросъ о родовомъ бытѣ и его внутреннемъ строеніи, я бы указалъ прежде всего на сочиненія человека, котораго я болѣе, чѣмъ кого либо могу признать своимъ учителемъ, такъ какъ и методологическіе приемы, которыми я пользовался, особенно въ своихъ раннихъ сочиненіяхъ, и предметы, мною избираемые, всегда стояли въ близкомъ отношеніи къ тѣмъ, какихъ придерживался онъ. Этимъ учителемъ былъ никто иной, какъ знаменитый англійскій ученый сэръ Г е н - р и - Д ж е м с ъ М э н ъ , авторъ многочисленныхъ произведеній по исторіи древняго права и учреждений: „Village Communities in the East and West“ (1871), „The early History of Institutions“ (1875), „Early Law and Custom“, (1883), „Popular Government“ (1885) и мн. др.

Вліяніе Мэна отразилось на всей литературѣ, посвященной историко-сравнительному изученію общественнаго строя различныхъ народовъ въ разныя времена. И изъ всѣхъ его сочиненій, въ которыхъ поднимаются вопросы государственнаго развитія, по моему мнѣнію, не было болѣе выдающагося, чѣмъ „Древнѣйшая исторія уч-

реждений". Здѣсь онъ пользуется и пользуется очень искусно необследованными еще въ то время матеріалами относительно родовых порядковъ, имѣвшихъ мѣсто у кельтическихъ народовъ, и прежде всего у ирландцевъ, которые до завоеванія англосаксами жили родовыми союзами.

Необходимо отмѣтить слѣдующій любопытный фактъ. Если сопоставить то, что имѣло мѣсто у ирландцевъ и что имѣло мѣсто въ герцогствѣ Уэльсѣ, съ тѣмъ, что существовало, судя по древнѣйшимъ памятникамъ у древнихъ германцевъ и у древнихъ славянъ, а также и у древнихъ грековъ и римлянъ, что всё они не знаютъ одного и того же, именно существованія того, что нельзя назвать, слѣдуя за профессоромъ Сергѣевичемъ, б е з с о с л о в н о - с т ь ю , такъ какъ уже на первыхъ порахъ есть различіе свободныхъ и несвободныхъ. Очевидно, что всякій родовой союзъ, прежде чѣмъ осѣсть на извѣстномъ пространствѣ, долженъ былъ подчинить первоначальное население данной мѣстности, обыкновенно силою оружія. Такъ какъ всѣхъ туземцевъ истребить было нельзя, то тѣ изъ нихъ, которые оставались въ живыхъ, были обращены въ рабовъ. И число этихъ рабовъ сдѣлалось столь велико въ нѣкоторыхъ обществахъ, что единицей измѣренія и опредѣленія размѣра пени, композиціи или выкупа за убійство и за раненіе является рабъ или рабыня. За отцеубійство, полсжимъ, взимается столько то рабынь. Въ древнѣйшихъ записяхъ права герцогства Уэльскаго значится, что убійца долженъ отдать потерпѣвшему столько то женщинъ рабынь, или замѣнить ихъ скотомъ, считая, что на столько то рабынь приходится одна корова, или на опредѣленное количество рабынь - столько то овецъ. Это кажется очень страннымъ и дикимъ, но если мы обратимся къ записямъ древнихъ обычаевъ нашихъ кавказскихъ горцевъ, сдѣланнымъ въ цѣляхъ правительственныхъ, русскими чиновниками, попадавшими на Кавказъ, то и въ этихъ оборотахъ права, изданныхъ въ двухъ томѣхъ профессоромъ Леоновичемъ, мы найдемъ частое упоминаніе о томъ, что выкупъ платится извѣстнымъ числомъ рабовъ и рабынь, и за недостаточность таковыхъ опредѣленнымъ количествомъ головъ скота, мѣдными тазами и многими другими принадлежностями домашняго обихода. Причемъ есть общая скала: за раба или рабыню приходится столько то головъ рогатаго скота, овецъ, за мѣдный тазъ уже другое количество и т.д.

Противоположеніе свободныхъ и несвободныхъ встрѣчается и въ древнемъ русскомъ правѣ. Холопы и свободные люди - вотъ то противоположеніе, съ которымъ мы встрѣчаемся въ обыкновенномъ строѣ древней Руси. Если Вы обратитесь къ тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя мы имѣемъ о древнѣйшихъ германцахъ, т.е. къ извѣстному описанію *Т а ц и т а* нравовъ германцевъ, то Вы найдете и въ этомъ, очень конкретномъ описаніи, точно такъ же, какъ и у Ю. Цезаря, упоминаніе о томъ, что у всѣхъ германцевъ есть сервы (*servi*), т.е. рабы, и слова, что германцы поступаютъ съ рабами не такъ, какъ мы - римляне. Римляне, какъ извѣстно, заставляли жить рабовъ въ общежитіяхъ при своихъ жилищахъ, тогда какъ германцы устраивались со своими рабами иначе: они рассаживали ихъ, какъ рассказываетъ Тацитъ, на своихъ земляхъ, такъ что каждый сервъ имѣетъ свою усадьбу и свой участокъ земли, который онъ обрабатываетъ и съ котораго онъ платитъ собственнику извѣстную ренту, обыкновенно натуральными произведеніями. Вотъ Вамъ, господа, первый источникъ, первое указаніе на переходъ рабовъ къ той категоріи лицъ, которая извѣстна римлянамъ подъ названіемъ *glebae adscripti* и которая впоследствии сдѣлалась извѣстной всему Западу подъ названіемъ виллановъ (*villain*), или крѣпостныхъ людей.

Древне-греческія эпосы доказываютъ намъ, что совершенно то же было и у древнихъ грековъ. Возьмите Илиаду или Одиссею. Изъ за чего поссорились Ахиллесъ и царь Агамемнонъ? Да изъ за одной прекрасной рабыни, которую и тотъ и другой желали имѣть въ числѣ своихъ рабынь. Упомянутое о рабахъ и рабняхъ, вербуемыхъ изъ всенноплѣнныхъ, встрѣчается въ греческихъ эпосахъ точно такъ же, какъ оно встрѣчается и въ эпосахъ другихъ народовъ; возьмите хотя бы «Пѣсни о Нибелунгахъ» и др.

Итакъ, первое, что мы находимъ въ исторіи развитія человеческого общества, это - противоположеніе свободныхъ людей, людей, принадлежащихъ къ племени и роду завоевателей, и людей несвободныхъ, т.е. покореннаго туземнаго населенія, безъ подчиненія и обращенія въ рабство котораго не было бы возможности завоевателямъ считать завоеванную землю своею и распоряжаться покоренной страной такъ, какъ будто эта земля - ничья земля, *res nullius*. Англійскій историкъ Фримиенъ, въ высшей степени озабоченный чистотой англо-саксонской крови, утверждаетъ, что, будь бы при своемъ занятіи Британіи саксы истребили

поголовно все туземное население. Но преувеличенія этого представления давно вызвали критику со стороны повднйшихъ историковъ, и они опровергли его, пользуясь памятниками англосаксонскаго обычнаго права, въ которомъ имѣется упоминанія с рабнѣ уэльской крови, т.е. рабнѣ кельтическаго происхожденія, которая несомнѣнно принадлежала къ прежнему туземному населенію Британіи; такъ какъ англо-саксы умерщвляли, главнымъ образомъ, мужчинъ, а женщинъ они оставляли, дабы имѣть возможность расплачиваться за убійства, раненія и другія преступленія.

Спрашивается, ограничивается ли этимъ на первыхъ порахъ возникновеніе сословій? Если Вы откроете курсъ профессора Градовскаго или изслѣдованія по исторіи русскаго права профессора Сергѣевича, то встрѣтите и у того и у другого одну и ту же типическую фразу: древняя Русь не знала сословій. Много лѣтъ тому назадъ я посвятилъ одну изъ своихъ работъ развитію и обоснованію мысли, что древняя Русь не знала или знала сословія въ такой же степени, въ какой знали ихъ или не знали германцы и кельты. Если понимать подъ сословіемъ то, что мы понимаемъ теперь подъ этимъ терминомъ, то понятно, что сословій не знали ни древніе славяне, ни древніе германцы и не древнія кельтическія племена. Но если имѣть въ виду, что при оцѣнкѣ преступленій, нарушеній мира, раненій и т.д., устанавливаются различные размѣры взысканія, смотря по тому, идетъ ли рѣчь о простомъ человѣкѣ или объ огнищанинѣ, какъ говорится въ Р. Правдѣ, что вира была двойная въ этомъ послѣднемъ случаѣ, что члены княжеской дружины, старѣйшей или молодой, были защищены отъ нарушенія мира, пораненія и т.д. въ большей степени, чѣмъ простолюдины, то Вамъ покажется яснѣе, что тѣ элементы, изъ которыхъ впоследствии складается известная обособленная группа среди населенія, имѣлись одинаково и въ древней Руси. Можно сказать, что они имѣлись одинаково, и въ древнемъ французскомъ королевствѣ, и въ древнемъ баварскомъ, и въ древнемъ англосаксонскомъ и многихъ другихъ.

Германскіе ученые и никто въ большей степени, какъ Конрадъ Мауреръ, ставили и давали отвѣтъ на вопросъ, каковъ былъ источникъ древняго дворянства и чѣмъ древнее дворянство отличалось отъ послѣдующаго. Сочиненіе Конрада Маурера такъ и носитъ названіе: "О древнемъ дворянствѣ Германскихъ племенъ".

или Заключение, къ которому приходитъ этотъ видный знатокъ германской древности, всего болѣе сдѣлавшій и для изученія скандинавскаго права, сводится къ тому, что на первыхъ порахъ дворянство, высшее сословіе это - потомки упраздненныхъ медиатизированныхъ княжескихъ домовъ. Древняя Англія, какъ извѣстно представляла собой рядъ самостоятельныхъ королевствъ, число которыхъ было несомнѣнно больше, чѣмъ число нынѣшнихъ графствъ Англіи. Въ настоящее время высказывается сомнѣніе, что эти графства поистинѣ не могутъ считаться исключительно административными единицами, въ родѣ французскихъ департаментовъ, что то, что теперь является графствомъ, нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ было самостоятельнымъ королевствомъ. Изъ исторіи Англіи мы знаемъ, что всё эти самостоятельныя королевства превратились въ концѣ концовъ всего на всего въ семь королевствъ, которыя образовали изъ себя нѣкоторый союзъ, носившій названіе семицарствія, или гентархія. Процессъ политической централизаціи продолжался и далѣе и достигъ момента, когда различныя королевства слились въ одно. Эдуардъ Исповѣдникъ явился уже правителемъ объединеннаго англійскаго королевства.

Что же случилось съ потомками медиатизированныхъ, лишившихся независимости князей? Ихъ постигла та же судьба, какая постигла и русскихъ князей, когда началось объединеніе Россіи сперва Владиміромъ, а потомъ Москвой. Вы знаете, что въ эпоху Іоанна Грознаго эти самостоятельныя князья перешли на положеніе княжатъ, по терминологіи самого Іоанна Грознаго, и что Іоаннъ Грозный поставилъ своей задачей извести княжатъ, и дѣйствительно эту задачу исполнилъ весьма совершенно. Потомки прежнихъ самостоятельныхъ королевскихъ династій Англіи извѣстны въ послѣдній англосаксонскій періодъ подъ названіемъ старѣйшихъ людей, *oldermen*'овъ. Эти старѣйшіе люди - *oldermen*'и, - сдѣлались родоначальниками англійской аристократіи и обыкновенно стояли во главѣ графства. (Терминъ *oldermen* примѣняется въ самыхъ различныхъ значеніяхъ. Члены городскихъ думъ, которые избираютъ городского мэра, также называются *oldermen*'ами. Первоначально же названіе *oldermen* означало потомковъ медиатизированныхъ князей.)

Теперь спросимъ себя: а въ континентальныхъ странахъ, въ Германіи и Галліи, можно ли встрѣтить такіе аристократическіе роды и каковъ ихъ источникъ? На этотъ вопросъ Конрадъ Мауреръ отвѣчаетъ, что у баварцевъ существовалъ пѣлый рядъ самосто-

ательныхъ княжествъ. Такихъ самостоятельныхъ княжествъ насчитывалось четыре, откуда и четыре аристократическихъ рода у баварцевъ. Такихъ родовъ, на примѣръ, у Саксонцевъ было всего два и т. д. Что касается до французскаго королевства, то здѣсь сначала признается только одинъ родъ Меровинговъ, потомковъ Меровея - полумифическаго существа -, который, якобы былъ родоначальникомъ этого рода. Этимъ полумифическимъ происхожденіемъ объясняется то, что правители французскаго племени брались изъ этого рода до тѣхъ поръ, пока правитель двора Меровинговъ ма^йордомъ П и п и нъ К о р о т к і й не воспользовался лѣтнью меровингскихъ королей и не произвелъ маленькаго *coup d'etat*, благодаря которому родъ бывшаго дворецкаго Пипина Короткаго сдѣлался второй династіей французскаго королевства и далъ изъ себя великаго человѣка, Карла, возстановителя Римской Имперіи.

Присоединилось ли къ этому дворянству со временемъ дворянство новое? Да. Но это новое дворянство повсюду было служилымъ и бралось изъ рядовъ дружинниковъ. Въ этомъ явленіи мы найдемъ полную аналогію съ явленіями древней русской жизни. Вы знаете, что у русскихъ князей старѣйшая дружина и дружина младшая и тѣ лица, которыя принадлежали къ княжеской дружинѣ, пользовались особымъ почетомъ и особымъ значеніемъ въ случаѣ нарушенія мира, направленнаго противъ нихъ и сопровождающагося убійствомъ или раненіемъ. Обратитесь отъ русскаго примѣра къ французской или германской жизни. И повсюду, подъ именемъ *comitatus* по французскому или *Geleit* по германскому праву, Вы встрѣтитесь съ дружиной, известной Вамъ изъ русской древности. Отдѣльные члены этой дружины носятъ латинское названіе *comes*. Эти *comes* или *antrustiones*, т. е. лица, пользующіяся особымъ довѣріемъ князя, признаются служилыми людьми, которыхъ вознаграждаютъ тѣмъ, что въ то время представляетъ наибольшую цѣнность. - продуктами грабежа. А исчезнетъ возможность грабежа, нѣтъ войны, остались люди и нужно ихъ вознаграждать чѣмъ либо за службу, - ихъ жалуютъ землей, разумѣется; не пустопорожней, а землей населенной. Что за расчетъ служилымъ людямъ принимать пустопорожнюю землю? Дактъ имъ землю населенную. Значитъ ли это, что люди, занимавшіе это земли, теряютъ всякое отношеніе къ землѣ и переходятъ въ состояніе несвободное? Нѣтъ не значитъ. Они остаются свободными людьми, но

тѣ платежи, которые они раньше несли въ княжескую казну, теперь несутъ въ казну человѣка, въ пользоваіе котораго дадена земля, ими населенная. Отсюда источникъ того, что называется на Западѣ б е я е ф и ц і я м и , а на Востокѣ - п о м ѣ с т ь е м ѣ .

Мы встрѣчаемся съ тѣмъ же самымъ явленіемъ comes и въ Англии, гдѣ они извѣстны подъ названіемъ тановъ и гдѣ они вознаграждаются главной цѣнностью того времени - заселенной землей. Этихъ тановъ въ англійскомъ королевствѣ со временемъ оказывается такъ много, и они приобрѣтаютъ столь важное значеніе, что верховный правитель Англии считаетъ возможнымъ дѣлать то же, что дѣлаютъ и русскіе князья. Постоянно въ лѣтописяхъ говорится о томъ, что князья совѣтуются со своей дружиной *) и дружина пускается въ собесѣдованіе о томъ, напримѣръ, нужно ли выступить въ походъ или нѣтъ. Явленіе однохарактерное въ встрѣтите и въ англійской исторіи. Этихъ тановъ англійскій король призываетъ въ свой Совѣтъ, онъ вѣжливо называетъ ихъ умными или, вѣрнѣе, « о с т р о у м н ы м и » людьми, людьми остраго ума, откуда возникаетъ названіе зародыша будущаго англійскаго парламента и въ частности его верхней палаты - « в и т э н а г е м о т ь », что буквально означаетъ собраніе остроумныхъ людей. Сословіе тановъ или русская дружина не становятся замкнутыми группами. Подобно тому, какъ русскій князь можетъ составлять свою дружину вообще изъ лицъ, которые почему либо кажутся ему полезными, не только изъ лицъ, несущихъ военную службу, но и изъ купцовъ, точно такъ же и въ англійскомъ королевствѣ дѣйствовало правило, по которому таномъ становится купецъ, торгующій съ заграницей и трижды переплывшій Ламаншъ.

*) Въ „Русской Правдѣ“, напр., читаемъ, что Владимиръ Мономахъ „по Святополкѣ созва дружину свою на Берестовѣмъ: Ратиборо киевско тысячьскаго, Проконью бѣлогородьскаго тысячьскаго, Станислава лерееславльскаго тысячьскаго и т.д., и уставили до третьяго раза" или О Долобюкомъ създѣ сказано въ лѣтописи: „Вогъ вложи въ сердце княземъ рускымъ Святополку и Володимиру, и снястася думаша на Долобскѣ: и сѣде Святополкъ съ своею дружиною, а Володимиръ съ свсекъ въ единомъ шатрѣ. И почаша думати”.

Вотъ два источника происхожденія высшихъ сословій. Но это не все источники происхожденія высшихъ сословій, не все источники и на Западѣ и въ Россіи. Есть еще одинъ источникъ происхожденія сословій, источникъ, распространенный на всемъ земномъ шарѣ и не составляющій исключительной особенности ни народовъ крови арійской, ни народовъ семитической крови, ни какихъ либо другихъ народовъ. Это - ни болѣе, ни менѣе, какъ богатство, накопленіе запасовъ тѣхъ или иныхъ благъ. Хотите Вы встрѣтиться съ этимъ элементомъ въ кельтическихъ обществахъ, обратитесь къ записямъ древняго ирландскаго права. Ирландскіе памятники, какъ я уже имѣлъ случай Вамъ указывать, представляютъ изъ себя сборники рѣшеній третейскихъ судей, которые назывались брегонами. Многія изъ этихъ рѣшеній приобрѣли настолько большое значеніе и важность, что и въ послѣдующія времена считали нужнымъ обращаться къ этимъ рѣшеніямъ. Многія изъ нихъ оказались уже столь неполными, что пришлось обратиться къ толкованію ихъ. Самыя толкованія съ теченіемъ времени дѣлаются недостаточными и возникаетъ необходимость прибѣгнуть къ толкованію толкованій. И если Вы обратитесь теперь къ этимъ сборникамъ древняго права, изданнымъ въ четырехъ большихъ томахъ и переведеннымъ на англійскій языкъ, то Вы увидите нѣчто невѣроятное. Вы увидите мертвыя формулы рѣшеній безъ всякаго упоминанія о жившихъ когда-то людяхъ, по дѣлу которыхъ было принято данное рѣшеніе, формулы, къ каждой изъ которыхъ присоединяется толкованіе, а къ этому послѣднему другія толкованія, свидѣтельствующія о томъ, что экономическія и всякаго рода другія условія настолько измѣнились, что прежнія формулы рѣшеній не въ состояніи были отвѣчать новымъ условіямъ. На основаніи этого матеріала произведено много работъ, такъ сказать, по отчисткѣ подлинныхъ рѣшеній отъ позднѣйшихъ наслоеній въ видѣ толкованій, и въ результатѣ этихъ работъ явилась возможность въ полной и чистой формѣ имѣть довольно значительную часть рѣшеній древнихъ брегоновъ. Любопытно отмѣтить, что часть записей древне - ирландскаго права по времени написанія предшествуетъ на нѣсколько лѣтъ „Русской Правдѣ“.

Если воспользоваться этимъ матеріаломъ, то по вопросу насъ интересующему мы находимъ слѣдующее. Высшее, или благородное сословіе называлось э р ъ - д е з а (air - desa). Для того чтобы сдѣлаться такимъ air - desa, нужно родовитое происхож-

деніе, т.е. вужно принадлежать къ княжатамъ. Но кромѣ того, въ сборникахъ древне ирландскаго права говорится, что человекъ, накопившій извѣстный достатокъ, человекъ у котораго имѣется въ стадѣ значительное число коровъ, такъ называемый коровій дворянинъ, или бо-эръ, уже въ третьемъ поколѣніи становится родоначальникомъ новаго эръ-деза. Чѣмъ же пріобрѣтается значеніе этого большого дворянина? Основаніе этого значенія лежитъ въ томъ, что зажиточный человекъ, имѣя значительное количество головъ рогатаго скота, отдаетъ не нужный ему самому скотъ въ пользованіе людямъ, имѣющимъ землю, но неимѣющимъ рабочаго скота и капитала, необходимыхъ для утилизаціи земли. Эти люди образуютъ особую кооперацію зависимыхъ уже людей, людей лично свободныхъ, но имущественно зависимыхъ, извѣстныхъ подъ названіемъ фундировъ; они обязуются по отношенію къ богатому человеку нести извѣстную службу и отбывать извѣстныя повинности, не столько устанавливающія ему матеріальныя выгоды, сколько почетъ и уваженіе, они участвуютъ въ его свитѣ въ торжественныхъ случаяхъ, а кромѣ того они платятъ ему извѣстную ренту. Личную свободу фундиры сохраняютъ, но попадаютъ по отношенію къ человеку, снабжающему ихъ скотомъ, въ имущественно зависимое положеніе.

Хотите Вы найти подобіе этому въ древне-русскомъ быту, вспомните о тѣхъ отношеніяхъ, которыя возникали между "жизными людьми" и тѣми, кто не пользовался жизненнымъ достаткомъ. Вспомните о "серебряникахъ". Серебро въ древности, какъ извѣстно, обозначало капиталъ всякаго рода, слѣдовательно и рабочей скотъ. "Серебряникъ" это человекъ, которому для утилизаціи почвы не хватало капитала и который получалъ его отъ извѣстнаго лица. Благодаря чему попадалъ по отношенію къ послѣднему въ отношеніе экономической зависимости, которая, какъ показываетъ проф. Ключевскій, въ послѣдствіи явилась источникомъ и личной зависимости или крѣпостного права. Задолженность "серебряниковъ", подобно задолженности арендаторовъ Римской Имперіи, перешедшихъ въ колонаты, т.е. ставшихъ крѣпкими къ землѣ людьми, становится и въ Россіи однимъ изъ факторовъ, обусловившихъ развитіе крѣпостного права. Обратите вниманіе на то обстоятельство, что при толкованіи термина "бояринъ" извѣстный изслѣдователь русской государственной древности проф. Сергѣевичъ затрудняется дать ему другое опредѣле-

ніе, какъ то, что бояринъ - это человѣкъ захиточный. Итакъ, является источникомъ боярства та самая захиточность, которая явилась источникомъ возникновенія известной категоріи дворянъ въ кельтическихъ обществахъ.

Обратите вниманіе на только что указанный фактъ, что въ англо-саксонскомъ обществѣ захиточный купецъ, торгующій за границей и трижды переѣхавшій Ламантъ, благодаря захиточности, попадаетъ въ категорію лицъ высшаго сословія, становится таномъ, и Вы увидите, такимъ образомъ, что рядомъ со службой военной, или служилымъ источникомъ происхожденія дворянства, рядомъ съ происхожденіемъ высшаго сословія изъ медиативированныхъ князей, или княжатъ, нужно указать на третій источникъ происхожденія дворянства - на захиточность, на накопленіе запасовъ. И послѣ этого Васъ не удивитъ, если, читая "Боярскую Думу" проф. Ключевскаго, Вы придете къ заключенію, что не нужно даже быть свободнымъ человѣкомъ, чтобы попасть со временемъ въ ряды дворянства, и что этому въ гораздо большей степени содѣйствовалъ достатокъ.

Въ 29 -омъ году англійская палата лордовъ назначила для выясненія вопроса объ источникахъ англійскаго дворянства особую комиссію, въ распоряженіи которой находились обширные матеріалы, и къ работамъ въ которой были призваны лучшіе археологи Англій. Вопреки ходячему представленію о томъ, что англійское дворянство есть самое старинное, работами этой комиссіи было установлено, что въ англійскомъ дворянствѣ старинныхъ родовъ совершенно не оказывается. Это не покажется Вамъ страннымъ, если Вы вспомните, что послѣ войны Алой и Бѣлой Розы въ Англій осталось всего только 29 древнихъ дворянскихъ родовъ. Всѣ позднѣйшіе дворянскіе роды были изъ простаго сословія. Когда же комиссія палаты лордовъ стала разбираться въ этихъ 29 родахъ, то она нашла, что наиболѣе старинный изъ нихъ происходитъ отъ человѣка, который стоялъ во главѣ кухни Вильгельма Завоевателя. И въ этомъ опять таки нѣтъ ничего поразительнаго: всякаго рода придворныя службы являлись однимъ изъ источниковъ происхожденія дворянства. Вспомните, что дворецкій дѣвнвухъ королей изъ дома Меровинговъ явился родоначальникомъ новой династіи во Франціи. Конквизій, человѣкъ завѣдовавшій пог-

ребомъ, и др. - все эти лица, помимо выполнения своих непосредственныхъ обязанностей, призывались въ совѣты ихъ правителей и принимали участіе въ рѣшеніи тѣхъ или иныхъ дѣлъ. Comes stabuli - человекъ, завѣдовавшей конюшней, неоднократно призывался въ верхнюю палату Англій. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, если и у насъ всякаго рода виночерпій, конюшіе, дворецкіе и др. вошли въ составъ высшаго аристократическаго сословія. Хотите найти этому подтвержденіе, - прочтите „Воярскую Думу“ проф. Ключевскаго. Въ составъ русскаго дворянства вошли въ большомъ числѣ потомки старинныхъ княжескихъ домовъ. Многіе изъ Рюриковичей, въ ихъ числѣ Крапоткинъ и Горчаковы, уцѣлѣли и по настоящее время, но они принадлежатъ по общему правилу къ зауряднымъ дворянскимъ родамъ, тогда какъ наиболѣе зажиточное дворянство къ Рюриковичамъ не восходитъ. Совершенно то же самое Вы увидите и въ Англій, гдѣ наиболѣе зажиточные дворянскіе роды не восходятъ даже къ среднимъ вѣкамъ, а только къ эпохѣ самовластна Тюдоровъ, когда изъ прежнихъ сѣмщиковъ монастырскаго земли, теперь сдѣлавшихся ихъ собственниками, вербовались члены палаты пэровъ, и бывшіе сѣмщики земли становились герцогами.

Теперь спрашивается: если въ древнихъ обществахъ мы видимъ противоположеніе двухъ категорій - рабства на низахъ и высшаго аристократическаго слоя, состоявшаго изъ разнообразныхъ подгруппъ, на верхахъ, то представляетъ ли все прочее населеніе одну сплошную массу? На этотъ вопросъ приходится отвѣтить утвердительно, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи Россіи и Англій, гдѣ все остальное населеніе представляетъ одну сплошную и недифференцированную массу. Для Англій подтвержденіе этому можно найти въ древнихъ записяхъ обычнаго права, по которымъ все населеніе Англій дѣлится на два класса: простолюдиновъ - коммонеровъ („Kearls“) и членовъ высшихъ сословій („earls“) И это раздѣленіе встрѣчается въ Англій почти до настоящаго времени. Причемъ въ теченіе всей англійской исторіи мы встрѣчаемся съ такой любопытной чертой: только служба въ Корслевскомъ Совѣтѣ выдѣляетъ служилыхъ людей въ особую категорію пэровъ королевства. Однако, кромѣ является только старѣйшій въ родѣ, тогда какъ остальные члены рода - такіе же простолюдины - коммонеры, какъ и все другіе англичане. Обратимся теперь къ Россіи. И здѣсь, за исключеніемъ членовъ княжескаго дружины, мы встрѣтимся только съ безразличной массой свободныхъ людей. Въ настоящее

время не подлежит никакому сомнѣнію, что тотъ классъ людей, который извѣстенъ нашимъ древнимъ памятникамъ подъ названіемъ смердовъ, - былъ классомъ людей свободныхъ. Смердь не поставленъ ни въ какую крѣпостную зависимость, онъ пользуется личной свободой и обрабатываетъ участокъ земли, находящейся въ его владѣніи. Если Вы перейдете къ германцамъ, то опять таки встрѣтите ту же особенность. За исключеніемъ небольшого числа аристократическихъ родовъ и весьма значительнаго числа рабовъ все остальное населеніе состоитъ изъ людей свободныхъ, Freien, liberi homines. Нужно, чтобы бенефициальная система превратилась въ феодальную, для того, чтобы выработалось различіе между людьми свободными и несвободными. Въ эпоху развитого феодализма Вы встрѣтитесь съ разными названіями, которыя всё будутъ указывать людей различной степени зависимости, зависимости, прежде всего, экономической. На первыхъ порахъ Вы имѣете дѣло только со свободными людьми.

При изложеніи всѣхъ этихъ данныхъ я не останавливалъ еще Вашего вниманія на романскихъ странахъ. Возьмемъ, напримеръ, Испанію. Въ ней особенно наглядно выступаютъ источники высшихъ сословій, о которыхъ я говорилъ. Въ древнихъ испанскихъ памятникахъ, гдѣ рассказывается о томъ, какая судьба постигаетъ отобранную, вторично завоеванную у мавровъ землю, уже выступаютъ различные слои испанскаго общества. Эти различные слои въ различной степени участвовали въ отвоеваніи этой земли, и потому она должна была поступать въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ во владѣніе отдѣльныхъ классовъ испанскаго общества. Въ грамотахъ, въ которыхъ говорится о поселеніи на земляхъ никому не принадлежавшихъ, превратившихся послѣ изгнанія мавровъ въ *res nullius*, упоминаются слѣдующіе классы: на первомъ мѣстѣ стоитъ классъ людей богатыхъ - „ricos hombres“, терминомъ этимъ обозначается высшее сословіе испанскаго общества; нѣсколько ниже „ricos hombres“ ставятся кабаллеро („caballero“), это - люди, проводящіе свою жизнь на лошадахъ, выступающіе на войну въ качествѣ конницы; все остальное населеніе выступаетъ въ качествѣ пѣхотинцевъ и является просто свободными людьми.

Такъ какъ богатые люди должны были принимать на себя большія тягости въ дѣлѣ отвоеванія земли у мавровъ, то имъ до-

стается львиная часть земли. Меньшая достается на долю всадниковъ, которые также должны затратить довольно изрядную сумму для сбора въ походъ. Что касается остального населенія, то оно допускается къ пользованію землей на началахъ нараздѣльности. Здѣсь мы видимъ, такимъ образомъ, повтореніе всего того, что мы нашли у народовъ другой части Европы. Большой недостатокъ, участіе въ княжеской дружинѣ - вотъ основанія для выдѣленія изъ массы свободныхъ людей высшихъ классовъ. Все же, что ниже свободныхъ, все это - рабы, число которыхъ громадно. Численное отношеніе свободныхъ и рабовъ и порядокъ ихъ отношенія другъ къ другу напоминаютъ собой послѣднія времена Римской Имперіи. При этомъ не безынтересно будетъ отмѣтить, что, если мы обратимся къ изученію этнографическаго состава класса рабовъ, весьма многочисленнаго въ Испаніи и особенно въ морскихъ республикахъ, въ родѣ Генуи или Венеціи, то мы опять-таки найдемъ въ нихъ покоренныхъ или уведенныхъ въ плѣнъ чужеземцевъ, въ томъ числѣ лицъ славянской и даже русскои крови.

Такимъ образомъ, кромѣ категорій богатыхъ и значительныхъ людей на верхахъ и рабовъ на низахъ все остальное общество является обществомъ равно-свободныхъ.

Продолжая дальше очеркъ развитія сословій, мнѣ принадлежитъ теперь показать Вамъ, какъ дальнѣйшій процессъ феодализаціи установилъ различныя категоріи свободныхъ и несвободныхъ, какъ рядомъ съ высшимъ дворянствомъ появилось новое дворянство, какъ отношенія между ними опредѣлялись прежде всего отношеніями къ землѣ: одни являлись собственниками земли, а другіе только владѣльцами, или ленниками, какъ затѣмъ подвассалы составили первый классъ людей полусвободныхъ, и какъ постепенно изгладилось предъ-ставленіе о рѣзкомъ переходѣ отъ свободныхъ къ несвободнымъ: явились полусвободные люди и явились совершенно несвободные люди - крѣпкіе землѣ и рабы.*)

*) Основательное знакомство съ исторіей возникновенія и развитія сословій можно приобрѣсти по слѣдующимъ сочиненіямъ русскихъ ученыхъ:

П. В. И. Н. О. Г. Р. А. Д. С. В. Ъ . Происхожденіе крѣпостнаго права въ Англіи.

Н. И. К. А. Р. Ъ Е. В. Ъ . Очеркъ исторіи французскихъ крестьянъ до 1789 и по работамъ проф. Л. У. Ч. И. Ц. К. А. Г. О ., касающимся этого вопроса.

Почему почти повсюду, столько въ Германіи, сколько во Франціи и въ Англіи мы встрѣчаемъ высшее и низшее дворянство? Вы видите изъ сказаннаго выше, каковы вообще источники дворянства. Объяснить возникновеніе нѣсколькихъ наслоеній въ средѣ дворянства нельзя безъ справки и знакомства съ феодальными порядками. Необходимо принять во вниманіе особенности феодальнаго землевладѣнія и связь съ этимъ землевладѣніемъ іерархіи сословій. Тѣ, кто держитъ землю непосредственно отъ короля, какъ верховнаго сюзерена, кто является его прямымъ вассаломъ, составляетъ высшее дворянство. А тѣ свободные люди, которые держали землю отъ прямыхъ вассаловъ короля, обязанные взаменъ этого надѣленія землей отбывать рыцарскую службу разнаго рода, образуютъ второстепенное дворянство. Вы видите, такимъ образомъ, что источникъ происхожденія различій въ средѣ высшаго сословія, во-первыхъ, — не первоначальный источникъ: — онъ производенъ, и во-вторыхъ, связанъ непосредственно съ самой феодальной системой.

Если Вы откроете одинъ изъ тѣхъ документовъ, которые бросаютъ свѣтъ на внутренній распорядокъ жизни феодальнаго общества, то въ нихъ найдете слѣдующую картину взаимныхъ отношеній между различными общественными группами въ предѣлахъ, скажемъ, англійскаго помѣстья. Владѣеть землей всего помѣстья въ непосредственной зависимости отъ короля человекъ, который въ англосаксонскій періодъ назывался „hlaforð“ — терминъ въ значительной степени отвѣчающій термину кормилецъ; „hlaforð“ это — человекъ, который въ голодные годы доставляетъ хлѣбъ для пропитанія всего помѣстного населенія. Отъ термина „hlaforð“ происходитъ со временемъ терминъ „loga“, т.е. терминъ, обозначающій не только владѣльца помѣстья, но и господина надъ всеми тѣми, кто живетъ въ помѣстьѣ. А живутъ въ немъ люди разнаго характера: люди свободные и люди крѣпкіе землѣ. Люди свободные живутъ подъ латинскимъ названіемъ „liberi homines“, что буквально означаетъ „свободные люди“. Такъ какъ они несутъ еще обязанности всадниковъ, т.е. каждый разъ, когда лордъ выходитъ въ поле для сраженія, исполняя свои обязанности сюзерену, его сопровождаетъ цѣлый рядъ воиновъ — всадниковъ, набранныхъ изъ свободныхъ людей, то эта категорія „liberi homines“ носитъ названіе „milites“. А такъ какъ они несутъ ту

службу, которая причитается съ рыцаря, а рыцарь, всегда выступающій въ походъ верхомъ, долженъ быть одѣтъ опредѣленнымъ приличнымъ образомъ, долженъ имѣть коня, приличную сбрую и т.д., такъ какъ англійскій всадникъ удовлетворяетъ всѣмъ этимъ требованіямъ, то онъ не только свободный человѣкъ, не только всадникъ, но и „Knight“ - рыцарь (слово Knight остается въ употребленіи и по настоящее время.).

О службѣ этихъ рыцарей заходитъ рѣчь даже въ эпоху реставраціи Стюартовъ. Хотя постепенно вышло изъ употребленія право короля требовать за посвященіе въ рыцари извѣстное вознагражденіе, однако, когда короли изъ династіи Стюартовъ остались безъ денегъ, а парламентъ денегъ не давалъ, то они вспомнили, что у нихъ есть еще статья дохода, въ которую парламентъ вмѣшаться не можетъ, и обнаружили сильное желаніе произвести дѣтей многихъ англійскихъ подданныхъ въ рыцари. Парламентъ началъ энергичную борьбу противъ осуществленія этого королевскаго намѣренія. Такъ какъ эта борьба протекала при обшемъ недовольствѣ, то Карль II, человѣкъ въ высшей степени благоразумный, желавшій, главнымъ образомъ, пополненія казны, предложилъ парламенту такого рода сдѣлку. Упразднимъ всѣ эти устарѣвшія требованія рыцарской службы, платежей въ видѣ освобожденія отъ этихъ службъ и т.п., но подѣ условіемъ, чтобы вы обезпечили мнѣ кругленькую сумму денегъ, которую можете получать изъ какого угодно источника. Парламентъ, состоявшій въ громадномъ большинствѣ изъ землевладѣльцевъ, нашелъ, что добрый англійскій народъ заплатитъ эту сумму и потому ввелъ новое косвенное обложеніе, именно обложилъ акцизомъ товары, ввезенные въ Англію голландскими купцами.

Этотъ налогъ далъ возможность дворянамъ и землевладѣльцамъ освободиться отъ невыгодныхъ послѣдствій, какія представляло сохраненіе остатковъ феодальной системы и основанныхъ на ней денежныхъ притязаній короля.

Значитъ только въ 1660 году былъ положенъ конецъ рыцарской службѣ возведенію въ рыцари, полученію королемъ соответствующихъ доходовъ и т.д., но титулъ „Knight“ все-таки остается въ употребленіи. Такъ какъ всѣ существенныя различія между просто свободными людьми и рыцарями исчезли и такъ какъ англійчане народъ, чрезвычайно дорожащій титулами, то всѣхъ свободныхъ стали называть рыцарями, нѣтами, а въ просторѣчьи терминъ „Knight“

замѣнился терминомъ „esquire“ (сквайръ). Всѣ тѣ категоріи людей, которые происходятъ и отъ прежнихъ рыцарей и отъ прежнихъ свободныхъ людей подѣ однимъ условіемъ: имѣть достатокъ, позволяющій жить доходомъ отъ имѣнія, образовали то, что жители континента называютъ второстепеннымъ дворянствомъ и что англичане обнимаютъ болѣе широкимъ терминомъ милыхъ (gentle), пріятныхъ людей, джентльменовъ (gentlemen) или собирательнымъ именемъ джентри (gentry). Англичане и до сихъ поръ стараются проводить различія между просто человѣкомъ шап'омъ и gentleman'омъ. Это постоянно сказывается въ разговорахъ и перепискѣ. Если въ Россіи не такъ давно называли Вашимъ Благородіемъ всякаго, кто носилъ носилъ нѣмецкое платье, то въ Англіи въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ пускаются въ разсужденіе на тему, откуда тотъ или иной человѣкъ получаетъ свой доходъ. Если онъ добываетъ его личнымъ трудомъ, то онъ просто шап, а если онъ получаетъ этотъ доходъ въ видѣ процента на капиталъ или ренты, онъ джентльменъ. Всѣ эти различія носятъ на себѣ печать историческаго происхожденія.

Въ Германіи Вы встрѣтите то же самое. Въ Германіи классъ свободныхъ людей, которые не принадлежали къ числу прямыхъ вассаловъ короля, образовалъ то сословіе, которое вѣмцамъ XVIII и половины XIX вѣка извѣстно подѣ названіемъ „Ritterschaft“ - рыцарства. (Ritter - это рыцарь.).

Въ германской литературѣ не трудно найти сочиненія на тему „Adelschaft und Ritterschaft“, въ которыхъ ставится и рѣшается вопросъ о происхожденіи высшаго и низшаго дворянства. Это - то же самое различіе, которое держалось въ Россіи между боярствомъ и дворянствомъ. Иностранцы, не знавшіе этого подраздѣленія русскаго дворянства на высшее - бояръ и низшее - просто дворянъ - называли бояриномъ всякаго русскаго, посѣтившаго ихъ государство. Это различіе въ настоящее время совершенно исчезло.

Если Вы обратитесь къ Франціи, то Вы опять такъ встрѣтите прежде всего титулованное дворянство, болѣею частью состоявшее изъ прямыхъ вассаловъ короля и изъ медиатизированныхъ княжатъ, бывшихъ владѣтелей Прованса, отдѣльныхъ частей Лангедока, изъ бывшихъ герцоговъ Бретани и др. По мѣрѣ того, какъ всѣ эти когда то самостоятельныя королевства объединились

въ одно государство, оставались только соотвѣствующіе аристократическіе роды. Помимо этихъ категорій лицъ прямые вассалы короля продолжали считаться членами высшаго дворянства. Второстепенное, низшее дворянство составляли свободные люди, владѣвшіе землей, полученной отъ королевскихъ вассаловъ и не бывшіе слѣдовательно, прямыми вассалами короля. Различіе между высшимъ и низкимъ дворянствомъ выпукло выступаетъ еще въ Учредительномъ Собраніи 1789 года. На знаменитомъ засѣданіи въ ночь съ 4-го на 5-ое Августа, когда высшее дворянство почеркомъ пера согласилось на упраздненіе феодализма и крѣпостничества, кто возсталъ противъ этихъ мѣрспріятій? Запротестовали, главнымъ образомъ, мелкіе дворяне изъ сѣверныхъ провинцій, такъ какъ интересы мелкаго дворянства особенно сильно страдали отъ уничтоженія феодализма и крѣпостничества, позволявшихъ имъ обогащаться произвольными поборами съ крестьянъ и заставлявшихъ крестьянъ нести разнаго рода службы. Вы видите, какъ долго сказываются различія между высшимъ и низкимъ дворянствомъ.

Вотъ Вамъ источникъ происхожденія второстепенныхъ слоевъ населенія, промежуточныхъ общественныхъ группъ.

Теперь спросимъ себя, какъ возникло крѣпостное право? Въ составъ крѣпостныхъ вошли, съ одной стороны, рабы, а съ другой стороны, задолжавшіе или совершенно обнищавшіе свободные люди, которымъ было не до свободы и благородства, а только бы получить средства къ жизни. При чемъ многіе изъ нихъ актомъ комманданіи добровольно передавали себя въ зависимость людямъ болѣе зажиточнымъ. Въ очень откровенныхъ документахъ такъ и говорится: такъ какъ я не имѣю во что слѣться и сбуться, то я обращаюсь къ твоему великодушію и, надѣясь получить отъ тебя необходимыя для этого средства, събѣгаю быть твоимъ человѣкомъ! То лицо, которое писало такой актъ, называлось коммандаторомъ, а тотъ, кто принималъ его подъ свое покровительство, отвѣчалъ понятію патрона или защитника.

Одно изъ интереснѣйшихъ сочиненій **Ф Ю С Т Е Л Ъ - Д Е - К У Л А Н Ъ А** посвящено имъ судьбамъ римскаго колопата.

Вы знаете, что римскіе колспаты были людьми свободными и въ то же время крѣпкими землѣ. **Ф ю с т е л ь - д е -**

Куланжъ съ вѣкоторой убѣдительностью показавъ, что колонны, благодаря ихъ задолженности, постепенно перешли изъ свободныя стемшиковъ земли на положеніе крѣпостныхъ, людей крѣпкихъ земель, при этомъ людей крѣпкихъ земель не только по требованію государственной казны, или фиска, но и по требованію того помѣщика, которому они задолжали.

Профессоръ К Л К Ч Е В С К І Й , годъ спустя послѣ появленія въ Россіи указаннаго сочиненія Ф ю с т е л ь - д е - К у л а н ж а сталъ печатать интересныя статьи о происхожденіи крѣпостныхъ людей въ Россіи. Касаясь нашихъ с е р е б р я н и к о в ь , профессоръ Ключевскій доказываетъ, что эта группа лицъ, состоявшая первоначально изъ свободныхъ людей, снимавшихъ земли и являвшихся долгое время простыми арендаторами, постепенно, въ виду своей задолженности по отношенію къ лицамъ, снабжавшимъ ихъ серебромъ, т.е. вообще капиталомъ: рабскимъ скотомъ, деньгами и т. д. , переходитъ въ положеніе довольно близкое къ положенію римскихъ холоповъ и входитъ какъ составной элементъ въ образующійся классъ крѣпостныхъ.

Явленіе это характерное мы встрѣчаемъ и на всемъ Западѣ. Характерную деталь представляетъ переходъ въ крѣпостное состояніе цѣлой категоріи людей, жившихъ на монастырскихъ земляхъ въ Западной Германіи и платившихъ за свою землю, или скорѣе за то, что монастырь позволялъ имъ пользоваться его пустошами, воскомъ и извѣстныхъ долгое время подъ названіемъ „Wachszinsigen“, т.е. людей, платившихъ ренту восковыми свѣчами, восжигаемыми гдѣ передъ иконой Богородицы, гдѣ передъ иконою Николая Чудотворца, или какого-нибудь другого святого.

Первоначально эти „Wachszinsigen“ были свободными людьми. Но уже вѣкоторыя семьи „Wachszinsigen“ попадаютъ въ крѣпостное состояніе, тогда какъ наиболѣе зажиточныя изъ нихъ становятся дворянами. К л ю ч е в с к і й убѣдительно показываетъ, что нѣкоторые русскіе дворяне были на первыхъ порахъ, напр. конскими, этими послѣдними слѣсь и рядомъ были люди несвободные. Такимъ образомъ, въ Россіи, съ одной стороны, въ составъ дворянства проникалъ элементъ холопства, а съ другой, многіе свободные люди попали въ крѣпостную зависимость. И этотъ переходъ свободныхъ людей въ крѣпостное сос-

тояніе не трудно понять. Полісе отсутствіе безопасности, чрез- мѣрные поборы и притѣсненія со стороны чиновниковъ, боязнь рекрутчины и т. д. и т. д., заставляли цѣлыми деревнями переходить подъ покровительство сосѣдняго монастыря, сосѣдней церковной обители, сосѣдняго свѣтскаго сеньора - помѣщика, отказываться отъ своей свободы, соглашаться уступать имъ въ собственность свои участки земли. Взаимнъ этого имъ давались въ пользованіе земельные надѣлы определенной величины, обѣщалась помощь и покровительство. Эти попавшіе въ зависимость люди должны были отбывать разнаго рода баршину, платили различные платежи и исполняли уничтожительныя службы въ родѣ, на примѣръ, такой: въ видахъ охраненія мирнаго и безмятежнаго сна ихъ господъ, крестьянъ заставляли бить палками ночью по водѣ прудовъ и рѣкъ, дабы такимъ путемъ помѣшать кваканью лягушекъ.

Вотъ каковыя образомъ многіе изъ свободныхъ людей попали въ крѣпостное состояніе. И когда въ XVI столѣтіи вспыхнула Ж а к е р і я в о Ф р а н ц і и , т.е. первое сознательное возстаніе крестьянъ, то въ рядахъ возставшихъ было не мало потомковъ свободныхъ людей. Движеніе это началось, впрочемъ, въ менѣе угнетенной странѣ, чѣмъ Франція: во Ф л а н д р і и и нашло своего руководителя въ лицѣ З А Н Н Е К И Н А . Къ этому возстанію крѣпостныхъ людей примкнули и демократическіе слои бельгійскихъ городовъ.

Союзъ деревни и города имѣлъ своимъ послѣдствіемъ то, что одно время это объединенное движеніе было настолько сильнымъ, что мѣстные князья не сумѣли съ нимъ справиться, пришлось обратиться за помощью къ французскому королю, и только французскимъ дружинамъ удалось побѣдить и разогнать соединенное ополченіе крестьянъ и городовъ. Движеніе, известное подъ названіемъ Ж а к е р і и , вспыхнуло на небольшомъ разстояніи отъ этого движенія во Фландріи, а нѣсколькими десятилітіями позже началось подобное же крестьянское возстаніе въ Англіи, сперва разрозненное, а затѣмъ и объединенное подъ руководствомъ У о т а Т э й л о р а . (1381 г.)

Однако, все эти крестьянскія движенія не сопровождались упрощеніемъ крѣпостнаго права ни во Фландріи, ни во Франціи ни въ Англіи. Потребовалось наступленіе новыхъ эко-

номическихъ условій, неблагопріятныхъ сохраненію средневѣковаго крѣпостничества и хлѣбшашества, построеннаго на системѣ трехполья, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и двуполья. Потребовалось наступленіе новыхъ экономическихъ условій, вызвавшихъ замѣну англійскаго земледѣлія скотоводствомъ, для того чтобы сами помѣшники стали заинтересованы въ упраздненіи крѣпостной зависимости. Подъ вліяніемъ этихъ новыхъ условій повсюду начинаютъ дѣйствовать слѣдующее общее правило. Землевладелецъ отпускаетъ своего крѣпостного на всѣ четыре стороны, оставляя за собой его земельный участокъ, и если умедлѣній пробудетъ въ отсутствіи годъ, онъ не можетъ быть потребованъ обратно къ своему прежнему господину. Только при этихъ новыхъ условіяхъ могла сложиться такая пословица: воздухъ, которымъ дышетъ горожанинъ, обращаетъ крѣпостного человѣка въ свободнаго, воздухъ же, которымъ дышетъ сельскій община, дѣлаетъ свободнаго человѣка зависимымъ. Это форма отпуска на волю, когда крестьянинъ самъ отказывался отъ своего надѣла и покидалъ владѣнія господина, обозначалась терминомъ „desaven“.

Въ Германіи этотъ процессъ развитія крѣпостного права и возникновенія крѣпостного состоянія замедленъ былъ на цѣлое столѣтіе. Въ то время, какъ въ Англіи ставится вопросъ объ исчезновеніи крѣпостного права и никто другой какъ *Фортескью* въ своемъ трактатѣ, „*Лодисъ законъ Англіи*“ (*Laudibus legum Angliae*) хвалилъ законы Англіи за то, что они не знаютъ несвободы, въ это самое время складывалось крѣпостное право въ Германіи, и Листеръ, современникъ сложившагося крѣпостного права энергично осуждалъ крестьянъ за то, что они позволили себѣ возстать противъ дворянъ.

Какъ бы то ни было, но повсюду наступаетъ моментъ, когда изъ извѣстной части свободныхъ людей и остатковъ рабства образуется крѣпостное состояніе и крѣпостное право.

Мнѣ остается теперь разсмотрѣть вопросъ о возникновеніи еще одного класса, класса горожанъ, который позже всѣхъ другихъ выдѣляется изъ общей массы свободныхъ людей. Вы знаете, что въ исторіи русскихъ сословій это позднее выдѣленіе горожанъ выступаетъ очень рельефно. Прочтите сочиненіи *К И З Е - В Е Т Т Е Р А* или *Д И Т Ъ Т И Б А*, посвященные вопросу о

развитіи городовъ, и вы внесете то впечатлѣніе, что свободные люди входящіе въ составъ городского населенія выдѣляются очень поздно изъ общей массы смердовъ, занимавшихъ всю землю за исключеніемъ огороженныхъ мѣстъ или городищъ, изъ которыхъ временемъ и по мѣрѣ того, какъ это городище изъ крѣпости становится и рынкомъ, развивается городъ. И въ Англіи вы встрѣтите тоже самое. Владѣльцы городской земли, городскіе держатели еще въ XV вѣкѣ относятся къ одной категоріи со свободными владѣльцами съ *liberi homines*, живущими на помѣстной землѣ и держащими землю на зависимыхъ началахъ отъ помѣщика. Какія же причины ведутъ къ выдѣленію города отъ села и затѣмъ городского или посадскаго люда будущаго средняго сословія, буржуазіи отъ прочаго свободнаго населенія? Вы всюду встрѣтите въ Россіи столько же сколько и въ Германіи, и во Франціи, и въ Англіи, — что городъ отличается отъ деревни сперва только тѣмъ, что онъ имѣетъ ограду, что онъ является городищемъ и что городомъ признается только то, что лежитъ въ предѣлахъ этой ограды. Въ Москвѣ долгое время городомъ является только Кремль и Китай-городъ, такъ какъ и Кремль и Китай городъ были огорожены стѣнами; все же что находится за этими стѣнами, городомъ не считается.

Совершенно то же имѣетъ мѣсто и въ Англіи, гдѣ городомъ на протяженіи большаго періода времени считалась Сити, огороженная часть Лондона. На первыхъ порахъ Лондонъ представляетъ собою собраніе деревень, разбросанныхъ на очень большомъ пространствѣ и принадлежавшихъ отдѣльнымъ лордамъ, а иногда и самому королю. Но окруженнымъ стѣною слѣдовательно городомъ является только то мѣсто, которое носитъ названіе Сити. Поэтому, когда идетъ рѣчь о горожанахъ и городскомъ управленіи то дѣло касается только тѣхъ, кто живетъ въ предѣлахъ Сити, въ предѣлахъ чрезвычайнаго ограниченнаго пространства; и только жители этой части теперешняго Лондона, какъ горожане имѣютъ цѣлый рядъ привилегій. А затѣмъ въ Лондонѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ въ известное время около церковной ограды того храма, посвященнаго апостолу Павлу, (храма) который является лондонскимъ соборомъ, появляются временныя лавки купцовъ, съѣхавшихся изъ разныхъ частей страны на ярмарку. Итакъ постепенно Лондонъ становится рынкомъ и ярмаркой. Понят-

ное дѣло, что разъ Лондонъ — рынокъ и ярмарка, то въ немъ живетъ не мало зажиточныхъ людей, — англійскихъ купцовъ переѣзжавшихъ Ламаншъ, и иностранныхъ купцовъ, переѣзжавшихъ изъ другихъ странъ для того, чтобы скупать англійскіе товары и везти ихъ на иностранные рынки.

Лондонъ становится сосредоточіемъ богатыхъ людей. Та-кими же сосредоточіями богатыхъ людей временемъ становятся и другіе города Англии. Тогда правительство, которому не легко собирать налоги съ горожанъ, обращается къ этимъ богатымъ людямъ съ такимъ заявленіемъ. „Дошло до моего свѣдѣнія, что въ образовали изъ себя сообщество въ которое вошли купцы и богатые ремесленники, не для однихъ похоронъ и погребеній умершихъ членовъ не для одного только поддержанія постоянно зажженной лампы передъ иконой того святого, котораго вы избрали своимъ патрономъ, но и для всякаго рода взаимныхъ услугъ (например для организаціи дешеваго кредита). Обращаюсь къ Вамъ, какъ къ богатымъ людямъ (сообщества которыхъ были извѣстны подъ названіемъ „гильдій торговыхъ людей“) съ такимъ предложеніемъ: возьмите вы на себя заботы по управленію городомъ, но такъ чтобы вы не своевременно поступала опредѣленная сумма налоговъ. Вы можете избирать изъ своей среды *oldermen*'овъ — старшинъ, но не угодно ли вамъ доставлять мнѣ за это извѣстный выкупъ.“ Вотъ какимъ образомъ богатые люди города получаютъ и сосредоточиваютъ въ своихъ рукахъ извѣстнаго рода права по управленію городомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и возможность выдѣлиться изъ остальной массы свободныхъ людей. Члены упомянутыхъ гильдій, называвшихся по особому порядку платя, усвоеннаго ихъ членами, „ливрейными компаніями“ — *livery companies*, — были единственными людьми, которые управляли городами. Только ливрейные люди имѣютъ право выбирать городскихъ старейшинъ — *oldermen*'овъ, которые изъ своей среды выбираютъ самаго старѣйшаго мэра, который получаетъ съ теченіемъ времени названіе лорда-мера.

Такие же порядки существуютъ и въ Италіи, гдѣ болѣе богатые горожане, стоящіе во главѣ городского управленія, получаютъ изъ устъ престоляродя названіе „*popolani grassi*“, тогда какъ всѣ остальные называются мелкими людьми — „*popolo minuto*“

Во Франціи аналогичное явленіе составляютъ крупная буржуазія - *haut bourgeoisie* и мелкая - *petite bourgeoisie*. Крупная буржуазія впоследствии образуетъ третье сословіе, а относительно мелкой долгое время остается не яснымъ: - входитъ ли она въ составъ **третьяго сословія** или составляетъ четвертое сословіе, зародышъ рабочаго класса.

Такимъ образомъ на почвѣ классовой организаціи выступаетъ группировка городскихъ классовъ. Иногда эта группировка замаскирована. Города постепенно ведутъ борьбу съ съосѣднимъ сеньеромъ, къ чему ихъ побуждаютъ разнаго рода экономическія причины, препятствовавшія ихъ міровой торговлѣ, напримѣръ шлагбаумы, устраиваемые отдѣльными феодалными владѣльцами и т.д. Побѣжденнымъ сеньерамъ предписывается срыть съ лица земли ихъ замки и переселиться въ городъ. Тогда борьба между различными общественными группами переносится внутрь города. Когда эта вражда кончается къ выгодѣ горожанъ, они издаютъ во многихъ мѣстахъ, такъ называемые "указы о справедливости", по которымъ дворянство попадаетъ въ положеніе класса очень ограниченнаго въ своихъ правахъ; такъ напримѣръ, дворяне не могутъ засѣдать въ городскихъ думахъ и т.п. Отсюда то послѣдствіе, что дворяне бросаются въ третье сословіе, стараются проникнуть въ тотъ или иной цехъ и получить представительство въ органахъ мѣстнаго самоуправленія. Такимъ образомъ въ стѣнахъ города постепенно исчезаетъ тотъ элементъ, который подъ разными названіями, гдѣ воиновъ, гдѣ дворянъ, держался въ прежнія времена и въ городахъ.

Общій выводъ, какой мы вправе сдѣлать изъ всего сказаннаго относительно возникновенія и развитія сословій въ немногихъ словахъ можетъ быть формулированъ слѣдующимъ образомъ: въ основу сословной организаціи нельзя класть различія однихъ экономическихъ интересовъ, такъ какъ на ряду съ послѣдними, и другіе факторы - благородство происхожденія, служба въ княжеской дружинѣ и пр. вліяютъ на ея возникновеніе. Но если различіе экономическихъ интересовъ не составляетъ того фундамента, на который

опирается древнѣйшая сословная организація, то процессъ ея развитія или, вѣрнѣе сказать, вмиранія состоитъ ян въ чемъ иномъ, какъ въ такомъ стремленіи положить въ основу дѣленія общества на группы различіе экономическихъ интересовъ. Докажемъ эту мысль.

Въ эпоху господства родовой или общинной собственности начало нераздѣльности и неотчуждаемости, ей свойственное, является препятствіемъ къ тому, чтобы высшія сословія, другими словами тѣ, которые монополизируютъ въ своихъ рукахъ знанія, военную службу, наконецъ административный опытъ, сдѣлались выѣстѣ классомъ землевладѣльческимъ. Когда же начало общинной собственности на земли было поколеблено, высшимъ сословіямъ открытъ былъ доступъ къ расширенію сферы ихъ землевладѣнія. Будучи и до этого крупнѣйшими владѣльцами движимаго капитала (рабовъ и скота), вознаграждаемая за свои услуги и правительствомъ и добровольными пожертвованіями своихъ соотечественниковъ, высшія сословія, духовенныя и свѣтскія, пользуются нерѣдко своею политической властью для того, чтобы подчинить своему вліянію возможно большее число свободныхъ людей, обратить ихъ самихъ въ кліентовъ и поставить принадлежащую имъ землю въ непосредственную зависимость отъ себя. Этимъ путемъ они становятся классомъ крупныхъ недвижимыхъ собственниковъ. Чтобы удержать землю въ своихъ рукахъ, они стараются о признаніи правительствомъ начала безповоротности или заповѣдности ихъ владѣній, вводятъ систему майоратнаго наслѣдованія, или обращаются къ субституціямъ, т. е. условному переносу собственности на случай смерти, препятствующему отчужденію ея ближайшимъ наслѣдникомъ и впередъ опредѣляющему порядокъ ея дальнѣйшаго перехода.

На этомъ до поры до времени ограничивается процессъ обращенія сословій, этихъ создаваемыхъ закономъ группъ, въ классы, члены которыхъ связываются между собой единствомъ экономическихъ интересовъ. Условія натурального хозяйства не позволяютъ видѣленію еще въ особія группы другихъ классовъ, кромѣ того, который живетъ доходомъ отъ земельной ренты. Прочая масса населенія, безъ различія герсжанъ и сельчанъ/ составляетъ рабочій людъ, заработка котораго, впрочемъ, постоянно пополняется частью земельной ренты, оставляемой имъ собственниками, благодаря малѣ-

леніе ихъ вѣчными, или долгосрочными, весьма неотяготительными арендами.

Только съ переходомъ натурального хозяйства въ денежное и постепеннымъ развитіемъ этого послѣдняго возникаютъ условія, благоприятныя дальнѣйшему процессу замѣны сословной организациі классовой.

Далеко не случайностью объясняется тотъ фактъ, что какъ въ русской исторіи, такъ и въ исторіи западно-европейскихъ народовъ „посадскіе люди“, или горожане на первыхъ порахъ не выдѣляются изъ среды поселянъ. Это не значитъ однако, чтобы, за исключеніемъ высшихъ сословій и людей несвободныхъ, вся остальная масса населенія составляла одну совершенно недифференцированную массу. Напротивъ того, мы находимъ въ ея средѣ въ о б щ е м ъ, при противопоставленіи ея высшимъ сословіямъ и несвободнымъ людямъ, довольно о д н о р о д н о е , значительное число не особенно важныхъ подраздѣленій, при чемъ основанія къ нимъ — самая разнообразныя. Возьмемъ, на примѣръ английскую „книгу суда“ или „Думсдей-букъ“. Какъ велико въ ней разнообразіе терминовъ, употребляющихся для обозначенія различныхъ категорій сельскаго и городского населенія: *villani*, *bordarii*, *collarii*, *collegelli* и т. п., а вѣкъ или два спустя *custamarii*, *lundinari*, *oregerii* и т. п. Обыкновенно чертой различія служитъ степень зависимости отъ того или другого изъ членовъ владѣтельнаго сословія, выражающейся въ болѣе или менѣе мѣлкомъ размѣрѣ натуральныхъ службъ и платежей. Но ея можетъ быть также такой, по мнѣнію, случайный признакъ, какъ обязательность или необязательность явки въ судъ (*hundredarii*).

Развитіе промышленности и обмѣнъ впервые ведетъ къ обособленію въ средѣ рабочаго люда такихъ лицъ, доходомъ которыхъ является скривавшійся въ формѣ предпринимательской прибыли процентъ на капиталъ. Утвержденіе Сійеса, что среднее сословіе до революціи обнимало собою всю массу свободнаго населенія, за исключеніемъ высшихъ сословій, несправедливо съ правовой точки зрѣнія, еще менѣе вѣрно съ точки зрѣнія экономической. Монополизациія извѣстныхъ видовъ производства и извѣстныхъ видовъ обмѣна въ немногихъ рукахъ въ такой же мѣрѣ содѣйствовала обособленію буржуазіи или средняго сословія городовъ отъ прочаго населенія, въ

какой монополизацией земельной собственности вызвалъ обращение высшихъ сословій въ классъ землевладѣльцевъ съ того момента, когда благодаря такой монополизациі, цехи эти на первыхъ порахъ открытыя сообщества сдѣлались замкнутыми, пополняемыми лишь путемъ кооптациі олигархическими силами съ тѣхъ поръ, какъ въ нихъ возникло различіе между рабочими и мастерами и затрудненъ былъ переходъ первыхъ въ послѣдніе, люди посадскіе, употребляя выраженіе нашихъ древнихъ намятниковъ, перешли въ обособленный экономическій классъ лицъ, доходъ которыхъ получается лишь отчасти благодаря собственному труду, преимущественно же въ формѣ процента на капиталъ, черѣдко созданный правительственной монополіей торговли и промышленности.

Съ земной натуральнаго хозяйства денежнымъ помѣстная земля также могла сдѣлаться ареной капиталистическаго производства въ томъ смыслѣ, что, снимая ее у собственника и вкладывая въ нее свои капиталы, извѣстныя лица, занимающія какъ бы роль посредниковъ между собственникомъ и землевладѣльцемъ (middlemen) стали жить доходомъ, доставляемымъ частью процентомъ со сдѣланныхъ ими затратъ, частью той долей земельной ренты, которая уступлена была имъ земельнымъ собственникомъ. Выдѣленіе этихъ двухъ группъ капиталистовъ предпринимателей городскихъ и сельскихъ - и постепенная монополизациія въ ихъ рукахъ промышленныхъ производствъ, обмена и земельного владѣнія повелъ къ обращенію всѣхъ прочихъ группъ городского и сельскаго населенія въ одинъ классъ лицъ, живущихъ заработной платой, классъ рабочихъ или пролетаріевъ. Этотъ фактъ является болѣе или менѣе замаскированнымъ тамъ, гдѣ крестьянинъ удержалъ еще владѣніе усадьбой и прилежащимъ къ ней участкомъ съ правомъ на общинный выгонъ; почему обособленіе, такъ называемаго, четвертаго сословія прежде всего совершилось въ городахъ, и крестьяне въ большинствѣ еще европейскихъ государствъ, за исключеніемъ одной только Англій, представляютъ классъ, стличный отъ класса городскихъ рабочихъ.

Итогами изложеннаго нами процесса является замѣна вызван-ной историческими причинами и поддерживаемой закономъ сословной организаціи организаціей классовой, т. е. такой, основу которой составляетъ обособленіе различныхъ частей населенія по источнику ихъ дохода.

Такимъ образомъ новымъ условіямъ отвѣчаетъ вновь возникшая классовая организація, при которой все населеніе страны дѣлится на людей, владѣющихъ капиталомъ, и людей, владѣющихъ только одними рабочими руками, на классъ людей зажиточныхъ и классъ пролетаріевъ. Классовая организація сперва зарождается въ городахъ и постепенно вытѣсняетъ сословную организацію, а затѣмъ по типу городовъ идетъ дальнѣйшее развитіе и всего того, что лежитъ внѣ стѣнъ городовъ. Въ англійск. джеэтри, въ котор. слились и прежніе рыцари и просто свободные люди вы видите только переходъ отъ сословной организаціи къ классовой. Когда послѣдовало освобожденіе и обезземеленіе крестьянъ, то англійскіе владѣльщики земли образовали изъ себя уже не сословіе, связанное извѣстными нормами законодательства, опредѣлявшими его планъ, а классъ свободныхъ рабочихъ. Въ Россіи это еще не началось, и никто иной какъ Н. П. Побѣдоносцевъ жаловался на то, что нашъ крестьянинъ представляетъ только полу-персону, и видѣлъ задачу государства въ томъ, чтобы сдѣлать крестьянина персоной, т. е. уравнивать его въ области гражданскаго права со всемъ прочимъ населеніемъ. Это было сдѣлано во Франціи въ 1789 году. Вѣками ранѣе это было сдѣлано въ Англіи, гдѣ для этого не потребовалось никакого особаго законодательства. Въ XV столѣтіи, когда крѣпостное право исчезло, англійскіе крестьяне сдѣлались свободнымъ населеніемъ. Правда, они при этомъ потеряли свои земли и перешли въ классъ безземельнаго сельскаго пролетаріата.

Вотъ какимъ образомъ совершается переходъ отъ сословной организаціи къ организаціи классовой.

А что въ основѣ классовой организаціи лежитъ экономическій факторъ, это ясно видѣлъ уже Тюрго въ XVIII столѣтіи и указалъ на то въ своемъ сочиненіи "размышленіе о накопленіи и распредѣленіи богатствъ." Въ этомъ маленькомъ трактатѣ онъ указываетъ уже на многіе вопросы, къ которымъ обратятся социологи нашихъ дней. Свѣ указываетъ между прочимъ и на преемственную связь рабства, крѣпостничества и вольнонаемнаго труда и говоритъ, что земля, капиталъ и трудъ составляютъ основу группировки населенія на три класса: классъ земельныхъ собственниковъ, классъ обладателей движимымъ капиталомъ и классъ, который мы называемъ классомъ пролетарскимъ; Тюрго выдвигаетъ еще классъ свободныхъ съемщиковъ земли, указываетъ на то, что этотъ классъ очень сильно развитъ въ Англіи и очень мало во Франціи, гдѣ мѣсто свободныхъ

стемниковъ земли занимать крѣпостные люди ^и рекомендуютъ французамъ отъ чиншевого права перейти къ фермерскому хозяйству по английскому типу.

Такимъ образомъ, уже Турго создаетъ много изъ того, что выскажутъ вскорѣ послѣ него Сен-Симонъ и цѣлый рядъ писателей, известныхъ подъ названіями социалистовъ, анархистовъ, индивидуалистовъ, коммунистовъ и т. д., которые, считаясь съ тѣмъ, что доходъ современнаго общества дѣлится на три части, что съ одной стороны существуетъ рента, съ другой стороны процентъ на капиталъ и, наконецъ съ третьей - заработная плата, видятъ основу классовой организаціи въ экономическихъ причинахъ. Является, наконецъ, писатель, который особенно подчеркиваетъ эту мысль, - Лоренцъ фонъ Штейнъ. Онъ проводитъ эту мысль въ своемъ сочиненіи "Исторія социалистическихъ и коммунистическихъ движеній," въ сочиненіи, послѣднія главы котораго посвящены выясненію понятія объ обществѣ и социальной исторіи французской революціи. По его мнѣнію характерную черту класса составляетъ общность экономическихъ интересовъ, связывающихъ его членовъ, тогда какъ характерную особенность сословія - признаніе его за обособленную группу законовъ. Когда Карлъ Марксъ написалъ свой трактатъ "Нищета философіи", являющейся отвѣтомъ на "Философію нищеты" Прудона, то съ изложилъ въ сущности тѣ же взгляды, которые мы находимъ и у Лоренца фонъ Штейна и у болѣе раннихъ писателей вплоть до Турго и далѣе. Марксъ повторилъ ихъ и въ своемъ "Коммунистическомъ манифестѣ" и въ первомъ томѣ "Капитала". А если мы подыдемъ нѣсколько выше, въ эпоху столкновенія короля съ парламентомъ въ Англіи, то въ сочиненіи Гарингтона "Океанъ" найдемъ проведеніе взгляда, что форма правленія зависитъ отъ распределенія собственности. Гдѣ существуетъ мелкая земельная собственность, тамъ легче упрочивается демократія, гдѣ существуетъ крупная земельная собственность, тамъ всего легче упрочивается аристократія, а гдѣ, какъ въ Турціи, Персіи или Московіи, султанъ или царь является владѣльцемъ всей земли, тамъ особенно прочно держится единовластіе. Итакъ, ученіе о томъ, что классовая организація имѣетъ подъ собой экономическій фундаментъ создано еще въ XVII вѣкѣ. Тотъ, кто хочетъ идти еще дальше, найдетъ такія мысли и у Аристотеля, но ясно сознается это обстоятельство лишь въ XVIII столѣтіи и послѣдними социалистами. А такъ какъ съ другой стороны, событія 1848 года вполне подтвердили правильность основной точки зрѣнія, что и политическое движе-

ніе обусловлюється вь концѣ концовъ экономическими факторами, то эта точка зрѣнія нашла себѣ выраженіе и на страницахъ сочиненій Карла Маркса. А эта мысль К. Маркса нашла себѣ вѣрнаго истолкователя вь лицѣ его alter ego Фр. Энгельса и искажителей вь цѣломъ рядѣ другихъ его послѣдователей, противъ крайностей которыхъ Энгельсъ не одинъ разъ вынужденъ былъ протестовать самымъ энергичнымъ образомъ.

Глава У.

ПРЕДЕЛЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ.

(Государственное вмѣшательство.)

Прежде, чѣмъ перейти къ вопросу о формахъ правленія намъ необходимо остановиться на вопросѣ о пределахъ государственной власти.

Очевидно, что искать рѣшенія этого вопроса можно только путемъ выдѣленія каждой изъ тѣхъ обязательныхъ формъ, которыя сосуществуютъ съ государствомъ, особой сферы дѣятельности. Зная, какія задачи преслѣдуются семьей, родомъ, церковью и т. п. союзами, намъ легче определить тѣ, достиженіе которыхъ составляетъ цѣль государства.

Вопросъ, однако осложняется тѣмъ, что всѣ эти обязательные союзы стоятъ вь близкомъ отношеніи другъ съ другомъ и, преслѣдуя разныя цѣли, взаимно содѣйствуютъ осуществленію каждой ея спеціальныхъ задачъ. Семья воспитываетъ гражданъ для государства; но и вь свое очередь государство содѣйствуетъ своими воспитательными учрежденіями достиженію одной изъ ближайшихъ задачъ семьи: нравственному и умственному развитію подроставшихъ поколѣній. Вь различныя эпохи это взаимодействие предполагаетъ большее или меньшее вмѣшательство государства вь сферу дѣятельности бокъ о бокъ сосуществующихъ съ нимъ общественныхъ союзовъ. Подобно тому, какъ можетъ быть указанъ періодъ, когда государство даже по вопросамъ общественно-безопасности играло только добавочную, второстепенную роль, выполняя дѣятельность родовыхъ и общинныхъ

соезовъ, такъ точно возможна связь на современные порядки, при которыхъ дѣятельность родовыхъ союзовъ вполнѣ поглощена дѣятельностью государства, а общины, за исключеніемъ сферы экономическихъ отношеній, принуждены ограничиться осуществленіемъ вѣростепенныхъ задачъ, возлагаемыхъ на нихъ государствомъ. Изъ сказаннаго слѣдуетъ относительно тѣхъ положеній, къ которымъ приводитъ историческое изученіе отношеній государства къ осуществляющимъ съ нимъ общественнымъ союзомъ. Никакихъ абсолютныхъ и неизмѣнныхъ правилъ она намъ дать не въ состояніи. Результатомъ его можетъ быть только раскрытіе той связи, въ которой стоитъ вопросъ объ отношеніи государства къ другимъ общественнымъ союзамъ со степенью культуры известнаго народа и съ общимъ поступательнымъ движеніемъ всего человѣчества.

Но вопросу о предѣлахъ государственной власти или о государственномъ вмѣшательствѣ высказывался и продолжаетъ высказываться и по настоящее время цѣлый рядъ ученыхъ. Но нужно замѣтить, что вопросъ этотъ обыкновенно сводятъ, сводя его къ вопросу объ отношеніи государства къ личности, къ индивиду. Публицисты такъ или иначе рѣшавшіе вопросы о предѣлахъ государственнаго вмѣшательства, имѣютъ въ виду только выгоды или ущербъ, происходящіе отъ этого вмѣшательства для частнаго лица. Такое смѣшеніе двухъ вопросовъ, далеко непокрывающихъ одинъ другой, явилось къ весьма роковой путаницѣ самыхъ понятій.

Въ самомъ дѣлѣ, къ чему обыкновенно сводится въ литературѣ вопросъ объ отношеніи государства къ индивиду.

Всякій знакомый съ нею, хотя бы въ общихъ чертахъ, согласится со мной, что сущность спора сводится къ рѣшенію слѣдующей задачи: существуетъ ли тенденція къ расширенію или суженію сферы государственнаго вмѣшательства?

Вопросъ этотъ разрѣшается въ двухъ рѣзко противоположныхъ смыслахъ: съ одной стороны индивидуалистами, съ другой

Оспее и ученіе о государствѣ. Проф. М. М. КОБАЛЕВСКАГО.
Изд. Студ. Касовъ Вааки. при СПб. Политехн. Инст.
Литографія Трофимова Можайская 3 Л. 12.

всѣми, кто является ихъ противниками, будутъ ли ими социалисты и коммунисты или позитивисты.

Для первыхъ всемогущество древняго государства постепенно уступаетъ мѣсто ограниченности государственныхъ функцій государства новаго времени.

Для другихъ осложненіе съ каждымъ поколѣніемъ общественныхъ отношеній вызываетъ все большее и большее вмѣшательство государства, слѣдовательно, въ конечномъ результатѣ ведетъ къ расширенію его функцій. Но поглощеніе личности древнимъ государствомъ, какъ и стремленіе новаго къ расширенію своей сферы дѣятельности, — все это такія явленія, которыя получаютъ надлежащее освѣщеніе лишь при условіи расширенія вопроса. Недостаточно сопоставить государство и индивидъ. Необходимо еще включить въ сферу этихъ сопоставленій другіе посредствующіе между обоими союзы. И какъ неожиданно въ этомъ случаѣ выводы, къ которымъ приводитъ историческое изученіе ихъ взаимодействія.

Стало бытъ, вопросъ о томъ, какія явленія общественной и личной жизни гражданъ подлежатъ вѣдѣнію государства, въ значительной степени долженъ рѣшаться подъ условіемъ принятія во вниманіе того обстоятельства, что рядомъ съ государствомъ существовали и продолжаютъ существовать по настоящій день другіе общественныя союзы, которые въ разное время осуществляли тѣ функціи, часть которыхъ перешла въ настоящее время къ государству. Государство только въ послѣдствіи ограничиваетъ сферу свободныхъ проявленій личности, а прежде его семья, родъ, община, различные союзы въ родѣ гильдій и цеховъ, наконецъ, церкви все это служатъ сферой самодѣятельности отдѣльнаго индивида. Можетъ быть поэтому возникаетъ вопросъ о томъ, не расширяется ли сфера индивидуальной свободы и при расширеніи функцій государства, такъ какъ это расширеніе функцій государства служитъ сферой вмѣшательства въ индивидуальную автономію личности семьи, рода, общины, церкви и другихъ союзовъ. Вотъ почему вопросъ, который намъ предстоитъ разрѣшить въ настоящее время,

вопросъ несравненно болѣе сложный чѣмъ думали писатели иныхъ временъ, напримѣръ. Писатели начала XIX вѣка, положили тотъ самый Бенжаменъ Констанъ, котораго такъ интересовало опредѣленіе личности

отъ внимательства государства, Бенжаменъ Констанъ, утверждавшій, что новыя государства тѣмъ только и отличаются отъ государства древности, что античное государство совершенно поглощало личность, тогда какъ новыя государства ограничиваютъ сферу своего внимательства въ личную свободу и ограничиваютъ ее довольно тѣсными границами: на обязанности новаго государства лежатъ заботы о внутренней и внѣшней безопасности и обезпеченіе правосудія.

По вопросу о томъ, каковы дѣйствительные предѣлы внимательства государства въ сферу индивидуальной автономіи, разные мыслители высказываются различно.

Вы знаете, что государство XVII и XVIII столѣтій, а въ Германіи даже и XIX справедливо называютъ п о л и ц е й с к и м ъ государствомъ, т.е. такимъ государствомъ, которое считаетъ возможнымъ и необходимымъ выѣшываться въ разныя сферы личной дѣятельности въ интересахъ спеки индивида. Все то, что слыло подъ громкимъ названіемъ просвѣщеннаго абсолютизма/отправлялось отъ той мысли, что необходимо дѣлать все для народа, но безъ участія народа. Такъ понималъ дѣло и австрійскій императоръ Іосифъ и Фридрихъ II Великій въ Пруссіи, такъ понималъ его и наши либеральные министры. Точка зрѣнія полицейскаго государства выступаетъ еще въ доктринѣ извѣстнаго прусскаго публициста Фр. Ю. Штала, полагавашаго что со всякой конституціей можно совмѣстить плодотворную дѣятельность полиціи.

Этотъ идеаль нашель свое осуществленіе на практикѣ, но теперь уже и русская публицистика не рѣшается поддерживать полицейское государство. Хотя нужно сказать, что полицейское государство, быть можетъ и подъ другимъ названіемъ, все таки до самаго послѣдняго времени находило себѣ защитниковъ въ юридической литературѣ; такъ одинъ изъ учениковъ Штала, мой учитель Р. Гнейстъ не прочь былъ сохранить полицейское государство, назвавши его государствомъ правовымъ.

Въ прстиговѣтъ этой теоріи полицейскаго государства въ Англіи, въ странѣ старинныхъ конституціонныхъ вольностей, стало высказываться обратное мнѣніе, понимавшее вопросъ о предѣлахъ государственной власти чрезвычайно узко. Государство выѣшывается только въ область внѣшней и внутренней безопасности, а такъ какъ внутренняя безопасность обезпечена господствомъ суда, то, поэтсму, въ сферу государственнаго внимательства входятъ и

заботы о правосудіи. Но внѣ цѣлей правосудія и безопасности государство сдѣлать ничего не можетъ.

Хотите Вы найти, можно сказать, классическаго представителя этого ученія въ сравнительно недавнее время, 50 - 60 лѣтъ тому назадъ, обратитесь къ произведеніямъ ГЕРБЕРТА СПЕНСЕРА. Первая же статья, вышедшая изъ подъ пера Герберта Спенсера, посвящена интереснѣшему насъ вопросу и озаглавлена: "Дѣйствительныя предѣлы государственной власти". Эта статья была написана въ 1846 году, когда Гербертъ Спенсеръ былъ еще инженеромъ, строилъ дороги внутри Англіи (Лондонъ-Бирмингемская желѣзная дорога построена при его ближайшемъ участіи) и только еще помышлялъ, какъ бы ему отдѣлаться отъ этихъ занятій и всецѣло отдаться литературной дѣятельности. Но перейти къ литературной дѣятельности въ Англіи, особенно въ Англіи того времени, когда Гербертъ Спенсеръ только начиналъ заниматься литературной дѣятельностью, было не такъ легко, какъ у насъ въ Россіи, гдѣ каждый пристроившійся къ литературѣ или журналистикѣ пользуется помощью литературнаго фонда. Въ Англіи того времени даже человѣку съ такимъ выдающимся умомъ и талантомъ, какимъ обладалъ Гербертъ Спенсеръ, было трудно прожить, занимаясь исключительно литературной дѣятельностью. После долгихъ лѣтъ работы, къ которой не лежало сердце Герберта Спенсера, и многихъ размышленій, онъ покидаетъ Англію, дѣлается секретаремъ редактора журнала "ЕСОНОМИСТ" и принимается за литературную и научную работу.

Первой заботой Герберта Спенсера по выступленіи его на литературное поприще было протестовать противъ вмѣшательства государства въ такія сферы индивидуальной свободы, въ которыя оно, пожалуй, не должно было бы вмѣшиваться.

"СОЦІАЛЬНАЯ СТАТИКА" Герберта Спенсера, сочиненіе, появившееся въ 1850 году и написанное подъ вліяніемъ альтруистическихъ мотивовъ, и заключаетъ въ себѣ powerful отвѣтъ на вопросы о предѣлахъ государственной власти.

Впослѣдствіи Гербертъ Спенсеръ неоднократно выступалъ съ проповѣдью невмѣшательства государственной власти ни въ какія сферы, кромѣ сферы безопасности и ста-

восудія, и, между прочимъ, въ сочиненіи, излагающѣмъ его нравственную философію «П Р И Н Ц И П Ы Н Р А В С Т В Е Н - С Т И», являющемся переработкой «С О Ц І А Л Ь Н О Й С Т А Т И К И». Затѣмъ, чтобы окончательно убѣдить своихъ читателей, что вмѣшательство государственной власти должно быть ограничено сферой безопасности и правосудія, онъ издалъ брошюру, распространенную въ огромномъ количествѣ экземпляровъ и привлечшую вниманіе правителей многихъ государствъ, правителей, стоявшихъ на точкѣ зрѣнія государственнаго солицизма. Что же заключало въ себѣ столь новаго ученіе Герберта Спенсера, привлечшее вниманіе многихъ правителей?

Въ брошюрѣ, озаглавленной «Человѣкъ и государство» и известной также подъ другимъ названіемъ: «Грядущее рабство» проводится та основная мысль, что государство по мѣрѣ дальнѣйшаго развитія общественной жизни захватываетъ все новыя и новыя сферы ея и налагаетъ на нихъ свою руку. И Гербертъ Спенсеръ изъ прошлаго приводитъ примѣры того, къ чему ведетъ безпредѣльное вмѣшательство государства. Оказывается, что точка зрѣнія председателя нашего Совѣта Министровъ П. А. Столыпина, высказанная имъ въ рѣчи, посвященной закону 2-го Ноября, была весьма распространенной въ средніе вѣка и благодаря ей вмѣшательство государства всегда имѣло своимъ послѣдствіемъ усиленіе сильныхъ и ослабленіе слабыхъ.

Гербертъ Спенсеръ приводитъ въ доказательство факты изъ исторіи англійскаго рабочаго законодательства, враннаго морской язвой, имѣвшей мѣсто въ Англии въ серединѣ XIV столѣтія. Спенсеръ не занимался экономической исторіей и потому зналъ только факты, касающіеся англійскаго законодательства. Если бы онъ зналъ общую экономическую исторію, онъ могъ бы сказать то же, что онъ говорилъ объ англійскомъ правительствѣ, и о дѣятельности правительствъ многихъ другихъ европейскихъ государствъ: Франціи, Португаліи, государствъ Скандинавскаго полуострова и др. Европейскія правительства почувствовали необходимость сдѣлаться благосостояніемъ рабочаго населенія. Когда подъ вліяніемъ разнаго рода бѣдствій, въ родѣ морской язвы, оно сократилось почти на половину, когда усилились требованія рабочихъ относительно болѣе высокой заработной платы и т.д. Англійское правительство, на примѣръ опредѣлило, что всякій рабочій, который потребуетъ платы болѣе, чѣмъ онъ получалъ до морской язвы, понесетъ известной силы наказаніе. Это

называлось въ то время - поддерживать справедливыя цѣны. Тогда вопросъ о справедливой цѣнѣ рѣшался сравнительно очень просто: поддерживались тѣ цѣны, которыя были въ интересахъ предпринимателей - землевладельцевъ и промышленно-заводскихъ предпринимателей, поскольку о таковыхъ можетъ идти рѣчь. Ссылаясь на это законодательство, Гербертъ Спенсеръ указываетъ на то, что вмѣшательство государства далеко не обезпечиваетъ того благосостоянія трудящихся классовъ, которое по мнѣнію сторонниковъ государственнаго социализма должно входить въ задачи государства. Не смотря на то, что эта мысль, столь популярная среди правительствъ различныхъ европейскихъ государствъ, была совершенно непопулярна среди англійскаго населенія, Гербертъ Спенсеръ оставался ей вѣренъ до конца своей жизни. Когда англійское правительство дѣйствительно начало заботиться о благѣ рабочаго населенія и проводить въ интересахъ рабочихъ разнообразныя реформы, то и тогда, какъ это видно изъ его послѣднихъ посемъ, недавно (въ 1908-омъ году) обнародованныхъ, Гербертъ Спенсеръ продолжалъ высказываться противъ расширенія вмѣшательства государственной власти въ общественную жизнь.

Если Вы спросите, существовало ли такое теченіе общественной мысли, какое представлялъ Гербертъ Спенсеръ для Англии, въ другихъ государствахъ, то мнѣ достаточно будетъ привести нѣсколько выдержекъ изъ сочиненія Б А С Т І А (Bastiat), автора „Экономическихъ гармоній“ („Harmonies économiques“), доказывавшаго, что существуетъ полная гармонія между интересами всѣхъ классовъ общества, чтобы ствѣтить утвердительно. Въ этомъ своемъ сочиненіи, изданномъ въ 1864 году, въ формѣ весьма искусно веденнаго діалога между государствомъ и гражданами, Б а с т і а излагаетъ свою точку зрѣнія на предѣлы государственнаго вмѣшательства, считая возможнымъ ограничить задачи государства защитой личности и собственности.

Вотъ что онъ говоритъ: „Вы (граждане) надѣлили меня (государство) публичной властью; я воспользуюсь ею только въ тѣхъ сферахъ, въ которыхъ вмѣшательство ея возможно, а такой является сфера правосудія. Я заставляю каждого остаться въ границахъ его правъ. На себя я принимаю заботу о безопасности личности и собственности. Въ этомъ состоитъ моя миссія, я готовъ

осуществлять ее. Но въ то же время я не приму никакой другой. Вы вправдѣ сжидать отъ меня только свободы и безопасности. Поймите же, что подъ страхомъ потери и той и другой, вы только и можете ждать отъ меня чего либо иного."*

Нужно сказать Вамъ, что эта точка зрѣнія, раздѣляемая въ настоящее время Академіей нравственныхъ и общественныхъ наукъ, не заключаетъ въ себѣ ничего новаго.

Если Вы обратитесь къ сочиненіямъ Молинали, разсматривавшаго всю исторію человѣчества съ точки зрѣнія: насколько несчастья рода человѣческаго или отдѣльныхъ народовъ вызывались вмѣшательствомъ государства въ другія сферы, кромѣ сферы безопасности и сферы правосудія, то увидите, что этотъ маститый, до селѣ живущій писатель, доказываетъ, что государства будутъ благодѣтельствовать и народы будутъ счастливы только въ той мѣрѣ, въ какой государство не будетъ выходить за предѣлы безопасности и правосудія. Эту мысль Молинали проводилъ, между прочимъ и въ Россіи въ своихъ лекціяхъ въ эпоху развитія публицистической дѣятельности Чернышевскаго.

Теперь интересно отвѣтить на вопросъ о сферахъ государственнаго вмѣшательства съ исторической точки зрѣнія и спросить себя въ какой мѣрѣ размѣрами государственнаго вмѣшательства обусловлено было не только поглощеніе государствомъ правъ личности, но и перенесеніе на государство многихъ, по крайней мѣрѣ, части тѣхъ функций, которыя осуществлялись раньше семьей, родомъ, общиной свободной общиной несвободной, смѣшанной, затѣмъ сословіями, гильдіями, цехами и т.д., наконецъ, въ завершеніе всего церковью. И если мы отнесемъ исторически къ этому вопросу, то мы увидимъ, что расширеніе функций государства не имѣло всегда своимъ послѣдствиемъ сокращеніе сферы автономіи личности, но сплошь и рядомъ имѣло своимъ послѣдствиемъ сокращеніе сферы вмѣшательства въ индивидуальную свободу такихъ союзовъ, какъ семья, такихъ союзовъ, какъ родъ, такихъ союзовъ, какъ община, такихъ союзовъ, какъ сословія, цехи и т.п. Согласитесь, напримѣръ, что если будетъ отнято у сословія право шельмовать своихъ членовъ, скажемъ исключать дворянъ изъ сословія за подписаніе виборгскаго воззванія, то сфера автономіи личности будетъ расширена, а государство въ то же время можетъ мало или совсѣмъ не сокращать сферы своего вмѣшательства.

*/ Bastiat. Harmonies économiques стр. 126, Paris 1864г.

Если Вы встрѣтитесь съ изданіемъ закона, по которому священникъ, потерявшій свою жену, не долженъ оставаться вдовою или по - студать въ монастырь, а можетъ завести вторую жену, опять Вы будете имѣть дѣло съ расширеніемъ сферы свободы личности, хотя и не последуетъ сокращенія сферы государственнаго вмѣшательства. Если бы, какъ это было сдѣлано во Франціи въ эпоху имперіи, ограничить право отновъ совершенно произвольно распоряжаться въ своихъ завѣщаніяхъ своею собственностью, своимъ имуществомъ, и, слѣдовательно, устранить для наслѣдника, чѣмъ либо не угодившаго родителямъ возможность лишиться всякаго имущества, всякаго обеспечения, то въ этомъ Вы опять таки найдете расширение сферы автономии личности безъ всякаго ущерба для государства. Поэтому тѣ, кто, какъ Мирабо и Наполеонъ I, ограничивали свободу распоряженія собственностью въ завѣщаніяхъ, освобождали личность отъ опасности попасть въ положеніе лица, которое можетъ выйти на жизненное пристанище безъ всякаго достатка и, слѣдовательно, должно посвятить большую часть своей жизни накопленію этого достатка, оставляя безъ отвѣта высшіе запросы своего духа до того момента, когда у бѣлки зубы окажутся неспособными грызть, хотя бы и золотые орѣхи; тѣмъ самымъ они сокращали сферу компетенціи семьи и расширяли область индивидуальной свободы, ничѣмъ не ограничивая государство.

Вотъ такимъ путемъ сокращенія сферы вмѣшательства другихъ, конкурирующихъ съ государствомъ, союзомъ, можетъ быть расширена сфера автономіи личности.

Отъ этой точки зрѣнія необходимо разсматривать исторію развитія сферы вѣдомства государства, иначе говоря предѣлы государственной власти. Отвѣчая на этотъ вопросъ, мы отвѣтили на вопросъ, который нѣмцы ставятъ въ слѣдующей метафорической формѣ: Какова цѣль государства? Сочвидно, что государство не вмѣшивается въ тѣ области, въ которыхъ оно не преслѣдуетъ никакихъ цѣлей, такъ какъ государство принадлежитъ къ числу такихъ общежительныхъ союзовъ, которые являются цѣлью сами для себя, или какъ выражаются нѣмцы Selbstzweck.

Поэтому о цѣляхъ государства нѣтъ необходимости говорить но есть необходимость говорить о предѣлахъ государственнаго вмѣшательства. И не трудно показать, что по этому вопросу, безотносительныхъ истинъ сказать нельзя. То, что было хорошо на известной

ступени культуры, стало плохимъ на другой ступени развитія. Вмѣстѣ съ процессомъ развитія общества измѣняется отношеніе государства къ тому, какія сферы общественной и личной жизни гражданъ подлежатъ его вмѣшательству и какія не подлежатъ.

Опредѣляя сферу государственнаго вмѣшательства на основаніи фактовъ древняго права и права среднихъ вѣковъ, права различныхъ народовъ, мы должны прийти къ одному заключенію, что первоначально эта сфера государственнаго вмѣшательства была чрезвычайно мала. Сказать, что государство само сосредоточивало въ своихъ рукахъ всѣ заботы о правосудіи и безопасности, нельзя по той простой причинѣ, что эту заботу принимали на себя родъ и племя, такъ что государство на первыхъ порахъ являлось только на помощь и поддержку другихъ общественныхъ союзовъ. И это можно доказать въ равной степени и древне - германскимъ правомъ, и древне - славянскимъ, древне - римскимъ и древне - греческимъ правомъ.

Бесполезно это вступаетъ у тѣхъ народовъ, у которыхъ государственная власть еще слабо развита. Такъ у кавказскихъ горцевъ до момента присоединенія ихъ къ Россіи государственная власть была въ зародышѣ, существовала въ формѣ болѣе баснословнаго, чѣмъ отвѣчающаго фактамъ владычества какого то общаго осетинскаго князя. И вѣдь здѣсь вмѣшательство государства, т.е. въ концѣ концовъ вмѣшательство того государства, которое возникло къ югу отъ Кавказскаго Хребта - Грузіи и разнаго рода татарскихъ ханствъ, которыя занимали восточную половину Кавказа, было чрезвычайно слабо. Въ періодъ господства родовой или кровной мести вмѣшательство государства сказывается въ очень скромныхъ обидныхъ для государства размѣрахъ. Государство, или вѣрнѣе правительство государства находитъ, что и ему можно было бы поживиться при уплатѣ за кровную мечь. Почему же только кровные родственники будутъ получать свой доходъ? Вѣдь ничто не мѣшаетъ точно также и правительству получать известную долю этого дохода въ свою пользу. Если Вы возьмете германское право, то Вы найдете, что убійство, раненія, всякаго рода насильственныя дѣйствія, направленныя противъ родственниковъ имѣютъ въ моментъ возникновенія государства то послѣдствіе, что кромѣ, такъ называемыхъ, вѣни, композиціи, или выкупа, т.е. платежа за кровь, платимаго скотомъ или другими цѣнностями, особенно распространенными въ данной странѣ, известный штрафъ съ преступника, называемый *fredus*, идетъ въ пользу

правительства. Эти порядки въ видѣ переживаній существуютъ въ теченіе всего того времени, когда правительство еще продолжаетъ интересоваться преступленіями съ точки зрѣнія дохода. вспомните объ англійскихъ судебныхъ слѣдователяхъ, которые имѣютъ отношеніе къ двумъ вещамъ: когда будетъ найдено мертвое тѣло и когда будетъ найденъ кладъ. На первый взглядъ можетъ показаться страннымъ, что можетъ быть общаго между обнаруженіемъ мертвца тѣла и находкой клада. Однако, это общее есть; когда будетъ найдено мертвое тѣло то съ преступника, если таковой будетъ обнаруженъ, судебный слѣдователь взыскиваетъ извѣстный штрафъ въ пользу государственной казны. Точно также, когда открывається кладъ, съ котораго по англійскимъ законамъ тоже идетъ доходъ въ пользу казны, то и тогда судебный слѣдователь розыскиваетъ того, кто открылъ этотъ кладъ и съ кого слѣдуетъ потребовать вычета въ пользу государства. Значитъ, вотъ чѣмъ на первыхъ порахъ интересуется правительство. Это самое Вы видите и въ древнемъ русскомъ правѣ, когда заходить рѣчь о дикой вирѣ. Тогда какъ выкупъ за убійство, такъ называемое голвиничество, идетъ въ пользу пострадавшаго родственника, вира идетъ въ пользу правительства (См. Русскую Правду). Слѣдовательно нельзя сказать, что даже въ области безопасности, которая признается теперь подлежащей вѣдѣнію государства, мы съ самаго начала имѣемъ дѣло съ государствомъ, какъ полновластнымъ хозяиномъ.

Спросимъ себя теперь: одно ли государство вѣдаетъ правосудіе?

Разумѣется кѣтъ. Пока дѣйствуетъ самосудъ, не можетъ быть и рѣчи о томъ, что правосудіе все находится въ вѣдѣніи государства.

Нельзя сказать, что государство съ самаго своего возникновенія преслѣдуетъ иѣли безопасности и правосудія. Мы видимъ, какъ въ Англіи возникло государство, какъ возникло законодательство одного изъ первыхъ англійскихъ королей. Король И н а издаетъ законъ, или, по крайней мѣрѣ, имѣется древнесаксонскій законъ, приписываемый королю Инѣ, въ которомъ постановляется, что за убійство короля взымается выкупъ и этотъ выкупъ уплачивается королевскому роду. Это доказательство того, что возникшее государство считается съ родовымъ бытомъ. Но одной изъ первыхъ задачъ, которыя ставили себѣ государства и церкви, — является по возможности ограничить примѣненіе кровной мести. Отсюда тѣ порядки,

которые въ англійскомъ правѣ передаются терминами: миръ короля, миръ королевской резиденціи. Королевскій миръ распространенъ на всѣхъ тѣхъ, кто не имѣетъ мстителей, напримѣръ; на вдовъ, сиротъ, на чужестранцевъ (отсюда королевскій миръ распространяется на дороги и т. д.) Король, какъ верховный правитель государства, становится на сторону всѣхъ этихъ обиженныхъ. И вся исторія развитія государствѣннаго вмѣшательства въ сферу безопасности сводится къ тому, что изъ королевскаго мира постепенно возникаетъ земскій миръ, миръ всего королевства, и тогда кладется конецъ кровной мести.

Но Вы знаете, что никакіе порядки не исчезаютъ безслѣдно, не оставляя никакихъ пережитковъ. Этимъ пережиткомъ являются дуэли, которыя долгое время признаются правомѣрнымъ институтомъ, хотя государство слѣдитъ за дуэлями, вводитъ ихъ въ извѣстныя границы и проситъ обращаться къ дуэли, какъ къ послѣдному средству.

Въ этомъ отношеніи особенно любопытны памятники древне-чешскаго права, гдѣ рассказывается о томъ, какъ правительственные чиновники должны слѣдить за честнымъ выполненіемъ принятыхъ при дуэли правилъ, онъ разставляетъ стороны и т. д., останавливая поединокъ, какъ только дѣло доходило до кровопролитія. Правительство вовсе не устанавливало такого порядка, при которомъ кровь должно смывать чѣмънибудь инымъ, не кровью.

Правительство только старалось слѣдить за тѣмъ, чтобы кровь не лилась безконечно. Такимъ образомъ, съ самаго начала кладется предѣлъ кровопролитію вмѣшательствомъ государства.

Батѣмъ вмѣшательство государства сказывается и въ другихъ областяхъ.

Государство беретъ на себя разбирательство тяжбъ и опредѣленія того, кто виноватъ въ томъ или иномъ преступленіи. Но стороны должны быть согласны съ приговоромъ для того, чтобы приговоръ wszелъ въ силу. Стороны относятся къ приговору какъ къ посредническому акту власти. Если стороны или хотя бы одна изъ нихъ окажется недовольной постановленіемъ суда, то за судомъ слѣдуетъ поединскъ, который и рѣшаетъ, кто правъ и кто виноватъ. Вы знаете, до какого времени держатся эти порядки во Франціи? До Людовика IX Святскаго т. е. до первой половины XIII вѣка. Слѣдствительно, чрезвычайно медленно развиваются функціи государства въ об-

лести рѣшенія вопросовъ, вызываемыхъ нарушеніемъ мира и кровопролитіемъ тѣмъ, что мы называемъ уголовными преступленіями. Что государство на первыхъ исрахъ рѣшаетъ различныя гражданскія тяжбы, это видно хотя бы изъ "Салическаго закона" и цѣлаго ряда другихъ сборниковъ древняго права. Кто постановляетъ рѣшенія по гражданскимъ тяжбамъ?

Рахибурги, которые являются преемниками старинныхъ посредниковъ, а правительству приходится смотрѣть только за тѣмъ, чтобы и казна свою выгоду получила. Но и въ области гражданскихъ дѣлъ судъ на первыхъ исрахъ играетъ только посредника. Такой порядокъ весьма распространенное явленіе. Такимъ образомъ, и въ области уголовныхъ дѣлъ и въ области гражданскихъ дѣлъ государство не сразу обнаруживаетъ свои права и свои задачи, свое право вѣдать правосудіе и свои задачи обеспечивать безопасность.

Замѣйте, что и въ послѣдующія времена при малѣйшемъ ослабленіи государственной власти происходитъ поворотъ назадъ, къ старымъ порядкамъ, къ самосуду.

Многимъ изъ Васъ, навѣрное, знакомо стихотвореніе Шиллера, въ которомъ онъ радуется возаренію Рудольфа графа Габсбургскаго. Чѣмъ же вызвана эта радость? Не прелесть тѣмъ, что этому возаренію предшествовало такъ называемое "великое междупартіе", когда господствовало "кулачное право" съ которымъ и повелъ энергичную борьбу Рудольфъ. Въ эпоху же "великаго междупартія" создавались тайныя общества, члены которыхъ принимали на себя миссію водворителей справедливости въ различныхъ частяхъ Германіи. Устранялись частныя расправы, и въ одинъ прекрасный день можно было найти того, или иного человѣка лежащимъ съ кинжаломъ въ груди, убитымъ членами этихъ разнообразныхъ организацій. Совершенно такіе же мы встрѣчаемъ всюду, гдѣ падаетъ элементъ государственности. Когда, на примѣръ, во время междоусобія сѣверныхъ и южныхъ американскихъ государствъ южные штаты не желали признать правительство сѣверянъ, а правительство южанъ были прогнаны войсками сѣверныхъ штатовъ, то что оставалось дѣлать гражданамъ южно американскихъ республикъ?

Бѣлые признали себя бѣлыми, а черныхъ низвели на степень безсловесныхъ животныхъ, устраивали тогда или иной судъ, который являлся своего рода *do ut desit*, т. е. происходили расправы, устраиваемыя отдѣльными лицами и разнообразными тайными организаціями,

причем единственнымъ наказаніемъ было снятіе головы; другого вида наказаній не было. Это называлось законъ Линча. Протесты, которые вьываються подобнаго рода расправами, доказываютъ Вамъ, что современное человѣчество все болѣе проникается сознаниемъ, что сферу государственнаго внимательства составляютъ безопасность и правосудіе.

Я изложилъ Вамъ происхождение тѣхъ функцій государства которыя всѣми школами государствѣдовъ признаются несомнѣнной принадлежностью государства и государственной власти, т.е. заботы о внутренней и внѣшней безопасности и о правосудіи.

Въ настоящее время возникаетъ вопросъ, вопросъ, который раздѣляетъ публицистовъ и экономистовъ, именно вопросъ о томъ, не принадлежатъ ли государству какія либо другія функціи, кромѣ указанныхъ. Этотъ вопросъ не лишенъ характера современности и для насъ.

Чуть не ежедневно нашимъ законодательнымъ учрежденіямъ приходится сталкиваться съ вопросомъ о принципахъ государственнаго внимательства и такъ или иначе его рѣшать. Въ какомъ дѣлѣ входятъ ли, на примѣръ, въ предѣлы государственнаго внимательства заботы о предоставленіи безработнымъ рабочимъ, или о прирѣбніи нищихъ, какъ входили эти заботы въ сферу дѣятельности средневѣковыхъ цеховъ или церкви и монастырей? Какъ извѣстно, монастыри сыграли огромную роль въ хозяйственной и вообще въ общественной жизни средневѣковья. Они играли значительную роль въ промышленности, въ обращеніи въ пѣтушія нивы и луга большой части европейскія земель. Нигдѣ земледѣліе не дѣлало такихъ успѣховъ, какъ на монастырскихъ земляхъ. Все это имѣло своимъ послѣдствіемъ то, что монастыри обогатились и чрезъ свое богатство имѣли болѣе значеніе въ области благотворенія, а также сдѣлались разсадниками знаній. Когда началось упраздненіе монастырей, которому предшествовало значительное движеніе общественной мысли, направленное къ этому упраздненію, то мало по малу исчезли благотворители, дававшіе приютъ бездомнымъ, кормившіи нищихъ и бродягъ. А такъ какъ упраздненіе монастырей совпало съ крупными измѣненіями въ городскомъ хозяйствѣ (въ роли обезземеленія англійскаго крестьянства), то началось въ необычныхъ размѣрахъ развитіе бродяжничества, принимавшаго уже въ XIV и XVII вѣкахъ характеръ хулиганства.

Газеты того времени, содержащія, главнымъ образомъ, фактическій матеріалъ, брошюры, носившія характеръ памфлетовъ, не мало удѣляли мѣста и для обсуждения вопросовъ практическаго и теоретическаго характера, связанныхъ съ бродяжничествомъ. Обширная брошюрная литература была посвящена вопросу о способахъ борьбы съ бродяжничествомъ. Какъ видно, изъ этой литературы, относящейся, между прочимъ, къ царствованію Генриха VIII, вопросъ о бродяжничествѣ былъ кореннымъ вопросомъ, отъ котораго зависѣло будущее англійскаго государства. Правительство въ видахъ уничтоженія бродяжничества начало прибѣгать къ чрезвычайно суровымъ мѣрамъ вплоть до примѣненія смертной казни. Но такъ какъ казнить всѣхъ было нельзя, то вспомнили сперва о колодкахъ: на человѣка уличеннаго въ бродяжничествѣ, надѣвались колодки, затѣмъ прибѣгли къ клейменію: на лбу у бродяги выжигались буквы B, и въ случаѣ его неисправленія бродягу казнили. Всѣми этими мѣрами, конечно, нельзя было уничтожить бродяжничества, которое продолжало развиваться. Тогда отъ карательныхъ мѣръ перешли къ другимъ. Вспомните, что при упраздненіи монастырской собственности было пролито много чернилъ при обсужденіи той темы, что монастыри, хоть и обслуживали нужды нищихъ и обездоленныхъ, но государство, когда упразднить монастыри, сможетъ лучше достигнуть цѣли поддержанія благосостоянія обнищавшихъ англійскихъ гражданъ, государство же отобравъ земли у монастырей, отдастъ ихъ сельскому пролетариату, государство лучше будетъ заботиться о просвѣщеніи народа и т.д. Но, когда съ нѣкоторой успѣшностью, было продано съ молотка имущество монастырей, то полученныя суммы пошли на пополненіе государственной казны, на военные расходы короля Генриха VIII, на покрытие издержекъ двора, которая росли по мѣрѣ того, какъ король становился болѣе развратнымъ и безпутнымъ. Въ результатѣ оказалось, что денегъ и земли для раздачи неимущимъ нѣтъ, что денегъ на устройство школъ тоже не имѣется.

Итакъ монастырская собственность была секуляризована, а денегъ у государства для служенія тѣмъ задачамъ, которымъ служила церковь, не оказалось. Издали, правда законъ о томъ, что государство, какъ послѣдующее миссіи церкви, должно идти на помощь нищимъ и обездоленнымъ, но такъ ничего и не было отдѣлано для прове-

денія въ жизнь этого закона.

Нѣсколько позднѣе додумались до другого, и въ царствованіе Елизаветы эта новая мысль была проведена съ большою послѣдовательностью. Вспомните, что и послѣ упраздненія монастырскихъ земель остались храмы католическіе, храмы протестанскіе и другихъ религіозныхъ группъ, храмы разбросанные на протяженіи всей Англіи. При всякомъ храмѣ былъ приходъ и имѣлся священникъ, одно время выбираемый прихожанами, а затѣмъ назначаемый епископскою властью. Такъ какъ нужно было слѣдить за благолѣтіемъ храма, то въ помощь священнику выбирался или назначался староста изъ прихожанъ. И тотъ и другой нуждались въ деньгахъ. Священнику нужно было собрать деньги съ прихожанъ на содержаніе храма, а сдѣлать это можно было лучше всего, собравъ весь приходъ и разъяснивъ ему положеніе дѣлъ. Такъ какъ прихожанамъ не всегда было удобно собираться то они выдѣляли изъ своей среды одну или двѣ комиссіи. Въ результатѣ создавалась организація, которая заботилась, между прочимъ, и о доставленіи работѣ нуждавшимся въ ней. Каждый приходъ собирался на собранія двоякаго рода: I) общее собраніе, которое собиралось внѣ храма у церковной паперти и называлось "открытая ризница" и II) болѣе тѣсное собраніе, выбираемое прихожанами, которое собиралось не въ самомъ храмѣ, а въ той его части, гдѣ хранились ризы, "закрытая ризница". Къ этимъ собраніямъ присоединялась единоличная власть священника и выбираемаго приходомъ церковнаго старосты. И вотъ парламентъ рѣшилъ, что нужно возложить на этихъ двухъ лицъ заботу съ присканіи средствъ для содержанія каждаго приходомъ его нищихъ. Этимъ достигались двѣ цѣли; такъ какъ содержаніе нищихъ или безработныхъ возложено было на приходъ, то понятное дѣло, что все приходъ были озабочены выселить изъ своихъ предѣловъ нищихъ въ тѣ приходъ, въ которыхъ они родились, а съ другой стороны явилась возможность найти средства для пропитанія нищихъ. Бскорѣ оказалось, что единственнымъ средствомъ достигнуть этой цѣли является обложеніе прихожанъ налогомъ на содержаніе нищихъ, который получилъ названіе "сбора на нищихъ". Такъ какъ церковному старостѣ и священнику, и безъ того заваленнымъ своимъ дѣлмъ, трудно было справиться съ тѣмъ служнымъ занятіемъ, какое представляетъ наблюденіе за этимъ сбо-

ромъ и за тратою поступающихъ въ казну денегъ, то въ помощь имъ были учреждены еще двѣ должности, должности двухъ „надзирателей за бѣдными“. Эта должность была выборная, и такъ какъ, кромѣ того она совершенно не оплачивалась, то эту должность въ большинствѣ случаевъ занимали люди болѣе или менѣе состоятельные. Такимъ образомъ, возникла организація призрѣнія приходомъ его нищихъ съ цѣлю искрѣпленія бродяжничества въ Англіи.

Въ какой же формѣ нужно доставлять помощь неимущимъ и безработнымъ? Уже въ царствованіе Елизаветы пришли къ рѣшенію доставлять эту помощь въ формѣ работы. Такъ какъ въ интересахъ каждаго прихода было сократить число бродягъ, то во всѣхъ приходяхъ были устроены особые „дома для нищихъ“, которые были по своему типу очень близки къ тюрьмамъ — обстоятельству, по видимостямъ, очень мало способствовавшее развитію бродяжничества. Англичане времени Елизаветы думали, что дома эти не будутъ особенно переполнены, но по мѣрѣ того какъ происходилъ процессъ концентраціи капиталовъ и земельной собственности, когда началась такъ называемая великая революція въ области промышленности и увеличила среду рабочего пролетаріата, то очевидно, что всякаго рода промышленные кризисы выбрасывали изъ фабрикъ огромное число лицъ, которымъ не оставалось другого средства просуществовать, какъ попасть въ „дома для нищихъ“. Приходы стали роптать, указывая на то, что ихъ средства не хватало на содержаніе рабочихъ домовъ въ надлежащемъ количествѣ, и тогда въ царствованіе Георга III былъ изданъ законъ неважный подъ названіемъ Гильбертовскаго акта. Гильбертовскій актъ предоставлялъ приходамъ право образовывать уніи на общія средства содержать рабочіе дома (этотъ актъ является въ Англіи первымъ по времени факультативнымъ закономъ). Но число пролетаріевъ безработныхъ и нуждавшихся въ помощи со стороны приходствъ стало расти тѣмъ не менѣе такъ быстро, что и при существованіи этихъ уній средствъ было недостаточно. Пришлось создать еще новую должность, должность „смотрителя за бѣдными“, который назначается отъ уніи или отъ соединенія приходствъ и который распределяетъ между отдельными приходами издержки по содержанию рабочихъ домовъ. Но и эта мѣра не помогла, число нуждающихся въ помощи продолжало расти, и мало по малу стало ясно, что членскія взносы сданныхъ единой помощью въ этихъ рабочихъ домовъ, с

къ этому необходимо присоединить еще помощь виѣ стѣнъ этихъ домовъ, т.е. доставлять пищу и нѣкоторую сумму денегъ людямъ, которые и желали бы попасть въ рабочіе дома, но не могутъ сдѣлаться ихъ квартирантами, такъ какъ они были переполнены. Это обстоятельство встрѣчено было не безъ нѣкотораго удовольствія, сознательнаго, а то и безсознательнаго, промышленниками, фабрикантами и заводчиками. Тогда держалась еще теорія, которую повторилъ впоследствии Л А С С А Л Ъ , которую защищали теорія фонда заработной платы и теорія паденія заработной платы до минимума средствъ существованія. Эта помощь виѣ стѣнъ домовъ для рабочихъ открывала возможность понижать заработную плату ниже этого минимума, такъ какъ недостачи въ заработной платѣ покрывались деньгами, которыя шли изъ приходской казны. Тогда, начиная съ 1835 года, само законодательство виѣшалось въ дѣло помощи нищимъ. Въ 1835 году былъ изданъ законъ, внесшій значительныя измѣненія въ систему призрѣнія нищихъ, ставшій на ту точку зрѣнія, что на призрѣніе виѣ стѣнъ рабочихъ домовъ должно обращаться меньше вниманія, что нужно доставлять работу безработнымъ, а не ссужать ихъ деньгами изъ приходской казны. Если Вы вспомните, что въ Англіи уже при Елизаветѣ дѣлались попытки помощи безработнымъ, что М о н т е с к ѣ е , посѣтившій Англію, имѣлъ возможность ознакомиться съ организаціей этой помощи, или что во Франціи въ XVI столѣтіи существуютъ *habiteau*, предназначенныя для помощи безработнымъ, то Вамъ станетъ понятнымъ происхождение той главы «Духа законовъ», которая посвящена этимъ *habiteau*. Вотъ почему Монтескье можно считать однимъ изъ родоначальниковъ ученія, очень радикальнаго въ глазахъ современной буржуазіи, ученіе о томъ, что государство связано доставлять своимъ гражданамъ, не имѣющимъ къ чему приложить свой трудъ, необходимые для существованія средства, давая работу безработнымъ. Неправы поэтому тѣ ученые, которые высказываютъ взглядъ, что теорія права на трудъ не могла быть защищена Монтескье, писателемъ, котораго нельзя внести въ списокъ радикаловъ, писателемъ, которому правительства различныхъ государствъ, не исключая и правительства и Георга III, платили пенсію. Вопреки этому мнѣнію, необходимо признать, что Монтескье и Тюрго были действительными родоначальниками теоріи, высказывающейся въ пользу признанія

Общее ученіе о государствѣ.
Изд. Студ. Кассы Взаимспом.
Литографія Трофимова.

Проф. М. М. ДОВАЛЕВСКАГО.
СПБ. Ислитеки. Институтъ.
СПБ. Можайская 3. Л. 13.

Составитель Филипповъ

за государством обязанности спѣшить на помощь немощнымъ въ формѣ доставленія работы. Если Вы примете во вниманіе, что эта теорія до сихъ поръ является сфферами несопря-емой, то Вы поймете до какой степени ново было то движеніе, кото-рое сперва охватило Англію, а затѣмъ всѣ другія протестантскія страны, Швецію, Пруссію и другія, которое нигдѣ не достигло та-кого значенія и силы, какъ въ Англіи, которая прежде всѣхъ дру-гихъ государствъ вступила на путь промышленнаго развитія, движе-ніе, основное требованіе котораго выражалось словами: государство должно помогать безработнымъ. И это движеніе не только отрази-лось въ сочиненіи Монтеסקье, но и въ практической дѣятельности Тьерго, когда онъ въ качествѣ интенданта одной изъ французскихъ провинцій строилъ дороги съ помощью дешеваго труда безработныхъ и, такимъ образомъ, давалъ возможность процвѣтать безработныхъ и осуществляя предпріятія, давно вестложныя, при условіяхъ чрез-вычайно благоприятныхъ для государственной казны. Это обстоятель-ство въ значительной степени выдвинуло его изъ среды современ-никовъ и быть можетъ, помогло ему занять постъ министра Людови-ка XVI. Съ этого времени былъ поставленъ вопросъ о необходи-мости для государства расширить свои функціи, распространивъ ихъ на ту сферу дѣятельности, которая называется б л а г о у с т - р о й с т в о м ъ. Въ формѣ предоставленія безработнымъ работы впервые возникаютъ заботы государства о благоустройствѣ.

Въ эпоху Учредительнаго Собранія въ числѣ задачъ госу-дарства выдвигается уже и забота о доставленіи помощи нуждаю-щимся въ трудѣ. А такъ какъ эта забота соответствуетъ и праву нуждающагося въ трудѣ получить этотъ трудъ, то неудивительно, если изъ признанія этой обязанности государства заботиться о немощныхъ возникло ученіе о правѣ на трудъ. Это ученіе получило впервые письменное признаніе въ деклараціи 1789 года, а въ деклараціи 1793 года, — обстоятельство, которое позволило Бен-тэму утверждать, что все движеніе направленное въ сторону при-знанія необходимости обезпеченія права каждаго на трудъ, идетъ изъ Англіи. Признаніе въ эпоху великой французской революціи право на трудъ отрицается въ эпоху разнаго рода реставрацій (реставраціи Бурбонскъ, іюльской монархіи), признается и го-

рячо защищается Л у и Б л а н о м ъ въ эпоху національнаго собранія (1871 - 5 г.) и въ настоящее время все болѣе и болѣе входитъ въ программы радикальныхъ и социалистическихъ партій. И въ дни, не такъ далекіе отъ насъ, у писателей, враждебно относившихся къ социализму, на примѣръ у Герберта Спенсера, въ сочиненіи "Человѣкъ противъ государства" и "Грядущее рабство" можно встрѣтить признаніе, если не права гражданина на трудъ, то обязанности государства спѣшить на помощь нуждающимся доставляемъ имъ средствъ къ жизни въ формѣ труда.

Другая сфера дѣятельности, съ которой государство выступило на помощь индивидуальной инициативѣ и инициативѣ частныхъ сообществъ и выступило весьма поздно, и которая является осуществленіемъ миссіи, ранѣе принадлежавшей церкви, - это о б л а с т ь н а р о д н а г о о б р а з о в а н і я. Народное образованіе въ средніе вѣка было или предметомъ дѣятельности церкви, или предметомъ дѣятельности частныхъ лицъ и частныхъ союзовъ. Если Вы разберетесь въ тѣхъ грамотахъ, которыми были созданы стдѣльные колледжи въ Оксфордѣ, то Вы увидите, что начало этимъ колледжамъ было положено пожертвованіями въ завѣдательной формѣ или въ формѣ дарственной. Богатыхъ лордсетъ, богатыхъ купцовъ, богатыхъ епископовъ, богатыхъ судей, богатыхъ землевладѣльцевъ. Во времени Эдуарда УІ, т.е. въ половинѣ XVI столѣтія еще нашелся въ Англии купецъ изъ Сити, который оставилъ значительныя средства для созданія такого колледжа, въ которомъ бы обучались дѣти лицъ, принадлежащихъ къ Лондонской Сити, и такъ какъ всякій баронъ, да и не только баронъ, но и купецъ имѣеть свою фантазію, то онъ ввелъ въ свое завѣщаніе слѣдующее условіе: ученики его школы непременно должны носить опредѣленнаго покроя балахоны и не носить шапокъ.

Это условіе исполняется и донынѣ. По волѣ завѣдательей англійскіе колледжи въ такой же степени среднія учебныя заведенія, какъ и высшія. Кроме того, въ меньшемъ числѣ устранивало школы церковь - явленіе, съ которымъ можно встрѣтиться и въ настоящее время во многихъ католическихъ странахъ. Въ Англии до 1870 года, когда впервые государству пришлось прійти на помощь народному образованію, существовали университеты, содержавшіяся на средства частныхъ обществъ, если не считать уни-

верситета, созданнаго въ Шотландіи при участіи государственной власти и нѣсколькихъ другихъ университетовъ созданныхъ на средства городовъ, напримѣръ, знаменитый колледжъ въ Манчестерѣ. Въ Англии же частными обществами организовывались школы грамоты и воскресныя школы, представлявшія, впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ довольно печальное явленіе.

Поэтому неудивительно, если въ средѣ англійскихъ радикаловъ нашлись люди, которые много потрудились для доказательства необходимости государственнаго вмешательства въ область народнаго образованія, хотя бы въ формѣ помощи на постройку школъ, а не на содержаніе ихъ. То обстоятельство, что въ протестанскихъ странахъ чтеніе библіи признается обязательнымъ для каждаго вѣрующаго христіанина, тогда какъ, наоборотъ, въ католическихъ странахъ чтеніе Библии дозволяется только духовенству и то на латинскомъ языкѣ, мало понятномъ широкимъ кругамъ прихожанъ явилось причиной того, что протестанскія государства очень рано стали заботиться о народномъ образованіи.

Никто не отнесся къ этому вопросу такъ серьезно, какъ съверо - американскія христіанскія секты. Еще ранѣе прведенія нынѣ дѣйствующей конституціи 1787 года, бывшія колоніи Англии, отдѣлившіяся отъ нея и образовавшія конфедерацію 13 самостоятельныхъ штатовъ рѣшили пожертвовать въ пользу возникавшаго общаго правительства свои земли лежащія къ западу отъ Аллеганской горной цѣпи. Вся площадь къ востоку отъ Аллеганъ была болѣе или менѣе заселенной, тогда какъ въ области къ западу отъ нихъ европейскія поселенія являлись только рѣдкими оазисами. Какъ только общее правительство получило въ свое распоряженіе эти земли, оно озаботилось привлеченіемъ на нихъ колонистовъ. Эта территория росла по мѣрѣ захватовъ и покупки земли у индейцевъ, по мѣрѣ вытѣсненія индѣйцевъ, и въ предѣлахъ этой территории стали открываться новыя земли и новыя штаты. Въ прежнее время было принято постановленіе, что прежде, чѣмъ распродавать эту землю, нѣкимъ прищельщачъ, необходимо выдѣлать изъ общей площади земли области въ 36 кв. миль, размежевать всю землю на отдѣльные участки, размѣромъ въ 36 кв. миль. Только тогда, когда эти об-

ласти будутъ выдѣлены, можно будетъ пустить ихъ въ продажу, причемъ продавать не всю землю: одна изъ 36 кв. миль должна быть предназначена на цѣли народнаго образованія. Эту квадратную милю, предназначенную на нужды народнаго образованія разрѣшалось пускать въ оборотъ въ формѣ продажи или сдачи въ наемъ только тогда, когда число поселенцевъ настолько возрастетъ, что возникнетъ и приметъ значительные размѣры рента на эту землю. Эти земли образовали такъ называемый, школьный фондъ". На средства этого фонда устраивались школы - гимназiи, а въ тѣхъ штатахъ, въ которыхъ явилась необходимость и въ высшемъ образованiи изъ 36 кв. миль еще одна за №16 поступала въ вѣдѣнiе **однѣ** таки **министерства** народнаго образованiя и шла на цѣли созданiя государственныхъ университетовъ.

Если Вы прибавите къ этому, что рядомъ съ дѣятельностью правительства Соединенныхъ Штатовъ Северной Америки по созданiю университетовъ обще - государственныхъ имѣлась еще такого же характера дѣятельность правительства отдельныхъ штатовъ и дѣятельность частныхъ лицъ (университетъ въ Чикаго), то окажется, что Америка есть та страна, которая вслѣдъ за Германiей имѣетъ наибольшее число университетовъ, если принять во вниманiе пропорциональное отношенiе числа университетовъ къ населенiю. Изъ сказаннаго ясно, почему именно въ Америкѣ зародилось ученiе, которое находитъ горячихъ приверженцевъ и въ Англiи и которое проникаетъ и на континентъ Евразiи, ученiе, которое тѣсно связано съ расширенiемъ сферы государственнаго вмешательства, ученiе, что государство должно обезпечить всѣмъ своимъ совершеннолѣтнимъ гражданамъ возможность вступить въ борьбу за существованiе въ равныхъ условiяхъ, т.е. заставить одинаковыми знанiями, доходящими до такого уровня, при которомъ человекъ путемъ самообразованiя можетъ самостоятельно прiобрѣтать необходимые **свѣдѣнiя, знанiями** **сб-** **щими, не только начальными.** Это ученiе находитъ свое выраженiе въ движенiи, направленномъ къ созданiю народныхъ университетовъ и народныхъ школъ.

Общiй выводъ изъ всего вышеизложеннаго состоитъ въ признанiи того историческаго закона, что съ успѣхами гражданственности возрастаетъ и вмешательство государства и что причиной его расширенiя является, съ одной стороны, осложненiе общественныхъ отношенiй, а съ другой постепенное принятiе на себя государствомъ тѣхъ задачъ, которыя нѣкогда осуществляемы были тѣ-

кими сошежительными связями, какъ семья, родъ община, церковь и т. д.

Изъ этого послѣдняго положенія въ свою очередь слѣдуетъ тотъ выводъ, что расширеніе предѣловъ государственнаго вмѣшательства не всегда равносрнчательно съ сгрннченіемъ свободы индивида.

-----00000000000000000000-----

СПбГУ

Глава VI.

У Ч Е Н І Е О Ф О Р М А Х Ъ П Р А В Л Е Н І Я .

Верховная власть, какъ въ политически-централизованныхъ, такъ и въ федеративныхъ государствахъ, можетъ принадлежать въ совокупности всему народу безъ различія кастъ, сословій или классовъ, такимъ образомъ, что каждое изъ нихъ, призывается къ большому или меньшему участию въ немъ; или же наоборотъ, одна какая нибудь каста, сословіе или классъ, можетъ сосредоточивать въ своихъ рукахъ всецѣло права верховной власти.

Гораздо ранѣе Аристотеля было замѣчено, что есть государства съ однимъ главою, есть государства, въ которыхъ царствуетъ группа лицъ, считающихъ себя по рожденію призванными къ осуществленію власти, и есть государства, гдѣ верховная власть принадлежитъ всему народу.

Монархическая форма правленія въ Греціи выступала на первыхъ порахъ въ видѣ организациі легендарнаго характера. Вспомните о Кекропсѣ, о которомъ имѣется болѣе легендарныхъ свѣдѣній чѣмъ фактовъ, и про котораго говорили, что онъ ввелъ институтъ брака, до него неизвѣстнаго, научилъ грековъ земледѣлію, кораблестроенію и т.д. Лицу мифическому приписывается все то, чему нельзя найти прямого объясненія. А, между тѣмъ, несомнѣнно, что только благодаря постепенному развитію общественной жизни выработались такіе, не существовавшіе на болѣе раннихъ ступеняхъ развитія, институты семейнаго права, какъ бракъ. О Тезеѣ, очистившемъ Эгейское море отъ разбойниковъ, имѣются тоже мифическія представленія, но и его считали представителемъ монархической власти.

Но уже съ того момента, когда начинается историческая эпоха, мы встрѣчаемся въ Афинахъ съ владычествомъ евпатридовъ, т.е. людей, которые въ силу своего рожденія считали себя призванными управлять прачими своими соотечественниками. Если мы обратимся къ Спратѣ, то и тамъ въ историческій періодъ, который трудно вести иначе, какъ отъ Ликурга, къ которому (Ликургу) тоже,

пожалуй, - лицо мифическое, монархъ въ лицѣ двухъ королей является властью, сильно ограниченной сенатомъ, или такъ называемымъ, Б у л э . На нѣкоторомъ разстояніи появляется власть эфоровъ, которые берутся изъ того слоя населенія, который мы можемъ назвать зажиточной буржуазіей. Если Вы примете все это во вниманіе, Вамъ станетъ ясна причина, по которой греческіе политическіе мыслители были убѣждены въ томъ, что къ монархіямъ можно относить только тѣ формы правленія, которыя свойственны цивилизованнымъ націямъ, а такими цивилизованными націями эллины считали только себя - эллиновъ, всё же остальные націи считали націями варварскими.

Можно сказать, что теорія монархій, какъ правильной формы политическаго устройства въ такой же степени, какъ аристократія и демократія, складывается послѣ того, какъ македонская монархія завоевала себѣ признаніе и подчинила своему руководительству прочія государства Греціи, и въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ Александру Македонскому, сыну Филиппа удалось до нѣкоторой степени осуществить впервые въ мірѣ тотъ идеалъ всемірной монархіи, къ которому стремился Киръ персидскій, а еще ранѣе правители А с с и р о - В а в и л о н с к а г о царства. И этимъ объясняется, почему не у кого другого, а именно у учителя Александра Македонскаго, у А р и с т о т е л я мы встречаемся съ той ходячей теоріей, что формы правленія можно подвести подъ три группы: м о н а р х і я , а р и с т о к р а т і я и д е м о к р а т і я , которыя у Аристотеля еще слывутъ подъ названіемъ п о л и т и я .

Отличительной особенностью древней теоріи объ образѣ политическаго устройства является то, что критеріемъ она выставляла чисто виѣшній объективный признакъ: править ли государь, или цѣлая группа лицъ, или чернь въ интересахъ всего государства и всего его населенія, или въ своихъ личныхъ интересахъ, т. е. въ интересахъ самого монарха и его династіи, въ интересахъ меньшинства людей родовитыхъ или людей очень богатыхъ и, наконецъ, въ интересахъ черни. Отсюда сложившееся уже въ древности и повліявшая на политическую мысль среднихъ вѣковъ и, можно сказать, даже позднѣе - эпохи возрожденія ученія о томъ, что всякой правильной формой правленія о т в ѣ ч а е т ѣ н е п р а в и л ь н а я . Если монархъ

управляетъ страной въ интересахъ всѣхъ ея жителей, всѣхъ своихъ подданныхъ, тогда мы имѣемъ дѣло съ м о н а р х і е й . Если же единоличный правитель управляетъ страной въ своихъ династическихъ интересахъ, или даже въ своихъ личныхъ интересахъ, преслѣдуя не общее благо, а благо частное, то въ такомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ т и р а н і е й .

Значить правильной формой политическаго устройства - м с - н а р х і и соответствуетъ правильная - т и р а н і я . Далѣе. Если лица, ведающія по своему рожденію правятъ страной въ интересахъ общаго блага, откладывая мысль объ обогащеніи и заботясь только о процвѣтаніи страны, мы имѣемъ дѣло съ правильной формой политическаго устройства - а р и с т о к р а - т і е й . Если, наоборотъ, родственныя семьи пользуются властью для того, чтобы обогащаться, пользуются въ интересахъ самихъ семей, входящихъ въ составъ правящаго класса, то тогда мы имѣемъ дѣло съ неправильной формой правленія, которая называется греками о л и г а р х і е й . Если народъ управляетъ государствомъ въ интересахъ общаго блага, мы имѣемъ дѣло съ той формой политическаго устройства, которую Аристотель могъ наблюдать въ Афинахъ и которую онъ назвалъ п о л и т і е й , и Плибій впоследствии переименовалъ въ д е м о к р а т і ю . А если одна чернь правитъ только въ интересахъ черни съ цѣлью отобрать отъ богатыхъ имущества и отнять у нихъ власть, то мы имѣемъ дѣло съ неправильной формой политическаго устройства - о х л о к р а т і е й .

Вотъ все, что было сказано древними по вопросу о формахъ правленія. Къ этому нужно прибавить, что простого наблюденія было достаточно для того, чтобы усомниться въ возможности подогнуть всѣ формы политическаго устройства подъ эти правильныя и неправильныя шесть формъ. Напримѣръ, обрадая вниманіе на порядки, державшіеся въ древней Спартѣ и Римѣ, древніе греческіе философы и римскіе ораторы, набравшіеся греческой мудрости, должны были констатировать тотъ фактъ, что въ Спартѣ имѣются два короля, которые большой власти не имѣютъ, имѣется аристократическій сенатъ, имѣются сановники уже не изъ аристократическихъ родовъ, а изъ того, что мы можемъ назвать заимчивой буржуазіей, народныя сановники-эфоры, которые начинаютъ пріобрѣтать все большую власть и по отношенію къ королямъ, на-

чливая выступать въ роли дядекъ королей, и подчасъ очень не-
пріятныхъ дядекъ, сдерживавшихъ произволь королей и заставляв-
шихъ ихъ отказываться отъ той или иной мѣры, которую они жела-
ли бы провести, наконецъ. имѣются остатки народнаго собранія,
болѣе или менѣе близкаго къ тому народному собранію, которое
въ Гомеровской Греціи дѣлило власть съ греческими королями.

Явилось ученіе о томъ, что спартанскіе порядки нельзя
подвести подъ общее понятіе монархіи или тираніи, аристократіи
или олигархіи. Сравнили эти порядки съ римскими - особенно за-
нимались этимъ П о л и б і й и Ц и ц е р о н ъ - и нагли,
что въ Римѣ въ эпоху республики, рядомъ съ патриціанскими и
плебейскими комитіями были консулы, были трибуны и былъ сенатъ.
Подъ что это подходить? Трудно подвести такіе порядки подъ мо-
нархію, такъ какъ здѣсь отъ монарха осталось нѣсколько консу-
ловъ съ властью значительно меньшей той, которая принадлежитъ
монарху. Говорить объ аристократіи въ то время, когда плебейс-
кія собранія имѣли своихъ трибуновъ, тоже было нельзя. Во что
же уложить эти формы политическаго устройства? Стали говорить
о с м ѣ ш а н н ы х ъ ф о р м а х ъ п о л и т и ч е с к а -
г о у с т р о й с т в а , о такомъ образѣ правленія, при кото-
ромъ всѣ три элемента: монархическій, аристо-
кратическій и демократическій, или
по крайней мѣрѣ два: аристократія и народъ
призваны къ раздѣленію функцій государственной власти. Когда
появилась имперія, въ особенности въ первый періодъ ея существо-
ванія, когда А в г у с т ѣ забралъ всю власть въ свои руки, :
нѣсколько не настаивая на томъ, чтобы его считали монархомъ, въ
это время говорили о томъ, что монархическій элементъ до нѣко-
торой степени входитъ въ составъ римскихъ порядковъ, что тако-
вой имѣлся уже при С у л л ѣ , П о м п е ѣ и Ц е з а р ѣ , а
теперь существуетъ при А в г у с т ѣ . Явилось ученіе о смѣшан-
ныхъ формахъ правленія, которое у греческихъ писателей, жив-
шихъ въ эпоху римской имперіи; П о л и б і я , точно такъ же,
какъ и у П л у т а р х а находитъ себѣ признаніе. Т а ц и т ѣ ,
который живетъ позднѣе и знаетъ, что третья власть проглотитъ
два первые элемента власти, говоритъ о томъ, что наилуч-
шей формой правленія является, конечно, форма смѣшанная, но къ
сожалѣнію она недолговѣчна.

И на этомъ замираетъ политическая мысль древности, занятая вопросомъ о формахъ политическаго устройства.

Когда возрождается политическая мысль на Западѣ - что происходитъ не скоро - , порядки, установившіеся на землѣ, считаются настолько мало отвѣчающими справедливости, что самый выдающійся изъ церковныхъ писателей, котораго православная церковь называетъ блаженнымъ, а католическая святемъ, А в г у - с т и н ѣ въ своемъ сочиненіи «О Г О С У Д А Р С Т В Ъ Б О Ж Ъ Е М Ъ» (De civitate Dei) противопоставляетъ этимъ порядкамъ, государство, которое ему рисуется въ образѣ теократіи, главой которой является добродѣтель и, сравнивая это «Б о ж ъ е г о с у д а р с т в о», не существующее на землѣ съ земными государствами, говорить о послѣднихъ: царства безъ справедливости не болѣе, какъ великія разбойничьи шайки. Вотъ на какую точку зрѣнія становится человекъ, еще проникнутый столько же христіанскимъ міросозерцаніемъ, сколько и греко-римскою мыслью. Правильной формою правленія является только одно царство Божье на небесахъ.

Затѣмъ настаетъ періодъ, когда вопросъ о формахъ политическаго устройства отходитъ на задній планъ, уступая мѣсто вопросу о томъ, кому принадлежитъ власть - папамъ или императору, или нужно раздѣлить власть между ними, предоставивъ духовный мечъ папѣ, а свѣтскій мечъ императору.

Въ сочиненіи І с а н н а С о л и с б е р і й - с к а г о «Ц О Л И К Р А Т І Я» до нѣкоторой степени возрождается древняя политическая мысль. Такъ какъ онъ современникъ Г е н р и х а II, разрѣшившаго убійство главы католическаго духовенства Ф о м ы Б е к е т а , съ которымъ самъ І о а н н ѣ С о л и с б е р і й с к і й былъ связанъ узами нѣжной дружбы, то въ его изображеніи монархія являлась тиранией, т.е. неправильной формою единовластья. Имъ высказывается то ученіе, которое затѣмъ на всѣ лады повторяла католическая церковь вплоть до М а р і а н ы и С у а р е ц а и другихъ іезуитовъ: *tiranus est accidentus*, т.е. папы имѣютъ не только право отрѣзать отъ власти монарховъ, но и рекомендовать тѣ дѣйствія, которыя даютъ монарху возможность понести заслуженную кару за свои грѣхи. Стя І о а н н а С о л и с б е р і й - с к а г о мы приходимъ къ писателю, оставившему намъ цѣлый рядъ энциклопедій, которая онъ называетъ «з е р ц а л а м и».

Было зеркало наукъ естественныхъ, было зеркало наукъ нравственныхъ, зеркало наукъ историческихъ и, наконецъ, четвертой энциклопедіей являлось зеркало наукъ государственныхъ. Въ этомъ послѣднемъ сочиненіи, гдѣ кое-что списано у Аристотеля, кое-что изъ „П о л и к р а т і и “ І о а н н а С о л и с б е р і й - с к а г о и изъ П л у т а р х а , въ общихъ чертахъ дается извѣстная уже изъ древности классификація формъ политическаго устройства на монархію, вырождающуюся въ тиранію, аристократію, вырождающуюся въ олигархію, и демократію, при извѣстныхъ условіяхъ, превращающуюся въ оклократію.

Замѣтите, что ни у кого изъ первыхъ схоластикъ нѣтъ упоминанія о смѣшанной формѣ политическаго устройства, съ одной стороны, потому что ихъ не представляла жизнь — это былъ періодъ варварскихъ королевствъ, предшествовавшей возникновенію сословныхъ палатъ —, и во вторыхъ, не было возможности познакомиться съ тѣми сочиненіями древности, которыя говорили о смѣшанной формѣ правленія. Аристотелева „П о л и т и к а “ и даже трактатъ Цицерона „Д е р е п u b l i c a “ были почти совершенно неизвѣстны. Только въ серединѣ XIII столѣтія, когда появилась арабская передача великимъ арабскимъ ученымъ А в е р р о э с о м ъ мыслей А р и с т о т е л я , впервые стала проникать въ сознаніе европейскаго общества греческая мысль. Въ XIII столѣтіи выступилъ на поприщѣ научной и литературной дѣятельности Ф о м а А к в и н а т ъ , философія котораго до сихъ поръ преподается въ семинаріяхъ городовъ Р и м а и В а р с е л о н . Этотъ „а н г е л ь с к і й у ч и т е л ь “ проникаетъ въ родникъ греческой мысли, самъ съ греческаго языка переводитъ на латинскій „Политику“ Аристотеля и пользуется ею для своихъ двухъ трактатовъ „S u m m a t h e o l o g i a e “ и „D e r e g i m i n e p r i n c i p i i “ (О владычествѣ князя). Когда онъ ознакомился съ Аристотелемъ, его вниманіе привлекло то, что рядомъ съ простыми формами государства есть и смѣшанныя, въ которыхъ власть осуществляется и монархомъ, и аристократіей, и демсомъ. Онъ особенно остановился на этой мысли потому, что заинтересовался опредѣленіемъ тѣхъ порядковъ, которые въ то время господствовали и въ Неаполитанско-Сицилійскомъ королевствѣ и въ Святой Германо-Римской Имперіи, возстановленной К а р л о м ъ В е л и к и м ъ , распавшейся на три части

послѣ его смерти и затѣмъ снова возстановленной **О т т о н о м ъ**
В е л и к и м ъ и **Г о г е н ш т а у ф е н а м и**. Въ XIII вѣкѣ,
изучая эти порядки онъ отмѣчаетъ, что оословія имперіи, равно
какъ и сооловія Неополитанско-Сицилійскаго королевства уча-
ствуютъ въ обсужденіи Бюджета и въ осуществленіи государствен-
ной власти. Затѣмъ, въ этихъ государствахъ на лицо монархъ,
которымъ можетъ быть и Фридрихъ II Гогенштауфенъ, и ординарный
правитель Сициліи, и императоръ Священной Римской Имперіи. Нако-
нецъ, допускается представительство отъ городовъ и даже отъ на-
селенія деревень, слѣдовательно, отъ демоса. Все это вмѣстѣ
взятое позволяетъ сопоставить эти порядки Священной Римской Им-
періи съ порядками Спарты и Рима, и вотъ **Ф о м а А к в и н а т ъ**,
въ тѣсномъ общеніи съ Аристотелемъ и вообще ученіемъ древнихъ, въ
серединѣ XIII вѣка строитъ вновь теорію о правильныхъ формахъ
правленія, вырождающихся въ неправильныя и, конечно, наилучшей
формой политическаго устройства считаетъ смѣшанную форму, об-
разецъ которой представляетъ въ равной степени Римская респуб-
лика и Священная Римская Имперія въ томъ видѣ, въ какомъ ея уч-
режденія существуютъ въ эпоху Гогенштауфеновъ.

Вы видите, такимъ образомъ, какъ просто относятся къ
вопросу о формахъ политическаго устройства древніе и средне-
вѣковые мыслители. Они обращаютъ вниманіе только на вѣншній
признакъ: стоитъ ли во главѣ государства одно лицо или группа
лицъ, или, наконецъ, весь народъ. Когда и тотъ и другой, и третій
элементъ принимаетъ участіе въ осуществленіи власти, то говорятъ
о смѣшанной формѣ правленія. Дальше этого не идутъ.

Если Вы возьмете образцы другихъ государствъ, наприимѣръ
венеціанскіе порядки, то что это будетъ **м о н а р х і я** или
р е с п у б л и к а? Какъ будто есть нѣкоторыя данныя для то-
го, чтобы сказать, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ монархіей: во
главѣ государства стоитъ дожъ. Германскіе историки, много за-
нимавшіеся вопросомъ о происхожденіи власти дожа, приходятъ къ
тому заключенію, что **В е н е ц і я** въ ранній періодъ ея суще-
ствованія находилась подъ сильнымъ культурнымъ и политическимъ
вліяніемъ **В и з а н т і и**, и Византійскіе порядки были пере-
несены въ Венецію. Дожъ — это слабая копія съ византійскаго им-
ператора.

Однако, дожъ уже довольно рано не можетъ дѣйствовать
иначе, какъ съ помощью двухъ совѣтовъ. Только дѣйствуя заодно съ

совѣтомъ, состоящимъ изъ 40 членовъ, онъ можетъ титуловать себя общимъ названіемъ князя. Не дожъ, какъ таковой - князь, а дожъ вѣднненіи съ Совѣтомъ есть князь. Рядомъ съ этимъ Совѣтомъ 40 существуетъ „Большой Совѣтъ“. Этотъ Совѣтъ становится замкнутымъ съ 1283 года, - обстоятельство, вызванное появленіемъ въ Венеціи моровой язвы. Многие члены перестали посѣщать засѣданія Совѣта. Тогда правившій въ то время дожъ вмѣстѣ съ оставшимися совѣтниками издалъ постановленіе, что впредь въ „Большой Совѣтъ“ будутъ засѣдать потомки только тѣхъ семей, которыя не разбѣжались во время моровой язвы. Это называется „закрѣпленіемъ на замокъ Большого Совѣта для разбѣжавшихся и ихъ потомковъ“. Съ этого времени только известныя семьи засѣдаютъ въ этомъ совѣтѣ. Со временемъ оказывается, что и ихъ слишкомъ много, что и въ ихъ средѣ происходитъ процессъ дифференціаціи: одни семьи - болѣе зажиточны, другія - захудалы. Возникаетъ мысль создать рядомъ съ этимъ учрежденіемъ болѣе тѣсный совѣтъ, и постепенно власть ускользаетъ изъ рукъ Большого Совѣта и переходитъ къ сенату, члены котораго вербуются изъ среды членовъ Большого Совѣта. Наконецъ, когда дожъ Марино Фальери въ 1350 году сдѣлалъ попытку усилить свою власть съ помощью демоса, то былъ назначенъ „Совѣтъ 10“, который, забравъ всю власть въ свои руки, приговорилъ этого дожа къ смертной казни за измѣну, отсѣкъ ему голову, и въ „Большомъ Совѣтѣ“, гдѣ на стѣнахъ изображены портреты всѣхъ дожей, начиная съ перваго, болѣе или менѣе легендарнаго, и кончая тѣмъ, который изгналъ изъ Венеціи Наполеона I, было оставлено пустое мѣсто, на которомъ значилось: а это мѣсто Марино Фальери, которому отсѣкли голову за его измѣну. Приговорившихъ Марино къ смертной казни было всего 10 человекъ, которые вскорѣ нашли, что и десяти много, и избрали комиссію изъ трехъ инквизиторовъ, которая и сдѣлалась верховнѣйшей всѣхъ дѣлъ въ Венеціи.

Спрашивается, какой же образъ правленія былъ въ Венеціи: монархія, аристократія, демократія, смѣшанная форма правленія или какая-нибудь иная? Если судить по внѣшнимъ признакамъ, если имѣть

въ виду ту эпоху, когда дожь Венеція сочетался бракомъ съ Адриатическимъ моремъ - символическое значеніе этого брака заключалось въ томъ, что при помощи его венеціанцы заявляли, что они считаютъ Адриатическое море закрытымъ для всякаго невенеціанца, - то время, когда дожь являлся со всѣми признаками вишняго благослѣвія: на немъ была золоченная риза, шапка съ рогами также изъ чистаго золота и т.д., когда же онъ принималъ пословъ, входилъ въ сношенія съ иностранными государствами, то, разумѣется, такъ называемая, республика святого Марка съ дожемъ во главѣ, была монархіей. Но если Венеція на первыхъ порахъ своего существованія была монархіей, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что она не являлась таковой въ болѣе позднія времена.

Тогда остановились на мысли, что нужно различать двѣ вещи: кому принадлежитъ верховная власть въ данномъ государствѣ и черезъ посредство кого эта власть осуществляется. Постепенно въ эпоху итальянскаго Возрожденія и вездѣ въ XVII и XVIII вѣкахъ возникаетъ и развивается теорія, которая гласитъ, что при опредѣленіи формы правленія, нужно прежде всего ставить вопросъ, въ чьихъ рукахъ находится верховная власть и кѣмъ она осуществляется. Если, напримѣръ поставитъ этотъ вопросъ по отношенію къ Франціи эпохи Іюльской монархіи, то трудно будетъ сказать, что эта власть находилась въ рукахъ французскаго народа. Если поставитъ этотъ вопросъ по отношенію къ Дагомейскому царству, упраздненному Франціей, то въ Дагомейѣ власть принадлежала дагомейскому царю. Если мы перенесемъ эту точку зрѣнія на порядокъ, который существовалъ въ Англіи въ XVII вѣкѣ и ранѣе, то мы должны будемъ сказать, что при Г е н р и х ѣ У I I и при Е л и з а в е т ѣ , когда парламентомъ было признано, что всякій указъ короля равносильнъ парламентскому статуту, власть принадлежала королю. А въ XVIII вѣкѣ, когда министерство Вальполя могло держаться въ теченіе 30 лѣтъ только благодаря системѣ взаимныхъ услугъ, т.е. съ одной стороны, благодаря оффиціальнымъ кандидатурамъ, а съ другой, общаніямъ произвести въ бароны всякаго, кто повліяетъ въ правительственныхъ цѣляхъ на избирателей, тогда власть несомнѣнно принадлежала аристократіи. Ну, а въ настоящее время, когда въ Англіи въ случаѣ конфликта парламента съ правительствомъ, послѣднее распускаетъ парламентъ, обращаясь съ вопросомъ къ странѣ, и выходитъ въ отставку прежде, чѣмъ соберется парламентъ въ новомъ составѣ,

разъ выяснится, что большинство на сторонѣ противниковъ министерства, власть переходитъ или перешла въ руки демократіи.

Эта верховная власть, которая сосредоточивается въ рукахъ различныхъ классовъ и различныхъ сословій, одного или нѣсколькихъ, можетъ осуществляться черезъ посредство наследственнаго или избираемаго правителя. Въ первомъ случаѣ мы будемъ имѣть монархическую форму правленія, во второмъ - республиканскую. Слѣдовательно, нужно различать форму политическаго устройства и форму правленія. Форма политическаго устройства - это тотъ порядокъ, при которомъ высшая власть надъ гражданами сосредоточивается въ рукахъ одного или другого сословія, или тѣхъ или другихъ сословій, того или другого класса, или тѣхъ или другихъ классовъ. А форма правленія отвѣчаетъ на вопросъ, кто управляетъ отъ имени этого класса или сословія, или этихъ классовъ или сословій, управляетъ наследственный правитель, или избираемый.

Поэтому Франція Людовика XIV была, конечно, монархіей, но верховная власть осуществлялась не однимъ монархомъ, она находилась въ рукахъ дворянства, въ рукахъ духовенства и отчасти въ рукахъ среднихъ сословій. Почему монархія Людовика Филиппа известна подъ названіемъ буржуазной? Да потому, что власть сосредотачивалась въ рукахъ зажиточной буржуазіи, а осуществлялась она черезъ посредство монарха. При высокомъ цензѣ, который существовалъ нѣкогда и въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки, положимъ, въ эпоху Вашингтона - когда отъ лица, желающаго попасть въ число сенаторовъ и членовъ палаты, требовалось владѣніе большимъ земельнымъ имуществомъ, функціи законодательной власти и контроля надъ администраціей, можно сказать, принадлежали высшимъ слоямъ простонародья и буржуазіи - аристократіи не было въ Америкѣ -, а осуществлялись эти функціи не черезъ посредство наследственнаго главы, а черезъ посредство главы избираемаго, и именно президента. Была ли какая-нибудь разница между политическимъ строемъ Соединенныхъ Штатовъ и строемъ, скажемъ, ильсской монархіи, по вопросу о томъ, въ чьихъ рукахъ находится верховная власть? Такой разницы мы констатировать не можемъ. И тамъ и здѣсь верховная власть была въ рукахъ зажиточныхъ слоевъ, только въ одномъ мѣстѣ эта власть осуществлялась черезъ посредство наследственнаго монарха, а въ другой - черезъ посредство избираемаго на четыре года президента.

Англичане, быть может, первые поняли, что нельзя рѣшать вопроса о формах правленія исключительно по внѣшнимъ признакамъ. Поэтому, въ вопросѣ о томъ, кому принадлежитъ верховная власть въ Англіи еще знаменитый судья Кокъ, а занимъ и всѣ современные государствѣды отвѣчаютъ, что власть принадлежитъ парламенту, который состоитъ изъ короля, палаты лордовъ и палаты общинъ. При этомъ въ извѣстные моменты исторіи первенствующее значеніе имѣетъ король, въ иные моменты первенствующее значеніе принадлежитъ лордамъ, и въ третій моментъ, современный - палатѣ общинъ. Теперь спрашивается, отъ чего зависитъ выборъ той или другой формы политическаго устройства. Это - тотъ вопросъ, который ставятъ себѣ въ различныя времена различные философы-государствѣды, къ числу которыхъ нужно прежде всего отнести Монтескье. Монтескье признавалъ, что форма политическаго устройства не есть результатъ случая, что она обуславливается цѣлымъ рядомъ факторовъ, изъ числа которыхъ первое мѣсто принадлежитъ обширности территоріи. Ему казалось на основаніи фактовъ древней, средневѣковой и новой исторіи, что въ государствѣ, владѣющимъ обширною территоріей и потому поглощающемъ различныя національности, стояція на разныхъ ступеняхъ развитія, въ государствѣ, подданіе котораго исповѣдуютъ различныя религіи, имѣется большое число разлагающихъ государственное единство элементовъ. Въ виду этого является необходимость въ болѣе сильной и организованной власти для борьбы съ этими разлагающими элементами. Поэтому Монтескье держался той мысли, что обширныя государства должны имѣть сильную, централизованную власть, а она всего сильнѣе и централизованнѣе, когда всѣ нити управленія сходятся въ руки одного человѣка. Онъ полагалъ, ссылаясь на примѣръ древневосточныхъ имперій, Рима, когда этотъ послѣдній поглотилъ весь цивилизованный міръ, имперіи Карла Великаго и имперіи Гогенштауфеновъ, наконецъ имперіи короля-солнца, имперіи Карла V, что при обширности территоріи по мѣрѣ того, какъ государство приближается къ типу всемірной монархіи, его политическій строй всего болѣе долженъ становиться монархическимъ. При этомъ въ угоду древнимъ, которые выставляли чисто нравственный критерій для различенія монархіи и тираніи, Монтескье полагалъ

Общее ученіе о государствѣ.
Изд. Студ. Кассы Взаимопом.
Литографія Трѣфимова.

Проф. М. М. КОВАЛЕВСКАГО.
СПБ. Политехн. Институтъ.
СПБ. Можайская 3.

Составитель Ф. Мелитов

галь, что рядеть о монархіей, аристократіей и демократіей нужно поставить еще одну форму, при которой монархъ преслѣдуетъ исключително свои личныя выгоды или выгоды своей династіи, — деспотію. Когда Вольтеръ вздумалъ написать критику на „Духъ законовъ“ Монтеस्कье, то, онъ утверждалъ, что монархія, какъ понималъ ее Монтеस्कье, т.е. монархія безъ всякихъ ограниченій, и деспотія это — два родные брата, близнецы, которыхъ трудно различить другъ отъ друга.

Къ обширности территоріи, выдвигаемой Монтескье въ качествѣ фактора, разлагающаго единство государства, въ XIX столѣтіи прибавили новый разлагающій факторъ — націю — (національный вопросъ). Вы знаете, что современиныя государства, по крайней мѣрѣ, большинство изъ нихъ, имѣютъ населеніе, чрезвычайно разнородное въ этнографическомъ смыслѣ. Въ основѣ государства лежитъ преобладаніе той или другой этнографической группы. Въ Россіи, напримѣръ преобладаютъ великороссы, малороссы, обѣлороссы надъ финнами, татарами и т.д. Если Вы обратитесь къ Австріи, Вы увидите тамъ еще болѣе смѣшанное населеніе: тутъ и тюркскія племена — мадьяры, тутъ и славяне, далѣе выходцы изъ Швабіи и изъ Саксоніи, положившіе начало нѣмецкому элементу въ этой пограничной области «Св. Римской Имперіи, наконецъ, здѣсь же Вы найдете и итальянскій элементъ, населяющій, такъ называемый) Тироль съ Тридентомъ во главѣ.

Но нужно сказать, что нельзя смотрѣть на національный принципъ, какъ на принципъ вездѣ и всюду разлагающій государство. Иногда онъ имѣетъ, напротивъ, значеніе государство-созидающаго фактора: такъ было въ Италіи, такъ было и въ Германской Имперіи. Очевидно, что Германская Имперія объединилась на началѣ нѣмецкой расы, точно такъ же, какъ Италія объединилась на началѣ принадлежнсти жителей Тосканы и Неаполя, Венеціи и Рима къ одной и той же романско-итальянской вѣтви.

Рядомъ съ этимъ національный принципъ несомнѣнно является и разлагающимъ элементомъ, въ особенности въ монархіяхъ, которыя возникли путемъ завоеванія и въ которыхъ не послѣдовало сближенія между различными національностями. Нѣтъ государства, въ которомъ населеніе было бы представлено одною національностью, и нѣтъ народа, который могъ бы сослаться на чистоту своей природы. При чемъ подчиненныя національности могутъ или амальгамироваться съ остальнымъ населеніемъ или же, благодаря законодательству даннаго государства, сосуществовать въ

отдѣльную группу. Такъ было, на примѣръ съ Ирландіей. Вспомните, что только въ 1829 году былъ изданъ актъ объ эмансипаціи католиковъ, и если Вы вдобавокъ къ этому, примете во вниманіе, что въ XVIII вѣкѣ англичане всяческими мѣрами препятствовали зарожденію промышленности въ Ирландіи, считая, что только они могли заниматься промышленной дѣятельностью, то Вамъ станетъ понятно, почему ирландцы не амальгамировались съ англичанами и обособились въ національную группу резко отличающуюся отъ остальной массы англійскаго населенія.

Возникаетъ вопросъ, какъ вліяетъ смѣшанный національный составъ населенія на усиленіе центральной государственной власти или на ея обособленіе и въ связи съ этимъ на выборъ формы правленія. Въ свое время много надѣлало шуму сочиненіе барона Этвеша подъ названіемъ "Руководящая политическая идея." Авторъ этого сочиненія утверждаетъ, что господствующими идеями нашего времени являются : свобода, равенство и національность. Этвешъ говоритъ, что идея свободы и идея равенства были уже извѣстны въ XVIII вѣкѣ и началѣ XIX вѣка; нельзя сказать того же объ идеѣ національности. Можно настаивать, что идея національности есть та идея, которая отличаетъ политическое движеніе XIX столѣтія отъ движенія XVIII вѣка. Этвашъ старался объяснить, почему эта идея восторжествовала только въ тотъ вѣкъ. Онъ указываетъ на то, что торжество народнаго суверенитета или большее или меньшее приближеніе къ нему необходимо сопровождалось сознаніемъ своей самобытности и необходимости самоопредѣленія тѣми различными этнографическими группами, которыя входятъ въ составъ самодержавнаго народа. Однако, когда этнографическія группы обнаруживали весьма понятное желаніе самоопредѣляться въ опредѣленномъ направленіи и сохранить свою культуру, то это теченіе встрѣчалось съ обратнымъ теченіемъ нѣкоторыхъ монарховъ Австріи. Австрійскій императоръ Францъ I хорошо сознавалъ опасность, которая грозитъ Австріи, если она удовлетворитъ притязаніямъ на самоопредѣленіе различныхъ народностей, входящихъ въ составъ ея населенія, и потому обращался къ политикѣ, обозначаемой словами: *divide et impera*, вноси разнь, а на этой розни строй свое владѣтельство. Францъ I такъ объяснялъ англійскому экономисту сокровенныя принципы своеуправленія : " Мои народы, говорилъ онъ, чужды

другъ другу, но тѣмъ лучше; они не подвергаются одновременно одной и той же болѣзни. Когда во Франціи начинается лихорадка, она овладѣваетъ всѣми, а я посылаю венгровъ въ Италію, итальянцевъ въ Бенгрію, и каждый стережетъ своего сосѣда. Они не понимаютъ другъ друга и другъ друга ненавидятъ. Изъ ихъ взаимныхъ антипатій рождается порядокъ и ихъ ненависть однихъ къ другимъ служитъ основаніемъ общаго мира и моего благополучія." Этьешъ ставилъ въ связь подъемъ національнаго чувства въ началѣ XIX вѣка съ завоевательной политикой Наполеона I. Этотъ послѣдній презиралъ независимость отдѣльныхъ государствъ и игнорировалъ независимость націй. Идеаломъ Наполеона была всемірная монархія, и когда онъ принималъ мѣры къ тому, чтобы достигнуть этого идеала, когда онъ организовывалъ княжество для членовъ своей династіи, онъ, конечно, совершенно не считался съ интересами отдѣльныхъ національностей. Военные успѣхи Наполеона объясняются въ значительной степени тѣмъ, что ему въ теченіе долгаго времени пришлось вести войны съ правительствами пришедшихъ въ полный упадокъ абсолютистскихъ монархій, а не съ націями. Дѣятельность Наполеона началась и развивалась въ тотъ періодъ, когда націй еще не было, когда онѣ не выступали еще на сцену исторій. Но Наполеонъ постепенно сталъ зарываться все больше и больше. И тяжелый гнетъ его режима послужилъ той искрой благодаря которой въ Италіи, Германіи и въ Россіи проявилась во внѣ скрытая до того энергія національнаго чувства. Наполеонъ вызвалъ къ жизни новую силу, съ которой онъ погибъ. Съ гибелью Наполеона и начинается новая эра въ исторіи Европы — эра національностей.

Но Этьешъ утверждаетъ, что различіе національностей, смѣшанный этнографическій составъ населенія необходимо вызываетъ ту или другую форму правленія. Этого далеко недостаточно. Нужно спросить, что же составляетъ національность? Достаточно ли только имѣть языкъ, грамматическія формы котораго отличается отъ грамматическихъ формъ языка, на которомъ говоритъ господствующее племя, для того, чтобы у людей, державшихся этого стличнаго діалекта, обнаружались центробѣжныя силы? Въ Бельгіи уживаются валлоны, говоряшіе на французскомъ языкѣ и фламандцы, говоряшіе на нѣмецкомъ языкѣ. И это обстоятельство не угрожаетъ политическому единству Бельгіи. Если Бельгіи и приходится считаться съ какою нибудь рознью, такъ это съ рознью классовой, а не національнсі. Въ Швейцаріи населеніе говоритъ на трехъ языкахъ: нѣмецкомъ, французскомъ и итальянскомъ. Имѣются кантоны совершенно французскіе, совершенно нѣмецкіе и со-

вершенно итальянскіе. И тѣмъ не менѣ національное движеніе, стремившееся къ объединенію всѣхъ частей Апеннинскаго полуострова, на которомъ народы говорятъ по итальянски, совсѣмъ не коснулось швейцарскаго кантона Тессина, жители котораго тоже говорятъ по итальянски, такъ какъ этотъ кантонъ желаетъ оставаться членомъ Швейцарской федераціи. Въ этомъ кантонѣ существуетъ борьба социалистовъ и не социалистовъ, но о стремленіяхъ перейти къ Италіи ничего не слышно. Слѣдовательно одного языка недостаточно для того, чтобы національность служила элементомъ объединяющимъ или разлагающимъ государство. Необходимо что нибудь другое. Останавливаются на мысли, что необходимо еще два условія: общность историческаго прошлаго, что находитъ свое выраженіе въ историческомъ правѣ, и общность интересовъ настоящаго. При такихъ двухъ общностяхъ національный принципъ является принципомъ, такъ сказать, объединяющимъ государство. Если этой общности противорѣчитъ различіе историческихъ судебъ прошлаго и различіе интересовъ въ настоящемъ, то тогда національный принципъ является разлагающимъ элементомъ. Пробѣримъ это на конкретномъ примѣрѣ. Венгрія имѣла свой собственный сеймъ, свою систему, какъ центральнаго, такъ и мѣстнаго управленія, хотя въ то же время имѣла общаго съ Австріей главу въ лицѣ монарха изъ династіи Габсбурговъ. Сеймъ въ Венгріи, гдѣ официальнымъ языкомъ считался латинскій, пользуется такой самостоятельностью, по отношенію къ заявленіямъ, дѣлаемымъ правительствомъ Австрійскаго императора, что когда та или иная мѣра кажется ему неприемлемой, онъ постановляетъ прилагаемъ сдѣланное Вами предложеніе къ прочимъ актамъ, хранимымъ въ нашихъ архивахъ. Только въ XIX столѣтіи латинскій языкъ началъ вытѣсняться языкомъ нѣмецкимъ, и тогда венгерцы стали настаивать на введеніи мадьярскаго языка въ Венгріи. Тогда же и славяне вспомнили о различіи своихъ судебъ съ судьбами австрійскаго государства и о своемъ славянскомъ языкѣ; С л а в о н і я , Х о р в а т і я и Д а л м а ц і я вспомнили объ единствѣ своихъ судебъ въ прошломъ когда они входили въ составъ триединаго королевства, и пожелали имѣть свое собственное политическое устройство, своего собственнаго правителя Славоніи, Хорватіи и Далмаціи. И другія подчиненныя австрійскому правительству земли: В о г е м і я , С и л е з і я и М о р а в і я также вспомнили о своемъ историческомъ единствѣ и также обнаружили желаніе о возстановленіи правъ стариннаго королевства, существовавшаго добиты при Вѣлой горѣ, когда было уничто-

жего его самостоятельное существование. Не отставали и Галиция, входившая некогда въ составъ Рѣчи Посполитой, которая точно также начала настаивать на исторической обособленности. При такомъ положеніи дѣлъ разнообразный національный составъ населенія австрійскаго государства несомнѣнно является въ значительной степени разлагающимъ элементомъ. Въ настоящее время Австрійская имперія представляетъ собою учрежденіе, вѣстрое по его сложности публицистъ П у ф ф е н д о р ф ъ навѣрсе призналъ бы имперіей - чудовищемъ, какъ снѣ призналъ чудовищемъ Германско-римскую имперію. Въ настоящее время въ Австріи выделяются, главнымъ образомъ: дѣя національности: и тѣмъ е ц к а я и м а д а р с к а я . Батѣмъ второстепенное значеніе, послушамъ самостоятельности во всей П и с л е й т а н у и признаю только за галиційскими поляками. За исключеніемъ Галиціи и Пислейтавіи ни одна національность не признана въ свихъ совершеннѣ понятныхъ стремленіяхъ устроить свой бытъ стчасти согласно свихъ культурнымъ формамъ, осздааннымъ путемъ долгаго историческаго процесса, стчасти согласно особенностямъ свихъ интересовъ въ настоящее время.

На одни австрійскіе и нѣмеліе писатели считаютъ національный вопросъ сильнымъ разлагающимъ факторомъ. То же дѣлаетъ и французскій писатель И д о л и т т ѣ П а с с и . Въ своемъ сочиненіи „О формахъ правленія и законахъ у правящихъ въ оборотъ этихъ формъ“ рядомъ ст чрезмѣрной величиной территоріи онъ ставитъ національную и религіозную разнѣ. Последняя имѣетъ мѣсто тсгда, когда верхшая власть стодесталаеть всю миссію ст тѣмъ или инымъ вѣрсученіемъ.

-----cccccccccccccccccccccccccccc-----